

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

В. С. ЕЛАГИН

**ЛЕТОПИСЬ РОССИИ:
ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ
И ЕГО ВРЕМЯ**

НОВОСИБИРСК 1998

Печатается по решению редакционно-издательского совета

УДК 947.032.5

ББК 63

Е-47

Автор: **В.С. Елагин**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Летопись России: Дмитрий Донской и его время. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. - 127 с.

ISBN 5-85921-107-4

В книге даётся погодное описание событий, связанных с временем княжения Дмитрия Ивановича Донского. Эта эпоха время становления России, рождения великорусской народности. Ключевым этапом, апогеем развития явилась Куликовская битва.

Книга рассчитана на учителей истории, студентов-историков, всех, интересующихся историей России.

Науч. ред. - д-р ист. наук, проф. **Е. И. Соловьева**

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. **В. Н. Худяков** (Омский гос. педуниверситет); кафедра отечественной истории НГПУ

ISBN 5-85921-107-4

© Елагин В.С., 1998

*50-летию моего учителя, академика
Вячеслава Ивановича Молодина, посвящается*

От автора

"Переведя на русский язык практически всего Дюма, мы не удосужились пересказать современным языком большую часть наших летописей. А зря" (Владимир Потресов)

Однажды мне попался в руки старый номер журнала "Огонек", где была помещена очень интересная статья о Пскове, и своеобразным эпиграфом к ней были процитированные выше слова автора. Они меня буквально поразили, так как были необычайно созвучны моим мыслям и являлись своеобразным девизом моей работы по изучению русских летописей, которой я занимаюсь на протяжении последних 15 лет на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета.

Когда я приступил к разработке курса лекций по истории России (тогда еще СССР), то углубился в мир русских летописей, законодательных актов, литературных произведений, — другими словами, в то, что называют историческими источниками. Именно тогда я пришел к двум побудительным причинам, которые стали обоснованием моей дальнейшей работы: первая — это радость, чувство гордости от того чудного материала, которым располагает наша история, наш народ. Вторая, более печальная, — мысль о том, как плохо мы знаем свою отечественную историю. Проведите небольшой эксперимент. Опросите случайных прохожих: что они знают о Невской битве, Куликовом поле, Бородинском сражении, Сталинградской битве. В лучшем случае вы услышите несколько "обтекаемых" фраз. А о людях этой эпохи, о тех, кто вершил историю, создавая славу России, услышите еще меньше.

Причин, объясняющих такое положение, много, и нет смысла их все анализировать. Остановлюсь лишь на одной, касающейся нас — историков, преподавателей. Мы слабо пропагандируем нашу историю, мало издаем работ научно-популярного плана, доступных широкому кругу читателей. Существующая литература, бесспорно, обширна, но она, как правило, издается малым тиражом и сосредоточена либо в руках специалистов, либо в науч-

ных библиотеках, доступ к которым в последнее время все более ограничен. Для массового же читателя нужна литература, соединяющая в себе элементы научно-монографического исследования и научно-популярной книги.

Осознавая все это, я разработал два спецкурса: "Летопись России" и "Русская история в лицах", читаемых на историческом факультете НГПУ. В первом спецкурсе дается попытка соединения всех доступных источников и на их основе — погодное описание истории России с древнейших времен до XVII века. Второй спецкурс включает в себя историко-биографические очерки о видных деятелях русской истории. И вот сейчас настало время подведения некоторых итогов, и появилась возможность поделиться с читателями первыми результатами своей работы.

Предлагаемая книга — первая из задуманной серии "Летопись России". Она охватывает небольшой период истории русских княжеств с 1359 по 1389 год — 30-летний период правления московского князя Дмитрия Ивановича. Писать о времени Дмитрия Донского необычайно сложно: тема, на первый взгляд, может показаться довольно "избитой". И действительно, существуют десятки книг и монографий, сотни статей и исследований. Особенно много работ посвящено Куликовской битве и ее героям. Потому важно найти нечто свое, отличающееся от общей канвы описания событий XIV века.

В основу работы положен летописный метод погодного описания с подробным анализом всех происходящих событий, извлекаемых из различного рода источников. Где-то отчасти мы здесь следуем за В.Н.Татищевым, "последним летописцем и первым историографом русского государства". Его "История Российская" является для нас важным источником, так как содержит информацию, отсутствующую в других, русских летописных сводах. Вот почему в своей работе я часто обращаюсь к творчеству этого автора, цитируя его как образец описания русских летописей. Вместе с тем широко привлекаются и другие исторические источники, раскрывающие содержание эпохи. Мне хотелось ее показать во всей сложности и многообразии — это победы и поражения, взлеты и падения, политическая и идейная борьба. Я попытался описать сложные зигзаги российской истории этого периода через деятельность одного из основателей Российского государства Дмитрия Донского. А что из этого получилось — судить читателям.

В ЛЕТО 6867 (1359 г.) 13 ноября в Москве умирает Иван Иванович - великий князь Владимирский, «благоверный, христолюбивый, кроткий, тихий и милостивый», по оценке В. Н. Татищева¹. Что это - посмертный трафаретный некролог, либо действительно истинная оценка историком почившего правителя, вошедшего в историю под прозвищем «красный», красивый? Ведь, собственно, мало в истории людей, оставивших о себе подобную память, отражающую не какие-то деловые качества правителя, а его наружность, состояние души. И вот здесь нам придется сделать первое отступление от избранного хронологического плана, чтобы читатель реальнее ощутил значимость произошедшего события.

Князь Иван очутился на великом княжении, по существу, случайно. В 1353 году от чумы скончался в расцвете сил, полный энергии 36-летний Симеон Иванович «Гордый». Когда же «чёрная смерть» унесла из жизни и другого брата Ивана - Андрея, а также сыновей Симеона - Ивана и Семена, не пощадила и их духовного наставника митрополита Феоноста². княжение было передано в руки последнего сына Калиты — Ивана Ивановича. В отличие от своего брата Симеона Иван не готовился к великокняжеской миссии и его, по всей видимости, устраивала позиция удельного князя. Но судьбе было суждено повернуть все по-своему: проверить на прочность не только самого князя, но и всё здание, именуемое Московским княжеством, заложенное ещё Даниилом Александровичем, младшим сыном Александра Невского, медленно, по крупицам, но основательно создаваемое его сыновьями Юрием и Иваном Калитой, внуком Симеоном. В отношении прочности политики самого князя судить сложно. За 6 лет своего правления Иван Иванович успел только сохранить политический курс своих предшественников. И вот новый поворот истории, новое испытание на прочность Московского княжества. Иван умирает в возрасте Христа, в 33 года, перед смертью, очевидно, сильно болеет и, предчувствуя летальный исход, успеваает постричься в монахи, умирая «во иноцах и в схиме»³. До нас дошли два экземпляра ду-

ховной грамоты Великого князя, составленных около 1358 года и в 1359 году⁴, в которых мы видим, кого он определяет своими наследниками. Ими становятся его сыновья - 9-летний Дмитрий⁵, 5-летний Иван⁶, 6-летний племянник Владимир Андреевич⁷ и великая княгиня, вдова Александра. Нет сомнения, что своим преемником Иван Иванович видит своего старшего сына, хотя в духовной грамоте об этом особо не оговорено. Но возраст, в котором Дмитрий становится князем, бесспорно, создаёт условия для кризиса не столько самой княжеской власти, сколько вызывает опасения за возможную потерю лидерства Москвы в споре за великое княжение Владимирское, устраивая тем самым своеобразную проверку на прочность дела Даниловичей.

Судьбе было, очевидно, заказано, что в силу приведённых выше обстоятельств Московским князем стал Дмитрий Иванович, в будущем «Донской», один из величайших деятелей Российской истории, а пока просто 9-летний мальчик. Малолетний князь не смог бы в одиночку решить весь комплекс политических проблем, вмиг навалившихся на его плечи. Нужна была такая сила, опираясь на которую юный князь мог чувствовать себя в безопасности, набираться уму-разуму, политического и житейского опыта. Была ли в Москве такая сила? Была. Таковыми оказались московское боярство и духовенство во главе с митрополитом Алексием.

Ещё со времён Ивана Калиты Москва, добившись первенства над другими княжествами Северо-Восточной Руси, не упускала из своих крепких рук великое княжение Владимирское. Поколение московских бояр выросло на этом превосходстве, получая ряд преимуществ, возвышавших их над боярами других княжеств. Русская православная церковь со времён митрополита Петра, благословившего Москву стольным городом, видела именно в нём центр духовенства. И вот это лидерство и могущество из-за отсутствия крепкой княжеской власти могло вмиг улетучиться. Такого, естественно, не могло себе позволить московское правительство, стоявшее за юным князем. Состав его просматривается очень нечетко. Мы лишь знаем, что его главою - и в исторической литературе сложилось твёрдое убеждение в том - был митрополит Алексей, хотя в духовной грамоте Ивана Ивановича не встречается даже упоминания о «наставничестве» над малолетним Дмитрием со стороны митрополита. Но это объяснимо. В год смерти Ивана Красного самого Алексия в Москве не было. Он находился

в это время в Киеве, в плену у Ольгерда, и предсказать дальнейшую его судьбу было попросту невозможно. Поэтому маловероятно, что главным правителем при князе был назначен именно Алексей, хотя Иван, конечно же, надеялся на благополучный приезд митрополита. С другой стороны, мы имеем ряд документов, правда, более позднего происхождения, в которых говорится, что «великий князь московский и всея Руси» Иван «перед своею смертью не только оставил на попечение тому митрополиту (Алексию) своего сына, нынешнего великого князя всея Руси Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому, ввиду множества врагов - внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить её»⁸. Хотя нельзя исключать того факта, что подобные материалы могли появиться позднее, чтобы объяснить, оправдать то лидирующее положение, которое занял в первые годы правления Дмитрия митрополит Алексей. И нужно обязательно учитывать, что первенство за Алексием стало возможным в той значимости, что имел в тогдашней жизни митрополит, благодаря его духовной целостности, богатому житейскому и политическому опыту. Дмитрию нужен был наставник, поводырь по жизни, и таковым стал Алексей сразу же по возвращении из плена.

Первоочередная задача, стоявшая перед московским правительством, заключалась в том, чтобы отстоять в Золотой Орде ярлык на великое княжение Владимирское. А в самой Орде в этот год начинается «замаятия велика»⁹. Полоса убийств, вспыхнувшая после резни, устроенной Бердибеком в 1357 году, разгорелась с новой силой. «Того же лета во Орде убиен бысть хан Бердибек, сын Жанибеков, внук Азбяков, и з доброхотом своим, имянованным Товлубием князем, и со иными советники его прияша месть по делом своим, испи чашу, еюже напоил отца своего и братию свою. И по нем сяде в Орде на ханстве Кулпа, и властвова месяц 6, дней 5 и много зла сотвори»¹⁰. Его вместе с двумя сыновьями убивает Наурус¹¹. И это было только начало. Убийство Кульпы усиливает междоусобную борьбу в Золотой Орде. Исследователи отмечают, что за последующие 20 лет там перебивалось более 25 враждовавших между собой ханов¹².

Думалось, что с восшествием на престол хана Науруса (Ноуруз, Навроус, Навруз - разные чтения) должен установиться порядок в Орде. За ним чувствовались сила и власть, и русские князья по-

спешили к новому правителю для их утверждения на княжествах. Князь Василий Михайлович Тверской «з братаничи», ростовский, рязанский и многие другие князья, опережая друг друга, бросились в Орду. О составе московского посольства в источниках крайне противоречивые данные. Рогожский летописец отмечает, что к хану приехал сам малолетний князь «и виде царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастом»¹³. В. Н. Татищев, опираясь на иной круг летописей, считает, что от Москвы посольство возглавил кичичей князь Василий Михайлович, «а князь Дмитрий Иванович остался мал, яко 6 лет (на самом деле 9 лет. - В. Е.) и не иде»¹⁴. Среди русских князей в Орде произошла ссора, каждый жаловался хану на обиду при разделе земли. Посол московского князя просил ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию Ивановичу. Но Навруз отказал. По одной версии - из-за малолетства князя¹⁵, по другой: «когда сам придет, тогда ему дам»¹⁶, при этом хан обещал послу никому до поры до времени великого княжения не давать. Конечно, не желание хана видеть князя-отрока сыграло роль в том, что великое княжение Владимирское не было передано сразу Москве. Сыграл главную роль другой фактор. Малолетство московского князя позволило поднять голову другим русским князьям, не помышлявшим о ярлыке на княжение Владимирское, а стало быть, и на главенство в Северо-Восточной Руси со времён Ивана Калиты. А для Орды это был хороший повод, чем больше претендентов, тем больше разжигаются страсти и есть возможность стравливать русских князей друг с другом, возвышая одних, унижая других, и при этом, получая новых претендентов на власть, требовать увеличения выплаты дани, иных форм зависимости.

Тем временем в Орду поспешили и Суздальско-Нижегородские князья, Андрей и Дмитрий Константиновичи. После смерти в 1355 году их отца Константина Васильевича Нижегородское княжество по завещанию было разделено на ряд уделов. Старший, Андрей, получил Нижегородский стол, Дмитрий получил Суздаль, и ещё один брат, Борис, - город Городец с волостями¹⁷. Цель поездки была, очевидно, та же: закрепить за собой свои княжения, а при возможности - зарекомендовать себя перед новым ханом, подарив его и его окружение подарками, продолжить ту борьбу за великое княжение Владимирское, что вёл их отец. Братья считали, что у них больше прав, преимуществ, чем у их юного соперника. Правда, и среди них существовали разные точки зрения на этот

вопрос. Старший, Андрей, помня злосключения своего отца, добивавшегося ярлыка в соперничестве с Иваном Ивановичем, прекрасно понимал, что ситуация на Руси в значительной степени изменилась. Москва, даже с юным князем, просто так теперь не отдаст ярлык, что это теперь зависит не только от воли, желания хана. Получить-то ярлык можно, но возможно ли его удержать? Поэтому, когда Навруз предложил Андрею Константиновичу ярлык на великое княжение Владимирское, тот вежливо отказался, предпочтя «синицу в руках» - нижегородское княжение, и уступил это право своему брату Дмитрию. В сложившейся ситуации Навруз долго размышлял, но суздальский князь, развив бурную деятельность, в конце концов прельстил хана и его окружение, и «даде ему великое княжение Белое, град Володимер и Перрславль со всею областию»¹⁸. Вручение ярлыка на Владимирское княжение не московскому, а суздальскому князю с дипломатической точки зрения объяснимо. Уж очень возвысилась Москва в предыдущие правления, и, давая ярлык Дмитрию Константиновичу, Навруз следовал старому правилу монголо-татарского господства: подавлять возвышающихся, находить опору в их противниках, создавать атмосферу зависти и ненависти в княжествах, стравливать их друг с другом, сосредоточив все узды правления в своих руках.

Княжение Дмитрия Ивановича начиналось с поражения.

В ЛЕТО 6868 (1360 г.). Год ознаменован прежде всего тем, что в Москву из киевского плена возвратился Алексей. Источники очень скупы в описании пребывания митрополита в Киеве. А события, предшествовавшие этому, были очень тревожными для митрополии и драматичными для самого митрополита.

С середины 50-х годов XIV века усиливается экспансия великого княжества Литовского на земли Юго-Восточной и Северо-Восточной Руси. Под властью литовского князя Ольгерда оказались белорусские земли, Киевское, Волынское, Переяславское княжества. В 1356 г. Ольгерд подчинил Брянск, в орбите своей политики смог удержать Смоленск, в 1359 году подчинил города Мстиславль, Ржев¹⁹. Границы Литовского княжества вплотную подошли к Московскому. Большинство населения территории Литовского княжества составляли русские, православные жители. Осуществляя экспансию русских земель, Ольгерд решил усилить свои позиции, добившись провозглашения особой Литовской митрополии, независимой от Москвы.

Попытки создания особой митрополии стали предприниматься ещё в начале XIV века. В 1347 году митрополиту Феогносту, предшественнику Алексия, удалось закрыть Галицкую митрополию²⁰. Константинополь с опаской относился к разделу единой русской митрополии, но под давлением Ольгерда в 1355 году принял решение об образовании Литовской митрополии. Митрополитом был назначен Роман, родственник жены Ольгерда, тверской княжны Ульяны, получив в своё ведение Новгородскую, Полоцкую и Туровскую епархии²¹. Однако Роман этим не удовлетворился и стал предъявлять большие претензии, вести наступление на права митрополита Алексия. Бесспорно, за всеми действиями Романа видится желание Ольгерда. Можно только представить, какие сложные задачи пришлось решать Алексию. Ольгерд набирает силу, его желание захватить все русские земли, объединить их под властью Вильно приобретает реальность. Алексей едва стал митрополитом, а уже большая часть митрополии во главе со святым для православных людей городом Киевом оказалась под Ольгердом и не в его власти, митрополита «всёя Руси», а Романа. Что делать? Только одно: искать заступничества у Орды, Византии. Дважды в ходе этой борьбы Алексей бывает в Орде, дважды в Византии. В 1356 году патриарх Каллист вызывает и Алексия, и Романа для окончательного раздела митрополии. На Соборе было принято, по существу, половинчатое решение. Алексей оставался митрополитом Киевским и Всея Руси, а Роман - только митрополитом Малой Руси. Такое решение, в первую очередь, не могло удовлетворить Ольгерда. Он настаивал, чтобы Литовско-русское княжество было избавлено от духовного подчинения митрополиту Алексию, а стало быть, и Москве. Роман не принял такого решения Константинополя и, прибыв в Киев, самостоятельно провозгласил себя Киевским митрополитом. Потеря власти над православной церковью в Литве грозила большой опасностью не только самой русской митрополии, но и Москве, так как смещались точки влияния на эти территории.

Возникла угроза великорусскому княжению. Алексей в 1358 году собирается отправиться в Киев, чтобы лично на месте урегулировать этот сложный вопрос. Попытка довольно смелая и рискованная, но, очевидно, Алексей рассчитывал на поддержку определённых кругов Киева, недовольных и Ольгердом, и Романом. Но решительно действует и Ольгерд. Он «изымал его обманом», заключил Алексия под стражу, отнял у него многоценную утварь

и, может быть, убил бы, если бы при содействии некоторых митрополит не убежал тайно и таким образом не избежал от опасности²². Алексей прибывает на Русь, где в его отсутствие произошли события, о которых мы уже говорили.

Вслед за Алексием поспешил на Русь и Роман, причём отправился он не в Москву, прекрасно понимая, что это ни к чему хорошему не приведёт, а в Тверь - политическую противницу Москвы. Цель поездки видна определённно: склонить Тверь, Тверское духовенство к литовско-русской митрополии и тем самым ослабить позиции Алексия, Москвы. Но тверичи, несмотря на то, что Роман был родом из этого города, что тверской князь и бояре в своей политике во многом опирались на Ольгерда, проявили твёрдость. Фёдор, епископ тверской, даже не пожелал с Романом встретиться²³. Князь же отнёсся к этому событию с большой осторожностью. Решив не «сжигать мосты», памятуя, что за Романом стоит Литва, он и бояре выплатили Роману потребное, отправив его назад. Это событие знаменательное по многим моментам. Главное - признание безоговорочного права Москвы на духовное лидерство и отказ от религиозной зависимости Литвы.

Летом этого же года из Орды возвратился Дмитрий Константинович в сопровождении ханских послов, привёзших ярлык на великое княжение Владимирское. 22 июня во Владимире он был торжественно провозглашен великим князем. Митрополиту Алексею, в силу его положения, предстояло быть па этом торжестве и лично благословить Дмитрия. Можно себе представить, что творилось в душе у Алексия в этот момент, когда он отдавал власть над северо-восточными русскими князьями противнику Москвы и, благословляя на великое княжение Владимирское, тем самым признавал законность этого акта. Источники об этом событии сознательно умалчивают, лишь у В. Н.Татищева мы находим сообщение, что при князе Дмитрие Константиновиче Алексей поставил в Новгород архиепископом Алексея, а великий князь отправил в этот город своих послов и наместников, и новгородцы их с честью приняли²⁴. Таким образом «Господин Великий Новгород» попадал в сферу влияния суздальско-нижегородских князей, а Москва утрачивала такого богатого и сильного партнёра, союзника.

Дмитрий Константинович получил ярлык из рук Навруза. А между тем положение его самого в Золотой Орде было очень непрочным. Весной 1360 года в борьбу за ханский престол включа-

ется «некий заяицкий хан Хидырь Синия орды»²⁵. Он принадлежал к Чингизидам и, считая Кульпу и Навруза узурпаторами, предъявил свои претензии на Саранский престол. В среде Золотой Орды у него нашлось много сторонников, в результате чего он убивает Навруза вместе с его сыном, ханшу Тайдулу (покровительницу Алексия, жену Джанибека) и сам становится ханом Золотой Орды. В отношении Руси политика Орды не изменилась. Так же, как и его предшественники, Хидырь считался верховным правителем русских земель и наделял князей княжениями. Известно, что при нём ярлык на княжение в Галиче получил Дмитрий Борисович, а Константин Васильевич - княжение в Ростове. Кроме этого, хан успел провести ещё одно, важное для Руси и себя, мероприятие: заставить великого князя Владимирского собрать съезд русских князей с целью наказания новгородских ушкуйников.

Издавна в Новгороде и на Руси были известны ватаги молодцов-купцов, разбойников, которые на своих судах-ушкуях проникали по рекам в самые отдалённые уголки Руси, торгуя, а при возможности и грабя, разоряя, убивая местных жителей. Летом этого года новгородский отряд ушкуйников напал на город Жукотин на реке Каме, побил много татар и захватил большую добычу. Ответная реакция не замедлила сказаться: в городе Болгары татары пограбили всех русских купцов. Жукотинские князья обратились к Хидырю с жалобой на действия новгородцев. Хидырь отправил к Дмитрию Константиновичу трёх послов: Уруса, Каирмека, Алатынцыбека со строгим приказом поймать и наказать разбойников. Сейчас же в городе Костроме был собран съезд князей, на котором, помимо Дмитрия Константиновича, был его старший брат Андрей Константинович, ростовский князь Константин Васильевич, князь Андрей Фёдорович, племянник Константина²⁶. О других князьях сообщений нет. Интересно, что на этом съезде нет представителей Москвы, Твери и даже Новгорода, которого напрямую касались решения съезда. Считал ли Дмитрий Константинович это делом лишь своего родового клана либо не желал вмешиваться в столь щекотливое дело другого княжества - судить трудно. Решение Костромского съезда однозначно предполагало подчинение желанию хана и выдачу в Орду разбойников. Объединёнными силами князей их схватили и совсем награбленным имуществом отправили к хану на расправу. В отношении самого Новгорода даже не было вынесено никакого «частного определе-

ния», так как осложнять отношения с ним Дмитрий Константинович не решился.

В ЛЕТО 6869 (1361 г.). «Бысть знамение на небеси, погипе месяц и бысть аки кровь»²⁷ - летописец через явления природы как будто подготавливает читателя к кровавому 1361 году...

Хан Хидырь вызвал в Орду всех русских князей, очевидно, с той же целью, что и вызывали его предшественники: установить свой порядок на Руси. Первым прибыло московское посольство во главе с самим Дмитрием Ивановичем. Сложно судить о том, как встретил москвичей Хидырь, какими были пожалования московскому князю, так как начался новый виток «великой замятии», и Дмитрию и его спутникам с большим трудом удалось вырваться и возвратиться на Русь. Этого не удалось другим русским князьям - Дмитрию Константиновичу, Андрею Константиновичу, Константину Васильевичу Ростовскому, Михаилу Давыдовичу Ярославскому. «Бысть при них замятия велия во Орде, и убиен бысть кроткий и смиренный хан Хидырь с меньшим сыном своим Кутлуем от большаго сына своего Темир-ходзи, и сяде на государстве Воложском»²⁸. Разгоревшиеся за этим события были высшим пиком «великой замятии». Русские летописи очень противоречиво описывают происходившее, так как и сама информация, поступавшая на Русь, была очень запутанной, отрывочной и противоречивой. В общих чертах события можно представить следующим образом²⁹. Темир-ход-зя пробыл на ханстве лишь один месяц и семь дней³⁰. И связано это было с появившейся на политическом небосклоне, а стало быть, и в сфере внимания русских летописей, фигуры Мамаю, военачальника, политика, почти на целых 20 лет определявшего затем взаимоотношения Руси и Золотой Орды.

Возвышение Мамаю началось ещё при Бердибеке. Он был женат на дочери хана и получил высшую должность в государстве - беклярибе-ка. До поры до времени Мамаю не вмешивался в сепаратную деятельность, учитывая то обстоятельство, что он не принадлежал к Чингизидам и не имел права на борьбу за ханский престол. Но, являясь опытным полководцем, хитрым и изворотливым политиком, он постепенно подбирался к высшим эшелонам власти. За спиной марионеточных ханов, не обладавших должным влиянием и военной силой, он постепенно становится главной фигурой Золотой Орды. Первым его ставленником был хан Абдуллах, выступивший против Темир-ходзи в середине 1361 года. Мамаю в сражении разбивает войска Темир-ходзи, заставляя

ет бежать его из Сарай ал-Джедид на правый берег Волги, где его и убивают³¹. Сам Мамай вместе с Абдуллахом отходят в принадлежащий им улус Крым, очевидно, для перегруппировки войск, готовясь к дальнейшей борьбе за власть. А в это время в Сарае ал-Джедиде власть захватывает представитель Кок Орды хан Орду-мелик, но и его правление длилось всего месяц³². "Тогда третий хан возста, именем Килды-бек, творящися сын Жанибека, внук Азбяка хана (выдавая себя за сына Джанибека. - В. Е.). И той, добиваясь государства Воложскаго, много поби, последи же и сам убиен бысть"³³. Но это будет несколько позже, а пока осенью 1361 г. в Сарае утвердился хан Мюрид, а Кильдибек вынужден был бежать на правобережную Волгу³⁴.

Каково же было положение русских князей, оказавшихся в это «жаркое лето» в Орде?! В силу обстоятельств каждый из князей вынужден был самостоятельно выкручиваться из этой кровавой бойни. Андрей Константинович сумел с боем пробиться «на Русь добрь здравь»³⁵. «А князь Костянтинъ Ростовьскыи осталъ князя Андрея въ Орде и въ замытию ту ограбиша его Татарове и телеса ихъ обнажища и не остася на нихъ ни исподнихъ порть, а сами нази токмо живи приидоша пеши на Русь»³⁶. И только Дмитрий Константинович, великий князь Владимирский, «оста въ Сарае цель сохранень бысть»³⁷. Как ему это удалось, мы не знаем, все источники молчат.

В ЛЕТО 6870 (1362 г.). Положение в Золотой Орде несколько не стабилизировалось. Летом отряды Кильдибека были разбиты войсками Мюрида³⁸ (Муруда, Амурата - разночтения в летописях), а сам он был убит. Но установить единоличную власть Мюриду помешало появление в Поволжье войск Мамаея. «И бысть Мамаю съ Мурутом сеча о Волзе»³⁹, закончившаяся, по всей видимости, безрезультатно. В итоге, сложилась такая ситуация, когда Золотая Орда оказалась расколотою на две, враждующие друг с другом, части. «Бысть в то время на Волжском государстве два хана: Авдула хан Мамаевы Орды, его же Мамай темник устроил ханом во всей Орде в нагорной стороне (правобережье. - В.Е.), а другой Аммурад в луговой стороне (левобережье. - В.Е.) с саранскими князии. И тако те два хана и те две Орде, мал мир имеюще, меж собою всегда во враждех и бранех»⁴⁰.

Для Руси создавалась благоприятная ситуация. В обстановке, когда отсутствовала единая политическая власть в Орде, с постоянной враждой не только между Мамаем и ханами Сарая, но и

мелких сепаративных группировок, проблемы Руси, русских князей всё больше отходили на задний план. И хотя каждый хан требовал подчинения, требовал Ордынского выхода, контроль за Северо-Восточной Русью в результате «великой замятии» ослаб. Свои проблемы русские князья уже, отчасти, могли решать сами, исходя из военной силы, экономического потенциала княжества, политического предвидения. Кто в этой ситуации окажется более изворотливым, сильным, тот и победит.

Чувствовалось во всём, что московское правительство потерю ярлыка на великое княжение Владимирское считает временным и что основная борьба за него ещё впереди. Лишь только как-то определилась ситуация в Орде, москвичи затевают спор о законности выдачи ярлыка Дмитрию Константиновичу. С этой целью каждый из претендентов посылает посольство в Сарай к хану Мюриду, причём их возглавляют не сами князья, не успевшие ещё отойти от злоклучений прошлого года, а киличчи - специальные послы, знающие татарский язык. Конечно, в Орде между посольствами возник спор, какое княжество имеет больше прав на ярлык. Главными аргументами москвичей было не только то, что Дмитрий Константинович поставлен не «по отчине и по дедине», то есть не по наследственному праву, а то, что ярлык ему был вручен Наврузом, и в изменившихся политических условиях, когда у власти стал Мюрид, он недействителен. Новая власть Сарая, конечно, хотела решать русские вопросы по-своему, вопреки, наперекор своим предшественникам. И нельзя сбрасывать со счетов ещё один очень веский аргумент в пользу московского князя. Каждое посольство прибыло к хану «з дары многими», а в этом плане глава московского правительства митрополит Алексей был великим мастером решать с помощью подкупа политические проблемы. Тем более, что в руках Москвы была казна всей православной русской церкви, а значит, и возможность предпочтительнее, и аргументы поубедительнее, чем у Дмитрия Константиновича. В результате 12-летний московский князь Дмитрий Иванович получает из рук Мюрида ярлык на великое княжение Владимирское. Получив это известие, Дмитрий Константинович «иде из Володимера в Переславль и сяде в нем, хотя владети»⁴¹.

И вот здесь вступает в действие военная сила Москвы. Собрав большое войско, взяв в поход 3 братьев, Дмитрия Ивановича, Ивана Ивановича и Владимира Андреевича, москвичи зимой этого же года подошли к Переяславлю. По существу, это был первый

из военных походов (а сколько их ещё потом будет!), в котором приняли участие двоюродные братья Дмитрий и Владимир. Вчерашний великий князь Владимирский Дмитрий Константинович сил, способных противостоять московскому войску, по-видимому, не имел, и он бежит, сначала во Владимир, а затем в свою вотчину в Суздаль⁴². Войско Москвы вступает во Владимир, и Дмитрий Иванович «сиде на великомъ княжении на столе отца своего и деда и прадеда»⁴³.

В ЛЕТО 6871 (1363 г.) Соперничество Мамаю и Мюрида совершенно неожиданным образом отразилось на русских княжествах, на отношении к ханскому ярлыку. К Дмитрию Ивановичу во Владимир прибывает посольство от хана Абдуллаха (Авдуля - в русских летописях), а фактически от Мамаю и вручает ярлык на великое княжение Владимирское. «И князь великий чествовав посла, и одарив, и отпусти ево во Орду»⁴⁴. Трудно объяснить как-то однозначно это событие. То, что каждый из ханов считал себя главным и думал, что только он вправе выдавать ярлыки русским князьям, - это понятно и объяснимо. Но почему тогда Мамай, зная, что князь Дмитрий Иванович уже получил ярлык от Мюрида, вторично вручает его московскому князю, а не его политическому противнику? Или это определённый демарш, не признающий законности власти Мюрида и его решений? Или попытка найти на Руси, как ему казалось, более сильного союзника в борьбе за власть в Орде? Как бы то ни было, в руках московского князя оказалось два ярлыка на великое княжение Владимирское от двух враждующих сторон. И, оказавшись в такой ситуации, необходимо выбирать: с кем ты? Иначе можно потерять всё. Видимо, московская дипломатия сначала посчитала, что тот, кто правит в Сарае (Мюрид), тот и сильнее. А затем всё больше выявился перевес сил Мамаю, и возникло желание заключить договор именно с ним. Трудно представить, что опытные московские политики и дипломаты в этих условиях стремились «усидеть на двух стульях», угодить двум правителям. В конечном итоге был выбран Мамай. Этим самым московский князь вызвал на себя большой гнев со стороны Мюрида. Вместе с Иваном Белозерским, находившимся в это время в Сарае, он передаёт ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию Константиновичу. Для верности отправляет вместе с ним и ханское посольство в составе 30 человек, возглавляемое Иляком⁴⁵. Какие условия выдвигались Мюридом с вручением ярлыка, мы не знаем. Одно несомненно: московский

князь, становясь союзником Мамая, получал в лице Мюрида ярого противника. То же самое можно сказать и по отношению к суздальскому князю, только всё наоборот. Но в политике приходится выбирать. А Дмитрий Константинович ринулся во Владимир, к великому княжению, как в своё время «бросил Всеслав жребий о девице ему милой»⁴⁶ - киевскому престолу, не считаясь с обстоятельствами, не предприняв твёрдого расчёта военных сил противника, политических расчётов, наконец, предостережения своего старшего брата Андрея, рассчитывая только на поддержку Мюрида. И вот здесь вступает в спор за великое княжение Владимирское не столько внешний фактор, сколько внутренний - сила князя: Дмитрий Иванович «собра силу многу, и поиде ратью на него к Володимеру»⁴⁷. Целых 12 дней был великим князем Дмитрий Константинович.1 Владимирцы не высказывали особого желания отстаивать претензии суздальца, а своих сил было, очевидно, мало.

Прогнав неудачливого претендента из Владимира, московские войска осадили Суздаль, «стоя ратью со мною силою около Суздаля, и все пусто сотвори»⁴⁸. Только благодаря заступничеству Андрея Константиновича Дмитрий Иванович прекратил воевать Суздальщину и заключил мирный договор. Его условия не сохранены историей, поэтому мы вынуждены довольствоваться лишь краткими сообщениями летописей, восполняющими условия договора. По нему князь Дмитрий Константинович отрекался от великого княжения Владимирского, которое становилось вотчиной московского князя, изгонялся из Суздаля и был отправлен к старшему брату в Нижний Новгород. Но и на этом Дмитрий Иванович не успокоился. Для укрепления позиций великого князя Владимирского необходимо было покорить союзников Дмитрия Константиновича, подчинить их воле Москвы. Против них московский князь также применил военную силу, ростовского князя Константина Васильевича «взя волю свою и того смири»⁴⁹. После этого Дмитрий Иванович согнал с княжества галицкого князя Дмитрия Борисовича и стародубского князя Ивана Фёдоровича. Она нашли себе приют и утешение в Нижнем Новгороде у Андрея Константиновича «скорбяще о княжениях своих, но ничтоже монаху учинити»⁵⁰. Москва одержала полную победу.

Итак, 363 год был очень знаменательным для Москвы и молодого князя и в политическом, и в военном плане. Удалось утвердиться на великом княжении Владимирском, был нейтрализован

один из главных политических оппонентов - Дмитрий Константинович. Москва упрочила свои позиции, включив в сферу своего влияния Суздаль, Ростовское, Галичское, Стародубское княжества. Дружественные отношения, очевидно, были закреплены с Нижегородским княжеством. Москва и вместе с нею юный князь набирают силу.

В ЛЕТО 6872 (1364 г.). «Увы, увы! кто възможесть таковую сказати страшную и умиленую повесть?»⁵¹. Вновь страшное бедствие проникло на Русь. Казалось, «чёрная смерть» - чума, - основательно покосившая население Руси в 1353-54 гг., не должна была повториться, но она вновь пришла. И вновь смятение и ужас людей. Болезнь невидима, от неё нет спасения нигде и никому. За что? Ответ один: за грехи человеческие. «Болезнь же бысть двоякова. Едина, прежде яко рогатиною ударит за лопатку, или под грудь противу сердца, или меж крыл, и учинится жар, вскоре начнет кровию харкать, и огонь зазжет и разварит, и потом пот велий пойдет, потом дрожь имет; и полежав день един или два, а ретко того кто бы полежал три дни, и тако умираху. Другие железю боляху не одинако, иному убо на шие, иному же на стегне, под запухую, под скулою или за лопаткою. И умираху на день человек по седмидесят, по сту и по полутораста...»⁵². Трудно что-либо добавить к словам летописца. Нужно, очевидно, как он пройти через это, прочувствовать, переболеть, перестрадать...

Зародившись в Орде в 1362 году, чума проникла и в русские земли, сначала в Новосиль, в Коршев, затем в Брянск и Коломну⁵³. В 1364 году она уже свирепствует в Переяславле, в Нижнем Новгороде, Коломне, Москве, других городах. Вся Северо-Восточная Русь была охвачена чумой. Ведь болезнь не знает ни княжеских границ, ни крепостных стен; она проникает всюду: и в избу крестьянина, и в келью монаха, и в хоромы князя. Были города, в которых мор не оставил в живых ни одного человека. «И бысть скорбь велия по всей земли, и опусте вся земля и порасте лесом, и быша потом пустыни всюду непроходимыя»⁵⁴. Не пощадила чума и великокняжескую семью. Умирает младший брат Дмитрия Ивановича — Иван. Из «Калитовичей» остаются только великий князь Дмитрий Иванович и его двоюродный брат Владимир Андреевич. Им суждено было выжить. Выжить, чтобы совершить нечто большее - великий ратный подвиг во имя своего народа, наперекор испытаниям.

А великий князь нижегородский Андрей Константинович ушёл от земной суеты, от борьбы за княжескую власть, от политических треволнений, от всего. Приняв иноческий чин, он оставил нижегородское княжение и посвятил себя служению Богу⁵⁵. Страх ли перед чумой или усталость от жизни, от вечной борьбы за княжеское существование? Что подвигло его на этот выбор? Летописи молчат, а нам уж и не домыслить.

В ЛЕТО 6873 (1365 г.) Природа устроила Руси массовое испытание. «Того же лета бысть знамение на небеси, солнце бысть аки кровь, и по немь места чръны, и мъгла стояла съ поллета, и зной и жары бяху велицы, лесы и болота и земля горяше, и реки презхоша, иные же места воденыа и до конца исхоша; и бысть страхъ и ужас на всехъ челове-цехъ и скорбь велиа»⁵⁶. Страшная засуха поразила всю Русь. Горели леса, болота. Люди моего поколения помнят страшное лето 1972 года, когда в Подмосковье от страшной жары загорелись торфяники, и днём машины ездили с зажженными фарами, поэтому можно действительно представить весь ужас, свалившийся на людей того далёкого времени. За что? За грехи человеческие. Пожары начались и по городам. «Пожар бысть на Москве, бе же тогда сухмень и зной велицы, возста же тогда н буря съ вихромъ силна-зело, и розмета огонь повсюду и много людей поби и пожже, и вся погоре и безвести бысть, и той зовется великий пожаръ, еже от Всехъ Святыхъ начася и разыдеса ветромъ и вихром повсюду»⁵⁷. Начался пожар от церкви Всех Святых, что находилась в Чертолье, в районе Кропоткинских ворот⁵⁸. Деревянная Москва вспыхнула сразу, за час - за два огонь испепелил весь город. Такого пожара Москва ещё не знала, отсюда он получил даже название - Всехсвятский.

Свирепствовала чума. Мор вспыхивал то в одном, то в другом месте. Летопись выхватывает только события, доступные или наиболее яркие, с точки зрения летописца. Так, отмечается, что в этот год эпидемия бушевала в Ростове и Твери, умерли многие члены местных княжеских родов и «много боярь и гостей нарочитыхъ людей помре»⁵⁹. Умирает и постригшийся незадолго до этого Андрей Константинович Нижегородский⁶⁰.

Несмотря на бедствия, на Руси между оставшимися в живых князьями начинается борьба за княжескую власть, выморочные уделы. Наследовать отказавшегося от престола нижегородского князя должен был его брат Дмитрий Константинович, следующий

за ним по старшинству. Но когда он прибыл в Нижний Новгород вместе с матерью и епископом Алексеем, «не ступися ему княжения Новгородского брат его меньший Борис Костянтинович»⁶¹, владевший до этого городским уделом. Спор между братьями возник, очевидно, ещё до описываемых событий. Интересно, что свои претензии на нижегородский престол оба брата стремились подкрепить возможной поддержкой Орды. Каждый из них, возможно, сразу после отказа от княжения Андрея Константиновича направил посольство в Сарай за ярлыком на нижегородское княжество, причём Дмитрий послал своего сына Василия по прозвищу Кирдяпа⁶². В Орде «замятия» продолжается. Со времени Мюрида, вручившего ярлык в 1363 году Дмитрию Константиновичу, в Сарае сменилось несколько ханов. Находившийся на престоле Азиз был четвёртым⁶³. Этот хан спор нижегородских князей решает своеобразно. Борис Константинович получает ярлык на княжение в Нижнем Новгороде, а его старшему брату, через своего посла Урусмалды, в очередной раз вручается ярлык на великое княжение Владимирское. Соперничество с Мамаем продолжалось, и поэтому новый саранский хан считал ярлык, выданный московскому князю, незаконным. И был, кажется, ещё один расчёт. Выдав ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию Константиновичу, а за Борисом оставляя Нижний Новгород, Азиз как бы разводил князей, оставляя каждого, как ему думалось, при своём интересе. Одновременно с этими пожалованиями хан стремится заполучить себе союзников, которые были бы ему благодарны за поставления па княжества.

Но недаром говорят, что жизнь многому учит. Соперничество с московским князем за первенство убедило Дмитрия Константиновича в бесперспективности этой борьбы. Владимир для Москвы стал вотчиной, и в сложившихся условиях отнять у неё это право никто не может. А посему «лучше синица в руках...» И он отказывается от заманчивого предложения хана в пользу Дмитрия Ивановича, признавая тем самым его «старейшинство» над собой, Дмитрий Константинович стремится утвердить за собой Нижегородское княжество вместе с Суздалем и просит у 15-летнего князя Владимирского защиты и помощи в борьбе со своим братом за Нижний Новгород.

Как меняется ситуация: теперь уже не Орда становится посредником и вершителем судеб, а московский князь. Дмитрий Иванович отправляет посольство к Борису Константиновичу, чтобы

мирным путём решить конфликт и поделить княжество. «Князь же Борис не послуша, бе боим смутно епискупа Алексия»⁶⁴. Вероятно, в данном конфликте первоочередное место отводится епископу, который руководил князем, подогревая его сепаратистские настроения. И тогда в дело вмешивается митрополит Алексий. Он попросту изымает нижегородские и Городецкие волости из Суздальской епископии, забирая их под своё руководство. А послом в Нижний Новгород отправляет игумена Сергия. Авторитет, духовная власть преподобного Сергия Радонежского в это время были уже так велики, что в ответ на отказ Бориса Константиновича явиться в Москву на княжеский суд он закрыл все церкви в городе⁶⁵. Для того времени это было страшное наказание, равнозначное отлучению от церкви. А для большей убедительности готовился ещё один аргумент. Дмитрий Иванович дал великокняжеские войска Дмитрию Константиновичу, и тот вместе с суздальской ратью пошёл на брата. Борису ничего не оставалось, как только смириться и запросить мира. Дмитрий помирился с ним и поделил княжество: себе взял Нижний Новгород; Суздаль, очевидно, отошёл его сыну Василию Кирдяпе, а Городец остаётся за Борисом. При этом надо отметить, что Дмитрий Константинович восстановил единство Суздальско-Нижегородского княжества, оставив за собой великое княжение. Но в полном смысле независимым это княжество назвать невозможно. Оно теперь входит в состав политической системы, возглавляемой великим князем Владимирским Дмитрием Ивановичем на правах союзника.

Ещё на одном моменте хочется остановиться отдельно, говоря о событиях 1365 года. Летописи сообщают о том, что в разных городах Руси строятся каменные храмы: в Торжке - церковь Святого Преображения, в Новгороде - церковь Стретенья, в Пскове - Святой Троицы⁶⁶, причём церкви строятся особо быстро и рьяно в тех местах, где бесчинствует мор. Люди в поисках спасения отдают все свои средства, самое ценное монастырям, церквям. Только в них видели они заступников от гнева Божьего. Храмы строятся быстро, как будто люди стремятся успеть построить, чтобы выжить. Так, в Москве митрополит Алексий, вероятно, сразу же после страшного пожара возводит монастырь во имя чуда Архангела Михаила в Хонех, получивший название Чудовского монастыря, «и единаго убо лета начаша и скончаша и све-тищаша тую церковь»⁶⁷. Монастырь назван так в честь чуда исцеления митрополитом Алексием в Орде татарской царицы Тайдулы, же-

ны Джанибека, женщины очень умной, энергичной, пользовавшейся влиянием на своего мужа и через него активно вмешивавшейся в политику. Но её постигло несчастье. Всё больше прогрессировала глазная болезнь, и никто из врачей не мог её вылечить. И лишь митрополит Алексей во время очередного посещения Орды смог её избавить от этого недуга и тем самым получил в её лице и лице Джанибека покровителя московского митрополита, московского княжества. Примечательно, что сам монастырь был построен на месте двора татарских баскаков⁶⁸ и что митрополит через столько лет вспомнил об этом событии. Есть ли здесь какие-то аналогии с дипломатической и политической борьбой, что вело правительство Алексея и князь Дмитрий? На данном этапе Москве нужен был мир с Ордой, союз, как при Джанибеке, для решения общерусских проблем. Именно этим курсом и ведёт свой корабль Алексей.

В ЛЕТО 6874 (1366 г.). Третий год на Руси не прекращается чума. На этот раз она снова посетила Москву. Лежащая в пепелище столица княжества должна была выдержать ещё один удар судьбы. За мором вновь последовала засуха, а за ней - голод, «и бысть хлебнаа дороговь повсюду и гладь велий по всей земле, и съ того люди мряху»⁶⁹. После этого стоит только удивляться, как выжили люди, как выстояли княжества, как не сдала своих позиций Москва. И, наверное, прав был Л. Н. Гумилёв, когда за этой драмой видел очищение природой человечества, его обновление. Выживают в подобных ситуациях лишь наиболее энергичные, более приспособленные — пассионарные люди; они сохраняют жизнь, восстанавливают генофонд, дают толчок к новому подъёму⁷⁰. Таково и поколение князя Дмитрия Ивановича.

Жизнь продолжается, и у самого великого князя происходит важное событие. 18 января состоялась женитьба Дмитрия на младшей дочери Дмитрия Константиновича Евдокии. Политический союз московского и нижегородского князей закрепился браком, как потом окажется, верным и счастливым на всю жизнь. Свадьбу, с полагающимися в таких случаях торжественностью и весельем, сыграли в городе Коломне. И дело не только в том, что Москва ещё не отстроена и устраивать гулянье на пепелище не совсем пристойно, сколько, скорее всего, в желании тестя юного князя. Вчерашний политический соперник Москвы чувствовал бы

себя в этом городе скованно и неуютно. Другое дело Коломна: и вроде территория московского княжества, и в то же время пограничный город.

Но торжества быстро отгремели, и молодого князя ждали важные, не требующие отлагательства дела, великокняжеские заботы. Главное - нужно было отстраивать Москву, укреплять её, создавать крепость - оплот княжеству, которой не Страшны ни пожары, ни враги. «Тое же зимы князь великийи Дмитриеи Ивановичь, погадавъ съ братом своимъ съ княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ и съ всеми бояры старейшими и сдоумаша ставити городъ камень Москвою, да еже оумыслиша, то и сътвориша. Тое же зимы повезоша камение къ городоу»⁷¹. Сооружение каменных стен требовало больших затрат, поэтому без участия брата соправителя Москвы, которому по духовной грамоте Ивана Ивановича принадлежало треть Москвы⁷², без бояр и их финансовой поддержки обойтись было невозможно. Ну да ведь заботы общие, общие и расходы. И Москва стала быстро строиться, возрождаться из пепла, опоясываясь Кремлём, сложенным из белого камня-известняка. С тех пор и зовётся она «белокаменной». Создание каменного Кремля имело не только важное фортификационное значение, но и большой политический смысл. Ни один город Северо-Восточной Руси не имел ещё каменной крепости, и это лишний раз подчёркивало претензии Москвы на лидерство. Титул великого князя Владимирского требовал решений и общерусских проблем. Впервые при Дмитрие Ивановиче Москва вмешивается в дела Тверского княжества, пытаясь выступить в роли арбитра.

Чума внесла раздор в действия местных князей. Умирает Семён Константинович, владевший дорогобужским уделом, и завещает его своему двоюродному брату Михаилу Александровичу. Именно этот князь в начале 60-х годов XIV века выдвигается на первый план - будущий политический и военный противник Дмитрия Ивановича. Начиная Михаил Александрович как удельный микулинский князь, а затем становится и великим тверским князем. Очевидно, поэтому и был завещан выморочный удел Семёном Константиновичем. Это известие вызвало решительное возражение со стороны дяди тверского князя Василия Михайловича и родного брата Семёна - Еремея⁷³. Между князьями начался спор за право владеть выморочным уделом. Так как дело, по завещанию, касалось церкви, митрополит Алексей поручил его разбира-

тельство тверскому епископу Василию, снабдив его при этом определёнными наставлениями. Но тот решил не так, как хотелось митрополиту и московскому правителю, «князя великаго Михаила Александровича оправишь»⁷⁴, т. е. в его пользу.

Здесь необходимо сделать пояснение, почему Москва не хотела возвышения Михаила Александровича и поддерживала его противников. Как мы уже сказали, Михаил Александрович стал великим князем Тверским где-то к 1365 году и, вероятно, не без участия Ольгерда. По крайней мере мы видим, что в 1362 году он ездил в Литву и заключил с Ольгердом мирный договор⁷⁵. И с этого времени началось его возвышение в Тверском княжестве. Причина этого союза тоже объяснима. Ольгерд вторым браком был женат на сестре Михаила Александровича Ульяне, и она всячески оказывала протекцию своему брату. Идеологический конфликт Ольгерда с Алексием бесспорно вёл к конфликту политическому и военному. В этой ситуации Тверской князь, союзник Ольгерда, становился неминуемо противником Москвы. Поэтому правительству Дмитрия Ивановича так важно было имен, в тверском княжестве промосковскую группировку. Таковым виделся союз с Василием Михайловичем и Еремеем Константиновичем. Решение епископа Василия шло вразрез с полученными от митрополита установками и вызвало гнев Алексия. Москва втягивалась в тверские дела. Но решить их в этом году помешало ещё одно важное событие.

Вновь на исторической арене появились новгородские ушкуйники. Летом они устроили настоящий разбой в Нижнем Новгороде, «избиша татар и армян в Новгороде Нижнем множество, гостей сущих татарских, также и новгородских, и жены и дети их избиша, и товар их бесчисленно пограбиша, и суды их вся изсекоша... и все огню предаша, а сами отъидоша в Каму; и тако Камую ходяще, болгары воююще, и многих избиша»⁷⁶. Другой отряд ушкуйников под командованием воеводы Иосифа Варфоломеевича, Василия Фёдоровича, Александра Аввакумовича прошли по Волге, пограбили московских и ростовских купцов и возвратились в Новгород «со многою корыстию»⁷⁷. Если прежде Дмитрий Константинович, боясь испортить отношения с Новгородом, не решился на конфликт с ним, то Дмитрий Иванович поставил вопрос ребром и всю ответственность возложил на новгородцев: «почто естя ходили на Волгу грабити и бити моих гостей»⁷⁸. Московский князь действует решительно. Он разрывает

мирный договор с Новгородом и в ответ на ушкуйничий разбой посылает военный отряд, который «много волости воеваше, дань велию по Двине и по Югу, и по Купину взяша»⁷⁹, а также захватили ничего не подозревавшего новгородского боярина Василия Даниловича с сыном Иваном, возвращавшихся с товаром с Двины. Московский князь почувствовал за собой силу и способность решать проблемы не только своего княжества, но и общерусские задачи. Он становится по-настоящему Великим князем Владимирским, отвечающим за всю Северо-Восточную Русь. Но и задач стояло очень много, а без сплочения русских земель - и не важно как, путём ли диктата, военной силы или мирным договором, обязательством, вовлекающими все княжества в сферу политики Великого князя Владимирского, - решить их было невозможно.

В ЛЕТО 6875 (1367 г.). Рьяно взялся Дмитрий Иванович за решение поставленных задач. «Князи Русьскыи начаша приводите въ свою волю, а который гючаль не повиноватися ихъ воле, на-тыхъ почали по-сягати злобою»⁸⁰. Смысл начальных слов понятен, а вот, к сожалению, о методах летописец ничего не говорит. Мы видели, как был приведён «в свою волю» нижегородский князь. Настала очередь остальных. Возможно, в полную меру заработала московская дипломатия, велись переговоры с русскими князьями, послы великого князя склоняли их на союз с Москвой, где лестью, посулами, а где и откровенной угрозой. И первый такой договор был заключён с Великим Новгородом. Ушкуйники внесли разлад между Москвой и Новгородом, в результате чего прежний договор был односторонне расторгнут. Но Москва и Новгород нужны были друг другу как союзники. Новгороду - перед лицом надвигающейся немецкой экспансии; Москве необходим был западный союзник, так как на первый план выдвигаются московско-тверские отношения. В начале года в Москву прибывает новгородское посольство. В результате переговоров был заключён мирный договор, по которому Новгород признавал власть московского князя и принимал его наместников. Москва обязывалась оказывать военную помощь и отпускала захваченного новгородского боярина.

На очереди стояла Тверь. На князя Михаила Александровича, отказавшегося подчиниться воле Москвы, «почали посягати злобою». В одиночку с Дмитрием Ивановичем тверской князь тягаться не мог, и он бежит в Литву за поддержкой. В отсутствие

князя Тверью попытались завладеть князя Василий и Еремей, обиженные решением епископа Василия. По их наговору владыка был вызван в Москву на митрополичий суд. Алексей предъявил ему много обвинений, а главное состояло в том, что он неправильно решил вопрос об уделе Семёна Константиновича, и «бышетъ истома и проторъ великъ»⁸¹ тверскому епископу - отмечает летописец. С непокорными людьми митрополит разбирался строго. А в это время кашинский князь Василий со своей ратью и при поддержке московских войск, по существу, захватил Тверь. Бывший тверской князь, он, скорее всего, имел основания хранить обиду натвер-чан за то, что те его не поддержали, а встали на сторону Михаила Александровича. Въехав в город «многымъ людемъ сотвориша досадоу, бес-честиемъ и моукою и разграблениемъ имениа и продажею бес помилования»⁸². Московские полки тем временем пограбили окрестности Твери, повоевали волости на правой стороне Волги, пленили многих людей. Думать, однако, что этим самым тверское княжество подчинено, было преждевременно.

27 октября Михаил Александрович возвратился с литовскими полками и быстро восстановил свою власть в Твери. Далее он предпринимает попытку наказать князей Василия и Еремея и с войсками идёт на Кашин, где они скрылись. Но, не дойдя до города, в селе Андреевском Михаил Александрович встретил большую депутацию от дяди Василия Михайловича, возможно, при посредничестве епископа Василия — князя просили мира. Тверской князь заключает с ними договор, подкрепляя его крестным целованием, по которому за ними сохранялись их уделы, а затем заключает мир и с московским князем. При помощи Ольгерда Михаил Александрович не только быстро завоевал и укрепил свои позиции, но и показал Москве, что не собирается подчиняться её воле. Стало очевидно, что конфронтации и с Литвой не избежать.

Москва в срочном порядке готовится к предстоящим сражениям. Спешно сооружается каменное кольцо столицы - белокаменный кремль; за ним великий князь должен чувствовать себя уверенней и спокойнее. Но в борьбе с Ольгердом нужно было ещё одно кольцо - из возможных союзников, и московская дипломатия активно работает в этом направлении. Дмитрий Иванович заключает договоры против Ольгерда с приграничными литве русскими княжествами: князьями Святославом Смоленским, Константином

Оболенским, Иваном Вяземским, Иваном Козельским и, возможно, с сыном Ольгерда Андреем Полоцким⁸³. Возможно, к этому же времени относится договор⁸⁴, заключённый между Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем при посредстве, а скорее, и по инициативе митрополита Алексия. В исторической литературе датировка этого документа различна⁸⁵. Но мы думаем, что именно события 1367 года заставили братьев скрепить свой союз, думая об обороноспособности Руси.

Договор интересен во всех деталях. Хотя братья и росли «с пелёнок» вместе и всю жизнь прошли бок о бок, договором определялся социальный статус каждого. Владимир Андреевич признавал Дмитрия Ивановича за «брата своего старейшего»⁸⁶, т.е. своим сюзереном, а «мне князю великому тебе, брата своего, держати в братстве, без обиды, во весмь»⁸⁷. Братья клялись «быти ны заодинь», но при этом определялось неприкосновенное право каждого на свою вотчину и невмешательство во внутренние дела друг друга, определялся статус бояр и слуг каждого князя. Договором особо подчёркивалось дипломатическое и военное партнёрство братьев, «а кто будеть мне недругъ, то и тебе не-другъ. А тебе, брату моему молодшему, без меня не доканчивати, ни съсылатися ни с кем же»⁸⁸. Не обойдён важный вопрос - выплаты ордынской дани. Князь Владимир обязуется сдавать в великокняжескую казну положенную часть ордынской тягости. «А тебе, брату моему молодшему, мне служи ги безъ ослушания... а мне тебе кормити по твоей службе...»⁸⁹ - во всех военных походах после этого были братья рядом, в самых ответственных и решающих сражениях всегда побеждал врагов Владимир Андреевич во славу Великого князя.

Обстановка всё более обостряется. Непокойно в этот год на пограничных рубежах Руси. В Поволжье вновь активизировались татары. Саранский хан Пулад-Тимур (Булат Темир в русских летописях), очередной временщик⁹⁰, пришёл ратью в землю нижегородского княжества и пограбил уезды вплоть до самой Волги. Дмитрий Константинович совместно со своими братьями и сыновьями «собравъ воя многы» ринулся на защиту своей Отчизны. Пулад-Тимур, не располагая, вероятно, достаточным количеством воинов, не рискнул сразиться с нижегородским войском и бежал за реку Пьяну (сколько ещё сражений придётся повидать этой реке!), но здесь был настигнут и разбит. Остатки его войска бежали

в Орду, где Пулад-Тимур был убит ханом Азизом⁹¹.

На северо-западе Руси началась война Новгорода и Пскова с Тевтонским Орденом. В силу каких-то обстоятельств в этот год «быша Новгородци съ Псковичи не во единомыслии»⁹², чем и воспользовались немцы. Они напали на город Изборск, взять его не смогли, но пожгли всё вокруг. Затем повоевали псковские волости, сожгли псковский посад и «отъидоша прочь, а пакости имъ не бе ничего»⁹³. Такая безнаказанность обусловлена была тем, что в это время в городе не было ни князя, ни посадника. Они с основным войском находились где-то в разъезде, и жителей спасли лишь только каменные стены. После этого псковичи посылают послов в Новгород, чтобы те помогли им против немцев: «господо братье, како печалуетесь ними, своею братьею»⁹⁴. Но новгородцы пока не пожелали нарушать крестное целование, данное немцам, так как мною новгородских купцов было в это время в их городах, а в Новгороде находились немецкие купцы. Они лишь послали посольство во главе с протопопом Савой для решения возникшего конфликта. События Северо-Западной Руси, казалось бы, были делом Новгорода и Пскова, но тем не менее в них всё более втягивается Москва, без участия и влияния которой уже не происходит ни одно событие.

В ЛЕТО 6876 (1368 г.) «О Первом Литовъщине»⁹⁵ - так выделено киноварью летописцем основное событие этого года: московско-литовская война. Случайно или нет, но предваряет это запись о грозных явлениях природы и стихийных бедствиях: «явися звезда хвостата»⁹⁶, во многих городах погорели храмы. Наступал грозный 1368 год. Московское правительство детально продумало план предстоящих военных действий. Предполагалось действовать в двух направлениях: нейтрализация Ольгерда и решительные мероприятия против Михаила Тверского. Для осуществления первой задачи на границу с Литовским княжеством был направлен с ратью Владимир Андреевич. Он штурмом захватывает г. Ржев, выгоняет оттуда литовцев⁹⁷ и тем самым создаёт очень удобный стратегический плацдарм. Дело в том, что г. Ржев, расположенный на Верхней Волге, имел очень выгодное географическое положение: через него Москва могла поддерживать отношения с дружественным ей Новгородом, а самое главное - отсекала от Литвы Тверское княжество, что было немаловажным моментом в грядущих событиях.

Основные действия тем самым разворачиваются в Москве. Дмитрий Иванович несколько не смирился с прошлогодней победой тверского князя, просто стал действовать хитрее, гибче. Он приглашает в Москву Михаила Александровича для ведения мирных переговоров. Весьма логично, что тверской князь должен был это предложение отвергнуть. И действительно, о чём вести переговоры? Он победил, споры с родственниками решены в его пользу, а ехать в Москву, зная исстари вероломство москвичей, равнозначно самоубийству. И вот здесь решающую роль сыграл митрополит Алексей. Он дал клятвенные заверения в безопасности князя и его людей, и не послушаться главу церкви Михаил Александрович не мог.

Во главе посольства он прибывает в Москву⁹⁸. Переговоры велись, очевидно, вокруг вопроса о владениях в Тверском княжестве. Дмитрий Иванович желал их перераспределения и более активного вмешательства в дело Твери. Естественно, что переговоры зашли в тупик. Тогда князя были вызваны к митрополиту на третейский суд, и когда и там Михаил проявил несговорчивость, московские власти нарушили крестное целование и арестовали тверского князя и его бояр «разно развели, и держаша их во истомлении вслице»⁹⁹. Чего хотели этим добиться московский князь и митрополит? Полная ликвидация Михаила Александровича в тех условиях видится маловероятной. Скорее, в порыве гнева из-за неуступчивости Михаила Дмитрий Иванович принял такое решение, надеясь, что, побывав «выстомь», тверской князь будет более сговорчивым и примет его условия. И всё это делалось с благословения митрополита. Но в коварные действия Москвы вмешались новые обстоятельства. Совершенно неожиданно к великому князю прибывают татарские послы. В 1368 году Мамай захватил Сарай¹⁰⁰. Мы помним, что ярлык на великое княжение Владимирское вручил Дмитрию Ивановичу Абдуллах, а фактически сам Мамай. И вот теперь на правах единоличного правителя Золотой Орды он направляет на Русь посольство для урегулирования каких-то вопросов. Конфликты между русскими князьями вправе был разбирать только хан, и, опасаясь последствия собственного своеволия, Дмитрий Иванович вынужден был освободить Михаила Александровича. С ним был заключён мирный договор, по которому удел Семёна Константиновича переходил в руки Еремея, незадолго до этого порвавшего договор с тверским кня-

зем и перебежавшего «въ рядь» к Дмитрию Ивановичу.

Едва оказавшись на свободе, Михаил Александрович разрывает навязанный ему договор. Для него Москва становится основным врагом, а желание отомстить за бесчестье - делом всей его жизни. И среди главных его врагов - Дмитрий Иванович и Алексей. «Князь же вели-кый Михайло съжалися велми о томъ и негодоваше, и не любо ему бысть и положи то въ измену и про то имееше розмирие къ великому паче же на митрополита жаловашеся, къ нему же веру имель паче всехъ, яко по истине святителю»¹⁰¹. Святитель же оказался больше московским митрополитом, нежели блюстителем православия всей Руси. Ещё более резко на эти действия отозвался Ольгерд в послании к патриарху: «...и шурина моего князя Михаила клятвенно зазвали к себе, и митрополит снял с него страх, чтобы ему прийти и уйти по своей воле, но его схватили... По твоему благословию митрополит и донныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не было таких митрополитов, каков сей митрополит. Благословляет москвичей на пролитие крови и к нам не приходит, ни в Киев не наезжает»¹⁰².

Дмитрий Иванович собирает большое войско и посылает его на Тверь. О военных действиях летописи ничего не сообщают. Известно только, что Михаил Александрович бежит вновь в Литву, где с помощью сестры уговаривает Ольгерда идти на Москву, «дабы сътвориль месть его»¹⁰³. Только Ольгерда особо - уговаривать и не нужно было. Несмотря на чуть ли не ежегодные войны на своих западных границах, он теперь почувствовал на себе удар московских ратей, принесших его княжеству немалый урон. Настало время для ответного удара.

Ольгерд - один из самых выдающихся полководцев XIV в., умный политик, хитрый тактик, талантливый и смелый воин. В летописи даётся такая его характеристика: «...егда куда поидяше на воину, тгда никому же не ведущу воинамъ его, камо хоцетъ ити ратию, ни инымъ опришнимъ, или внешнимъ или иноземцемъ или гостемъ не дасть уве-дати на кого и деть, да не услышана будетъ дума его въ ушию иноземцемъ, да не изыдетъ вестъ си въ ту землю, въ нюже рать ведяше»¹⁰⁴. Смог перехитрить он на этот раз и Дмитрия Ивановича. И хоть знал московский князь, что Михаил Тверской бежал в Литву за ратию литовской, ждал нападения, готовился к войне с Ольгердом, но всё же оказался застигнутым врасплох. После похода на Тверь войска московской коалиции

были распущены по своим княжествам; Тверь завоёвана, глубокой осенью ждать выступления Ольгерда было маловероятным, а держать большое войско в полной готовности у Москвы не было возможности. Но в этом весь Ольгерд. Он выждал момент, когда его уже перестали ждать. Собрав большое войско, куда вошли, помимо литовских полков, тверские и смоленские отряды, поздней осенью быстрым маршем подошёл к границам московского княжества.

Слишком стремительным был поход, слишком поздно узнал об этом Дмитрий Иванович. Спешно стал он рассылать грамоты по городам и княжествам, собирая военные рати, воинов. Из имеющихся в наличии был собран сторожевой полк, куда вошли московские, коломенские, дмитровские отряды под командованием воевод Дмитрия Минина и Акинфа Фёдоровича Шубы. А Ольгерд был уже в пределах Московского княжества, разрушая, грабя всё на своём пути. Единственной ратью, встретившей его в порубежье, была рать Семёна Дмитриевича Стародубского по прозвищу Крапива, но оказать сопротивления она не смогла. В скоротечной битве стародубское войско было разбито, а самого Семёна Дмитриевича убили. Затем войска Ольгерда захватили союзный Москве г. Оболенск, где убили князя Константина Юрьевича Оболенского. 21 ноября на р. Тростне встретились московский сторожевой полк и литовские войска. Силы были явно неравны, в результате посланные Дмитрием князья, бояре, воеводы, воины - все погибли¹⁰⁵. От пленных Ольгерд узнал, что московский князь не успел собрать союзное войско и затворился в Кремле. Быстрым маршем литовские войска оказались у Москвы. Посад по приказу самого же великого князя был выжжен, чтобы затруднить Ольгерду осаду. Сам он вместе с Владимиром Андреевичем, митрополитом Алексием и «прочим князи и бояре и вес христиане»¹⁰⁶ надеялся отсидеться за вновь отстроенными каменными стенами. В планы Ольгерда, скорее всего, не входила длительная осада, тем более в условиях зимы, а штурмом взять Кремль он не решился. Трое суток простоял он под стенами Москвы, выжег и опустошил все окрестности, а затем вернулся в Литву, уводя с собой в плен множество людей, угоняя скот. Разорение московского княжества было столь жестоким, что летописец сравнил его с Федорчуковой ратью, бывшей 41 год назад!

Война Москвой была проиграна. Следствием этого явилось и то, что Дмитрий Иванович уступал позиции Твери: Михаил Алек-

сандрович получал вновь злополучный удел Семёна Константиновича, а «князя Еремея отпустили съ нимъ въ Тферь»¹⁰⁷, то есть по сути дела предали, выдали Твери. Так закончился первый этап московско-тверской-литовской войны.

Необъяснимое это явление. Москва, истреблённая моровой язвой, пожарами и голодом, разорением литовцев, всё же выжила, выстояла и даже ни на секунду не помышляла о сдаче своих великокняжеских полномочий. Почему, в силу чего? Или бедствия других на фоне Москвы были более значимыми? Нет, по источникам этого не скажешь. Или так был велик военный потенциал Москвы, что позволял выдержать и такое поражение? Сила была, но она проявляла себя только в единстве с остальными княжествами, в коалиции. Один на один с Литвой, мы видели, Москве было сразиться не под силу. Так почему же Москва после стольких бедствий и поражений оставалась собирателем разрозненного потенциала русских княжеств? Перебирая все варианты, всё больше убеждаешься, что лидерство Москвы было предопределено в силу того, что там был центр русской церкви. В разрозненных княжествах, враждующих, готовых пожирать друг друга, единственно общей, а отсюда и объединяющей, цементирующей силой была православная вера. Мудрый митрополит Алексий в величии Москвы, как центра митрополии, видел гарант незыблемости православия. Духовная роль Москвы и предопределяла её главенствующее положение, даже после таких сокрушительных поражений, как «литовщина». Роль Лидера не позволяет долго предаваться унынию, но, собравшись с силой, вновь выполнять своё предназначение.

Великий Новгород зимой 1368 года попросил о помощи. Агрессия Тевтонского Ордена всё усиливалась. В этом году тевтонцы сконцентрировали большие военные силы во главе с самим епископом для взятия Изборска. Новгородцы, несмотря на бывший страшный пожар, уничтоживший чуть ли не весь город, пошли с войском на помощь осаждённому городу. Немцы, не ожидавшие участия Новгорода, побежали¹⁰⁸. Этим самым был разорван мирный договор Новгорода с Орденом и нужна была помощь. Верный союзническому долгу великий князь Дмитрий Иванович посылает им в помощь своего брата Владимира Андреевича, который «бысть тамо от Збора до Петрова дни»¹⁰⁹. Ни о виде, ни о размере московской помощи мы не знаем. Валено другое. Несмотря на сокрушительное поражение, Москва остаётся

политическим центром русских княжеств, защищающим своих союзников.

В ЛЕТО 6877 (1369 г.). А противники готовились к новой войне. В спешном порядке Михаил Александрович укреплял Тверь. Правда, средств, как у Дмитрия, у него не было и Кремль пришлось сделать деревянным, скорее всего, дубовым, обмазав от пожаров глиною¹¹⁰. Предпринимаются ответные меры и Дмитрием Ивановичем. Он «заложи градъ Переславль, единаго лета и срубленъ бысть»¹¹¹. И быстрота, и необходимость строительства новой оборонительной системы города, лежащего на полпути из Твери в Москву и Владимир, означает, что московский князь рассчитывал на него как на будущий плацдарм для нападения на Тверь.

Основные события этого года происходили на западных границах Руси. И связано это было с возобновлением военных действий против Тевтонского Ордена как Литвы, так и Новгорода. Новгородцы, очевидно, получив помощь от Москвы, ходили походом на немцев, но безуспешно, «паче сами мнози избиени быша и отыдоша»¹¹². Более активную деятельность развернул Ольгерд. Он «тое же зимы... ходил на немци и бысть межи ихъ тамо сеча»¹¹³. Немцы соорудили около Ковно крепость Готисвердср, которую Ольгерд с Кейстутисом захватывают и разрушают¹¹⁴.

Воспользовавшись тем, что Ольгерд сражается с немцами, Дмитрий Иванович решил наказать тех князей, что приняли участие в походе на Москву. В 1369 году московские и волоколамские полки пограбили Смоленские волости, а на следующий год был совершен поход на Брянск. Наступала очередь Твери.

В ЛЕТО 6878 (1370 г.). 18 августа московский князь, «сложи целование крестное»¹¹⁵, разрывает мирный договор с Тверью. Начинается московско-тверская война - основной стержень десятилетия. Война за первенство, за лидерство среди русских земель, в которую оказываются втянутыми большинство княжеств, сторонников как промосковской, так и протверской коалиций, эдакие возможные модели будущей объединённой Руси, попытавшейся решить проблемы освобождения от Золотой Орды через 10 лет на Куликовом поле.

Первоначально Дмитрий Иванович отправил к Твери малочисленные разведывательные отряды. Но и этого оказалось доста-

точно, чтобы Михаил Александрович, бросив всё, бежал в Литву. Московские ратники, не встретив сопротивления, разорили окрестности Твери и с большим «полоном» возвратились домой. А уже 3 сентября начинается основной поход, который возглавляет сам Дмитрий Иванович. Летописи не объясняют состав и численность московского войска, отмечая лишь «со многою силою». Тверская земля оказалась не в состоянии противостоять московской рати. Легко были взяты города Зубов, Микулин, пожжены все окрестные сёла. В плен было уведено множество людей, захвачено большое количество скота. Причины похода объясняются просто: «отмсти обиду Ольгердову на них и смири тверич до зела»¹¹⁶. Ответной реакции со стороны Ольгерда не последовало. Возможно, в данный момент ему было не до проблем своего шурина, почему и не поспешил вновь на помощь Твери. Ведь в это время Михаил Александрович находился у него в Литве и логично было бы предположить, что ему удастся уговорить Ольгерда на новый поход. Вместо этого летописи сообщают, что Михаил Александрович «съжалися и оскорбися зело»¹¹⁷, пошёл из Литвы в Орду, ища покровительства и защиты.

А в Орде вновь происходят изменения. Набирающий силы Мамай сам себе назначает нового хана Мамат-Салтана¹¹⁸. До поры до времени ещё срабатывает закон, что ханский престол может занимать только претендент из Чингизидов. Но уже всё больше вступает в силу другой принцип - принцип силы. Мамай пытается активно влиять на подвластные Орде земли.

Среди событий этого года отмечается поход нижегородских войск на Булгарию. Князь Дмитрий Константинович, собрав большое войско, отправил его во главе с братом Борисом Константиновичем и сыном Василием на болгарского князя Асана. Этот поход бесспорно был санкционирован Ордой, так как в составе нижегородского войска находился ханский посол Ачи-хожа. Очевидно, Мамаю не по душе были какие-то действия своего вассала и он решил его проучить силой другого своего подданного, нижегородского князя. До военных действий, по-видимому, не дошло, так как князь Асан выслал навстречу войску своё посольство со многими дарами. Дары были приняты, но вместо строптивого князя Асана был посажен Салтан Баков сын¹¹⁹. На этом миссия нижегородского князя была завершена.

Мамай зорко следил и за событиями на Руси. Возвышение московского князя его никак не устраивало, и, чтобы вбить новый

клин вражды между русскими князьями и смирить гордыню Дмитриеву, он вручает ярлык на великое княжение Владимирское прибежавшему к нему Михаилу Александровичу. В сопровождении ханского посла Сары-Ходжи он возвращается на Русь. Об этом событии узнал Дмитрий Иванович. Гнев обуял московского князя за то, что Михаил Александрович посмел дерзнуть на титул, который, как считал Дмитрий, принадлежит теперь только ему, за то, что Орда вновь пытается отодвинуть московское княжество с господствующих позиций. Моментально были посланы во все концы заставы, перекрывавшие возможные пути Михаила Александровича на Русь. На Тверь не пробиться, да и могло ли чем в этой ситуации помочь разорённое, ограбленное княжество новоиспечённому великому князю Владимирскому. А о том, что Дмитрий Иванович так запросто распростится с властью и безропотно отдаст ярлык, и речи быть не могло. Нужна была сила, на которую мог опереться тверской князь. Таковым мог быть только Ольгерд. Вот почему, узнав о московских заставах, Михаил Александрович из Орды бежит прямо в Литву, через свою сестру пытаясь уговорить Ольгерда на новый поход на Москву. И это удаётся.

«Тое же осени и тое же зимы по многы ноци быша знамена на пebesи, акы столпы по небу и небо червлено акы кроваво. Толико же бысть червлено по небу, яко и по земли по снегу червлено видяшеся, яко кровь. Се же проявление проявляет христианом скорбь велику, хотящую быти; ратныхъ находение и кровопролитие, еже и събытсся»¹²⁰. Природа как бы предупреждает о предстоящем большом кровопролитии. И действительно, наступает новая «литовщина».

25 ноября (по Рогожскому летописцу -26 ноября) Ольгерд во главе большого войска, в союзе с братом своим Кестутисом, с князьями Михаилом Тверским, Святославом Смоленским начал поход на Москву. Первым городом, оказавшимся на его пути, был Волок. Взять его с ходу Ольгерд не смог; три дня простоял в осаде, пожёг весь посад. Но времени на длительную осаду этого города не было, так как важен был конечный пункт - Москва. При защите Волока был убит князь Василий Иванович Березуйский. Отбив атаку от города, он во время вылазки оказался на мосту через ров. И либо раненый литовец, либо оставшийся при нападении воин снизу, через щель в мосту, проткнул его копьем. Рана оказалась смертельной, едва успели его причастить и постричь в

иноки перед смертью¹²¹.

А Ольгерд двинул свои войска на Москву и 6 декабря находился уже у стен белокаменной. Вовремя Дмитрий Иванович укрепил Москву каменным поясом, за которым можно было отсидеться от любого врага. Восемь дней воевал Ольгерд окрестности Москвы, но города взять не смог. В это время уже собирались силы промосковской группировки. И решающая роль здесь принадлежит Владимиру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрия, единомышленнику и соратнику во всех его делах. Он с войском стоял у Перемышля, перекрывая Ольгерду отход. На помощь спешил Владимир Дмитриевич Пронский, с которым выступила и рать рязанского князя Олега Ивановича. Узнав, что против него собирается большая сила, Ольгерд предложил мир. Причём, любопытны мирные желания двух сторон. Дмитрий предложил перемирие, возможно, надеясь на увеличивающиеся силы союзников, чтобы наказать агрессора. Ольгерд «хотяше вечнаго мира»¹²², чтобы разрешить для себя восточную проблему. С этой целью он и предложил мир, подкрепив его брачным союзом, отдав свою дочь за Владимира Андреевича. Такая позиция Ольгерда станет более понятной, если мы взглянем на его западные проблемы, а именно: постоянную немецкую опасность. Заключив мир с Москвой, Ольгерд поспешил на свои границы с Орденом, «ходил ратию на немцы, и много зла сотворил Немецкой земле»¹²³.

С одним политическим противником было покончено. С Михаилом Тверским Дмитрий Иванович также заключил временный мирный договор. Стороны выжидали. Всем было понятно, что мир с тверским князем вынужденный и временный.

В ЛЕТО 6879 (1371 г.). Весной князь Михаил Александрович поспешил в Орду, за помощью к Мамаю. Там он получил подтверждение на великое княжение Владимирское и вместе с ярлыком и уже знакомым нам ханским послом Сары-хожей 10 апреля «поиде со Твери подле Волгу»¹²⁴, намереваясь прибыть во Владимир. Естественно, что Дмитрий Иванович времени даром не терял. Всех, подданных от бояр до чёрных людей он подвёл под крестное целование не признавать Михаила Александровича и не пускать его на княжение Владимирское. Но клятва хороша, а клятва, подкреплённая силой ещё лучше. Вместе с братом Владимиром Андреевичем Дмитрий стал у Переяславля, не пуская тве-

ричей во Владимир. Сами владимирцы отказались принимать тверского князя и ханского посла и не впустили их в город. Положение Сары-хожи оказалось очень щекотливым. Он посылает Дмитрию приказ явиться во Владимир к ярлыку, признать первенство тверского князя. На что получает гордый ответ, звучащий как вызов: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Володимирское не пушу, а тебе послу путь чист»¹²⁵. В этом ответе всё: Владимирское княжение считает Дмитрий своей вотчиной и любое поползновение на него готов в корне пресечь. А вот по отношению к ханскому послу ещё просматривается двойкость положения. Он и твёрд в своём решении и боится просчитаться, заигрывает с послом. С этой целью он «послалъ къ нему съ великою любовию звати его къ собе»¹²⁶. Сары-хожа, чувствуя не столько ответственность перед тверским князем, сколько ответственность за провал своей миссии, боясь ханского гнева, решается ехать в Москву, чтобы хоть как-то исправить положение. Из Мологи, где они находились, он отправился к Дмитрию Ивановичу. Было ли в результате этого «розмирие» посла с тверским князем, можно лишь предположить. Мы знаем только, что в отчаянии Михаил Александрович ушёл с Мологи, разоряя Бежецкий Верх¹²⁷, а 23 мая отправил из Твери своего сына Ивана в Орду, вероятно, просить помощи у хана.

А посол Сары-хожа был принят в Москве поистине по-царски. Угощения, подарки - всё лилось рекой. Трудно удержаться от соблазна, и Сары-хожа становится другом и союзником Дмитрия, да так, что преподносит в Орде действия московского князя в лучшем для него свете.

Обстоятельства складывались так, что Дмитрию Ивановичу пришлось самому ехать в Орду. В июне того года большое московское посольство во главе с князем тронулось в далёкий путь. До Оки его провожал сам митрополит Алексей и, благословив, возвратился в Москву¹²⁸. В Орде не только заступничество Сары-хожи сыграло главную роль. «Многы дары и великы посулы»¹²⁹ определили то, что Мамай вручил Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение Владимирское. Сохранился любопытный текст, якобы писанный Мамаем Михаилу Александровичу: «Княжение есмя тебе дали великое и давали те есмя рать и силу гюсадити на великом княжении. И ты рати и силы нашей не взял, а рек еси с своею силою сести на великом княжении. И ты седи с кем ти любо, и от нас помощи не ищи!»¹³⁰. Текст действительно любопытен

со многих позиций. Рхли бы Михаил использовал татарские отряды и с их помощью да при поддержке Литвы с большей вероятностью смог бы укрепиться на Владимирском престоле, победить московского князя. Но это неизбежно привело бы к массовому разорению Руси «татарской помощью», что неоднократно уже бывало в предшествующее время и оставило после себя печальную славу. Это ли остановило тверского князя? Сложно разобраться в гамме чувств, что испытывает человек, правитель, когда видит перед собой цель и ищет пути её достижения. Уж не чувство ли боли за свой народ, истерзанную страну предопределило решение гордого тверича?

Московский князь действует иначе. Он практически покупает ярлык в Орде, щедрым вливанием денег Мамаю и его вельможам, опутывая себя долгами, которые в конечном итоге легли на всю Русь. Он действует, как истинный Калитич. Не в этом ли разные подходы к государственной деятельности у московской и тверской княжеских линий? По возвращении из Орды Дмитрий Иванович ещё больше укрепил своё положение на Руси. И хотя это тяжёлым бременем легло на русский народ, так как «прииде изъ Орды съ многими длъжники и бышетъ отъ него по городомъ тягость даннаа велика людемъ»¹³¹, передача ярлыка Москве способствовала определённой политической стабильности Руси, сохраняла за ней роль лидера. Поручкой тому были послы от хана и «татарове многи». Кроме этого, московский князь выкупил в Орде князя Ивана Михайловича Тверского, которого отец отправил к Мамаю в качестве посла ли, заложника ли. Теперь Орде он был не нужен, а нужен князю Дмитрию. «Даша на нем десять тысяч гривен московских, еже есть тьма гривен»¹³² - сумма по тому времени действительно огромная. Мамай стремился использовать любые возможности для поправления своего финансового положения. И княжич Иван оказался заложником в Москве, его поселили в покоях митрополита Алексия и там он находился достаточно долго, пока не был выкуплен.

Первым делом после возвращения из Орды стало для Дмитрия Ивановича начало военных действий против Твери. И хотя до крупномасштабных событий не дошло, но и локальные оказались весьма существенными. В ответ на захват территорий, осуществлённый летом Михаилом Александровичем, московский князь отправляет свои войска и захватывает вновь Вежецкий Верх, убивает тверского наместника Никифора Лыгу. Не остаётся в долгу и

Михаил. Он посылает «братанича своего» Дмитрия Еремеевича с ратью, и те захватывают г. Кистьму¹³³, принадлежавший ранее Москве. Казалось, вот таким противодействиям не будет и конца. Но всё же чувствовалось, что чаша весов неуклонно склоняется в пользу Москвы. Это почувствовал и кашинский князь Михаил Васильевич. После произошедших событий он разрывает договор с Михаилом Александровичем - «съложили целование» и переходит на сторону московского князя. Это ослабило позиции Твери, но не заставило её отказаться от притязаний.

Неожиданно для Москвы возникла ещё одна проблема. Рязанский князь Олег Иванович во время пребывания Дмитрия в Орде заявил о своих притязаниях на город Лопаснь, считая его своей добычей за союз с Дмитрием против Ольгерда. Хотя Дмитрий резонно заметил, что Олег оборонять Москву не пошёл, в то время когда Ольгерд жёг её пригороды, а «стоял только на меже»¹³⁴. Другими словами, всё участие Олега состояло только в том, что он защищал свои, рязанские, земли от вторжения Ольгерда. Воспользовавшись походом московской рати на Бежецкий Верх, Олег напал на Лопаснь и захватил её. Это явилось причиной московско-рязанской войны. 14 декабря из Владимира Дмитрий Иванович направляет военные силы во главе с воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским на рязанцев и «бысть с ними брань люта и сеча зла» на Скорневцеве (Скорнищеве). Любопытный штрих даёт Рогожский летописец: идя на бой, рязанцы убеждали друг друга, что для бича вы не нужны ни доспехов, ни оружия, а достаточно только верёвки, чтобы вязать москвичей¹³⁵. Но победа в результате кровопролитнейшего боя досталась московской рати. Сам Олег Иванович едва спасся с малой дружиной, а в Рязани был посажен союзник Дмитрия Ивановича Владимир Дмитриевич Пропский. Правда, побыть ему на рязанском престоле пришлось недолго. Собравшись силами, Олег согнал своего зятя из Рязани и «приведе его в свою волю»¹³⁶. Но на это действие московский князь не прореагировал, так как новый год принёс и новые, более важные заботы.

В ЛЕТО 6880 (1372 г.). А начинался новый год с торжеств в Москве. 30 декабря у Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны родился сын Василий, будущий великий князь Московский. И этой же зимой был заключён брачный союз князя Владимира Андреевича и литовской княжны, дочери Ольгерда Елены, прибывшей в Москву ещё летом. Возможно, за одним свадебным столом

сидели и Владимир Андреевич, и Дмитрий Иванович, и, наверное,

сам Ольгерд Гедеминович. Брачный союз скреплял не только семейные узы, но и давал возможность политическому единству. Очевидно, князья клялись в мире и дружбе, в неучастии в военных действиях друг против друга. Но не успели отгреметь свадебные пиры, как вновь военная опасность нависла над Москвой.

Казалось бы, изменившаяся ситуация должна была заставить призадуматься тверского князя, заставить поверить, что его соперничество с Москвой проиграно. Но не таков был князь Михаил Александрович. С патологической настойчивостью вновь бросается он на земли московского княжества, выбирая себе новых союзников, желающих пограбить московские земли.

Сам Михаил Тверской 4 апреля неожиданным штурмом захватывает г. Дмитров, беря с города выкуп, уводя в Тверь его жителей. В это же время его союзники из литовской коалиции в лице князя Кейстутия, брата Ольгерда, Андрея Ольгердовича Полоцкого, князя Витовта Кестутьевича, князя Дмитрия Друцкого «и иных многих князей со многими силами»¹³⁷ осадили город Переяславль. И хотя город взять не удалось, был нанесён большой ущерб: выжжены окрестные сёла и посад города, уведено в плен много людей. Кто входил в «иных многих» источники не сообщают. Пограбив Дмитров и Переяславль, эти две военные силы соединились и совместно осадили Кашин. Это!; удар был особенно важен для Михаила Александровича. Им он заставил своего двоюродного брата отказаться от союза с Москвой и принять крестное целование в свою пользу. Но и на этом союзники не остановились. Был захвачен город Торжок, важный торговый и стратегический пункт, узел постоянных противоречий Москвы, Твери, Новгорода. Михаил Александрович посадил в городе своего наместника и установил там свою власть.

Захват Торжка ещё больше раскручивает спираль событий. Известно, что новгородцы не смирились с потерей и, как только узнали о поражении, сразу же отправили большой отряд отвоевать город. Им это удалось, но, прекрасно понимая, что Михаил Тверской на этом не остановится, стали укреплять город. Михаил Александрович не замедлил предпринять ответные действия и 31 мая «ста под градом Торжком»¹³⁸. Попытка мирным путём уладить конфликт, предпринятая тверским князем, не увенчалась ус-

пехом. Новгородцы и жители Торжка, «похвалившись силою своею и мужеством»¹³⁹, решили биться с врагом. И вот здесь они до

пускают очень важную тактическую ошибку. Вместо того, чтобы отсидеться за стенами города и дожидаться новгородской и московской помощи, они вышли биться из города. А в открытом бою тверчане были значительно сильнее. Страшный разгром учинили они новгородцам. В числе убитых упоминаются посадник Александр Абакумович, новгородский тысяцкий Иван Тимофеевич, кроме них, Иван Шахович, Григорий Щебелкович, Тимофей Данилович, Михайло Грязной, Денис Вислов и многие другие¹⁴⁰. Разгром довершился тем, что загорелся посад, и ветер перекинул огонь на город. Пожар в городе был страшен. В страхе и смятении бежали люди из города, гибли в реке, падали под ударами тверичей, попадали в плен. Страшна участь тех, кто не покинул юрод. Многие из них сгорели на улицах, некоторые искали спасения в церкви Спаса и там задохнулись. Поражение новгородцев было полным.

Не помогла свадьба Владимира Андреевича на Елене Ольгердовне, не внесла она доброго мира, не установила на измученной ратью земле спокойствия. Что-то источники тут не договаривают. Как-то не укладываются в логическую цепь действия Ольгерда Гедеминовича. Либо брачным союзом хотел он разбить московский блок и привязать Владимира Андреевича к Твери и Литве, либо хотел прочного мира, но неожиданные обстоятельства, неизвестные нам, заставили взяться за меч и идти вновь на Москву? И опять инициатива исходила, очевидно, от тверского князя. Вновь уговорил он своего шурина в поход на Москву.

12 июня у Любутска встретились противники. С одной стороны, Ольгерд и Михаил, с другой стороны, Дмитрий с «многую силою». Закаляли военные походы молодого московского князя, давали столь необходимый опыт, появлялась уверенность в собственных силах. В первом же бою московские войска разбили сторожевой полк Ольгерда. Это поражение вызвало замешательство в литовском войске, «бысть замаятия в литовской рати»¹⁴¹, так что Ольгерд не решился предпринять ответный удар. Противники расположились по обе стороны большого оврага, не решаясь напасть друг на друга. Такое противостояние продолжалось несколько дней, итогом которого явилось перемирие, заключённое воюющими сторонами.

Поражение Ольгерда и Михаила немедленно сказалось и на состоянии протверской коалиции. Первым вновь от неё откололся Михаил Васильевич Кашинский. Он сложил своё крестное целование тверскому князю и поехал в Москву к Дмитрию Ивановичу, а оттуда - в Орду. Скорее всего, он рассчитывал при помощи хана утвердиться в Кашине, получить ярлык на владение им. Хотя поддержка Орды могла быть, скорее, номинальной, так как начался очередной виток «замятии» и «мнозии князии ординския между собою избиени быша, а татар бесчисленно паде»¹⁴².

В ЛЕТО 6881 (1373 г.). От «замятии» выиграл опять Мамай. И первым его мероприятием был стремительный поход на Рязань. Вновь пограничное рязанское княжество подвергалось страшному разорению. Великий князь Дмитрий Иванович не пошёл на помощь Олегу Ивановичу Рязанскому, помня обиду за Лопаснь. Но он предпринял все меры, чтобы не допустить ордынцев на земли Московского княжества. Пограничной рекой была Ока. Все свои силы князь Дмитрий сосредоточил на данном рубеже. На помощь ему спешил Владимир Андреевич, который после битвы у Любутска находился в Новгороде. Всё лето братья стояли на Оке, прикрывая свои южные рубежи. Мамай не рискнул выступить против них.

Этот год можно характеризовать как переломный. И дело не столько в изменившихся московско-тверско-литовских, московско-ордынских отношениях, сколько в изменившейся позиции самого князя. Молодой князь московский крепко встал на ноги. Его княжество, преодолевая одну за другой преграды, уверенно идёт в водовороте политики, одерживая последовательно одну за другой дипломатические победы. В конце года был заключён мирный договор между Москвой и Тверью. Условия его нам не известны, сохранилось лишь итоговое решение. Московский князь отправлял из плена в Тверь сына Михаила Александровича Ивана, а тверской князь свёл всех своих наместников. «И бышет тишина и оть оузь разрешение христианомъ и радостиго възрадо-валися, а врази ихъ облекошася въ студь»¹⁴³, - с умилением отмечают летописи. Хотя до тишины было ещё далеко, Михаил срочно укрепляет Тверь, приказав выкопать ров и насыпать вал около города.

Происходит и новая перестановка сил. Умирает Михаил Васильевич Кашинский, а его сын Василий вновь заключает договор с Михаилом Александровичем «вдашась в волю его». Вновь, по существу, «нулевой вариант» в московско-тверских отношениях. По всему видно: стороны не удовлетворены существующим состоянием, копят силы, выжидают благоприятного момента. Едва завершилась одна война, как в воздухе витает другая.

В ЛЕТО 6882 (1374 г.). Но оставим на время военные действия и посмотрим на события другого характера: проблемы русской митрополии. Тем более, что в начале этого года на Русь прибыл посол Константинопольского патриарха Киприан (будущий митрополит всея Руси). Летописи необычайно скупы в описании этого события, фиксируя лишь сам факт встречи Киприана и Алексия в Твери и Переяславле¹⁴⁴. не объясняя сути дела. Между тем обстоятельства, определившие прибытие патриаршего посла, были очень важными и значительными как для судьбы русской митрополии, так и для самой Руси.

В силу ли обстоятельств, в силу ли каких-то черт характера, но Алексий более был московский митрополит, чем поводырь всей православной русской земли. За всеми его действиями угадывается забота лишь о московских землях в ущерб всем остальным. Он, как один из руководителей московского правительства, медленно и верно укрепляет Московское княжество, может быть, порой жертвуя интересами всей митрополии. И трудно сказать, что больше оказывает влияние: завет великого митрополита Петра, увидевшего в Москве центр русского православия, интересы московского боярства, защищающие экономические интересы Москвы, или отцовская любовь к юному отроку - московскому князю - и поставленная перед собой задача: выпестовать, поддержать, сделать из него великого князя. Наверное, и то, и другое, и третье. Через Алексия Дмитрий впитывает азы сложной науки управления, учится умению лавировать, выжидать, уступать, если надо, но на время, а затем принимать единственно правильное решение. Алексий для Дмитрия не только отец, духовный наставник, но и поводырь, особенно в начале жизненного пути, в сложном мире житейских и княжеских проблем. И какие бы действия не предпринимал па первых порах московский князь, за всем чувствуется продуманность Алексиевых решений. Так было и в решении проблем с Нижним Новгородом, русско-литовской войне, московско-

тверских отношениях. И если государственные вопросы решались более-менее целенаправленно и с определённой подвижкой вперёд, то проблемы русского православия, сохранения единства русской митрополии всегда оставались под угрозой. И здесь, ещё раз повторимся, Алексей порой выступает не как русский митрополит, отвечающий за всё русское православие, а как московский правитель. После киевского плена он практически не занимался делами Юго-Западной Руси, сосредоточив всё своё внимание на Северо-Восточных княжествах. За это он получает резкое внушение со стороны патриарха Филофея: «...ты заботишься не о всех христианах, обитающих в разных частях Руси, но утвердился на одном месте (т.е. в Москве), все же прочие (места) оставил без пастырского руководства, без учения и духовного надзора...»¹⁴⁵. Всё это приводит к расколу русской митрополии. Мы помним стремление Ольгерда обособить русско-литовскую православную церковь от власти Алексея. Создание русско-литовской митрополии во главе с Романом подлило масла в огонь противоречий внутри русской церкви. И даже смерть в 1361 г. Романа и попытка Ольгерда примириться с Алексием путём признания того митрополитом всея Руси не увенчалась успехом. Главным препятствием было то, что Ольгерд ставил условие, что объединение русской церкви под эгидой Алексея возможно лишь, если Алексей будет жить в Киеве, а не в Москве. На это московский митрополит не пошёл, дав тем самым новый толчок центробежных устремлений.

В 1371 году польский король Казимир добивается в Константинополе открытия для завоёванных им галицко-волыньских земель особой митрополии. Узнав об этом, вновь обращается к константинопольскому патриарху Ольгерд с просьбой об отделении митрополии и назначении другого митрополита: «дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»¹⁴⁶.

В условиях, когда обширные православные епархии подпали под власть мусульман, а католичество упорно наступало на западные земли, кризис на Руси не мог не вызывать беспокойства константинопольского патриарха Филофея. Он пишет послания к Алексею с требованием обратить внимание на западные епархии, к Ольгерду - о необходимости обеспечения свободного проезда митрополита по литовским землям. А зачем с миротворческой миссией на Русь посылается болгарский иеромонах Киприан. Он должен был помирить русских князей, внести мир в русско-

литовские отношения, в конечном итоге - укрепить русскую митрополию. И поначалу всё складывалось по константинопольскому сценарию. Мы видим, как успешно и патриарший посол, и русский митрополит ведут совместную деятельность. Сначала в Твери был поставлен епископом Евфимий (Ефим), а затем Киприан и Алексей вместе едут в Переяславль¹⁴⁷. Возникает только вопрос, почему Киприан не приехал сразу же в Москву, где находился митрополит, а оказался в Твери? И именно туда, в вотчину врага Москвы, вынужден был ехать Алексей. Всё это не могло не вызвать раздражения Дмитрия Ивановича. И даже возможная встреча в Переяславле московского князя и посланника патриарха не помогла спясть напряжение. Трудно прогнозировать, как развивались бы дальше события, связанные с миротворческой деятельностью Киприана, если бы не московско-тверская война, вспыхнувшая на следующий год. Она не только внесла вражду между Киприаном и Алексием, но и круто изменила позицию самого Киприана. Но это будет потом, а пока, покончив с делами на Руси, Киприан выехал в Литву, чтобы и там разобраться с церковными делами. А в это время на Руси события приобретают всё более тревожный характер.

«А князю великому Дмитрию Московьскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»¹⁴⁸. Что стоит за этими словами и в чём причина «розмирия», летописи не говорят и остаётся только догадываться. С 1372 года над всей Северо-Восточной Русью довлел тяжёлый «ордынский выход», дань Мамаю, которую обязан был собирать Дмитрий Иванович за полученный ярлык на великое княжение. Очевидно, чтобы укрепить свои позиции, московский князь вначале исправно платит эту дань, но уже в следующем 1373 году мы видим, что Дмитрий вывел свои войска против Мамаю, а стало быть, либо отказался от выплаты дани, либо выплачивал её в меньшем количестве. А в 1374 году дело дошло до «розмирия». Этому способствовало и то, что Мамай потерпел поражение от Черкеса и потерял Сарай ал-Джедид¹⁴⁹. Вероятно, он требовал выплаты дани и для этого послал на Русь своего посла Сары-Аку (в русских летописях Сарайку) в сопровождении тысячи конных всадников. Посольство прибыло в Нижний Новгород. И здесь случилось для ордынцев непредвиденное. Новгородцы не только отказались принять посольство, но и перебили часть ордынцев, а другую вместе с послом захватили в плен. Бесспорно, такие действия нижегородцев и их князя Дмитрия Константино-

вича могли осуществляться только с ведома московского князя. Только чувствуя защиту со стороны зятя, мог пойти на подобные действия нижегородский князь. Русь как бы объявляла конфронтацию Мамаю. Но для открытой борьбы нужно было ещё время: необходимо укреплять рубежи своего княжества, укреплять союзнический блок.

Князь Владимир Андреевич на южной границе московского княжества заложил город Серпухов, при этом, чтобы привлечь больше людей для заселения этого опасного края, «даде людям и всем купцем ослабу и льготу многу»¹⁵⁰. С этой же целью он основывает в Серпухове и монастырь, честь закладки которого принадлежит Сергию Радонежскому. Именно его, «чюднаго старца оумоливъ»¹⁵¹, попросил Владимир Андреевич выбрать место для монастыря и своими руками заложить основу. Это имело далеко идущий смысл. Слава Сергия, разошедшаяся по Руси, состояла не только в глубокой религиозной нравственности, но и в подвижничестве, в неустанном труде. Создавая сам или через своих учеников монастыри в удалённых уголках страны, он способствовал укреплению в них русского православного духа, за счёт которого происходило и укрепление государства. Сергей пришёл из Радонежа в Серпухов, сам выбрал место, «где прилично быти монастырю»¹⁵², и своими руками заложил монастырь во имя Пречистой Богородицы. И мощный оборонительный форпост, и крупный православный очаг возникли на реке Оке на пограничных рубежах с Ордой.

С именем Сергия связано ещё одно важное событие, произошедшее в этот год на Руси. 26 ноября у Дмитрия Ивановича родился третий сын Юрий. Произошло это в Переяславле. Туда, под сень монастырей, под защиту старых святынь, отправил московский князь свою жену Евдокию Дмитриевну. Порадоваться за счастливых родителей, полюбоваться внуком приехал Дмитрий Константинович с великой княгиней и все многочисленные родственники. Крестил младенца сам Сергей Радонежский. К этому торжеству было приурочено ещё очень важное событие: съезд князей. На крестины, па торжества, а вместе с тем и для решения накопившихся политических вопросов съехались почти все князья, подвластные московскому князю¹⁵³. Съезд князей в Переяславле - событие исключительной важности. Впервые за долгое время на Руси собираются князья для совместного решения назревших проблем, хотя о составе съезда и обсуждавшихся вопро-

сах летописи упорно молчат, но это и понятно, так как принятые решения не подлежали широкой огласке. Но анализируя последующие события и проводя логическую связь с предшествующими делами, можно сделать вывод, что главный вопрос съезда состоял в создании промосковской коалиции для решения ближайшей задачи - борьбы с Тверью. Но и была ещё одна задача, как бы перспективная - борьба с Ордой. После «розмирья», после нижегородских событий крупная война с Ордой, Мамаем стала неотвратимой. Но сначала нужно обеспечить себе тылы - разгромить тверского князя. Участие Сергия благословляло русских князей на достижение этих целей.

Среди событий этого года выделяются ещё два очень важных момента. В то время, когда идёт кропотливая работа по консолидации русских сил, на Волге вновь разбойничают новгородские ушкуйники. На 90 ладьях они пограбили Вятку, взяли город Булгары, жители которого, откупившись за 300 рублей, спасли город от сожжения. После этого произошло разделение разбойников. Одни в составе 50 лодок пошли вниз к Сараю, другие - вверх по Волге. Последние дошли до Обухова, пограбили всё Засурье, а затем сожгли свои суда и пошли к Вятке на конях, всё на своём пути грабя и сжигая.

В Москве за одним, хоть и печальным, но всё же для истории не так и значительным событием грядут большие перемены. 17 сентября умирает Василий Васильевич Вельяминов, «последний тысяцкий»¹⁵⁴. Вельяминовы принадлежали к старой родовой боярской знати, в течение нескольких поколений удерживающих за собой один из ключевых постов - пост тысяцкого. Эта должность в средневековой Москве, а равно как и в других городах Северо-Восточной Руси, была одной из самых ключевых. Тысяцкий командовал ополчением, ведал судебной расправой над городским населением, распределением повинностей, торговым судом¹⁵⁵. Хотя он и назначался князем, но постепенно эта должность становится наследственной. Так и в Москве этот пост находился в руках знатнейших бояр Хвостовых и Воронцовых-Вельяминовых¹⁵⁶. Веселовский отмечает¹⁵⁷, что ещё при Иване Даниловиче тысяцким стал Протасий Вельяминов. Затем по наследству его должность перешла сыну Василию, а при Семёне Гордом - его внуку Василию Васильевичу. Ранняя смерть Семёна Гордого в 1358 г. привела на престол удельного князя Ивана Ивановича, который попытался посадить в «администрацию» Москвы

своих людей (оказавшись случайно на престоле, Иван Иванович явно неудобно чувствовал себя в окружении бояр брата). Он назначает на должность тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, одновременно находившегося в опале у князя Семёна Ивановича. Это стало началом открытой борьбы за власть. В феврале 1357 г. состоялся боярский заговор, одним из инициаторов которого был отвергнутый претендент на пост тысяцкого Василий Васильевич Вельяминов. При загадочных обстоятельствах «оубиение же его дивно нека-ко и незнаемо, аки ни оть кого же»¹⁵⁸, убивают Алексея Петровича Хвоста. И хотя летописи говорят, что неизвестно кем он был убит, дело раскрылось довольно быстро. Не объясняя мотивов убийства, летописец сравнивает это дело с заговором Кучковичей против Андрея Боголюбского, и, очевидно, читателю того времени было достаточно ясно, о чём и о ком идёт речь. Участники заговора в срочном порядке с «женами и з детьми» отъехали в Рязань, а оттуда в Орду. Лишь только вмешательство митрополита Алексия, ездившего в 1357 году в Орду, вероятно, специально для примирения, способствовало возвращению беженцев в Москву. Но заняли они ключевые позиции далеко не сразу. Лишь только со смертью Ивана Ивановича В. В. Вельяминов вновь захватывает ведущие позиции, становится тысяцким. Своё положение при молодом великом князе он стремится упрочить и брачными узами. В январе 1367 г. Дмитрия Ивановича женят на Евдокии, дочери Дмитрия Константиновича Нижегородского, старшая дочь которого Мария выходит замуж за Николая Васильевича Вельяминова. Образуется некий родственный альянс. Василий Васильевич Вельяминов в начальный момент правления Дмитрия играл очень большую роль в правительстве Москвы. Вместе с Алексием, ещё несколькими боярами они держали курс Москвы, определяя её политику. Сосредоточив в своих руках значительную власть, Вельяминов опекал, пестовал молодого князя, а вместе с тем создавал задел для власти своих сыновей, всей фамилии. Перечить старшим (В. В. Вельяминову, Алексию...) Дмитрий не мог, но постепенно, по мере взросления такое положение стало тяготить великого князя. В 24 года, конечно, наступает время принятия самостоятельных решений, нежелание делить власть. Со смертью Василия Васильевича Вельяминова в Москве наступают большие перемены.

В ЛЕТО 6883 (1375 г.). В Нижнем Новгороде события развиваются с калейдоскопической быстротой. Мы помним, что новго-

родцы захватили в плен Сары-хожу (Сарайку) - посла Мамаю. Сколько с ним оказалось в тот момент людей, мы не знаем. Бесспорно, они находились под пристальным присмотром людей князя. 31 марта нижегородцы решили разъединить посла от его дружины и поместить их в разных местах¹⁵⁹, но где-то просчитались: в численности ли охранников, не учли ли силу и отчаяние захваченных, только пленники вырвались и побежали на епископский двор. Случайно или нет, они искали защиту под сенью церковной власти, судить трудно. Очевидно, захватили оружие и стали держать оборону двора от окруживших их нижегородцев. Начался штурм. В результате его ордынцы многих людей ранили, кое-кого убили. Епископ Дионисий пытался решить этот конфликт миром, но ордынцы начали стрелять и по нему. Одна из стрел попала в него, и только прочная мантия епископа да Божья помощь, как отмечает летописец, спасли его. Разъярённая толпа перебила всю Сары-хожеву дружину вместе с самим послом. Убийство посла - тяжкий грех. И вряд ли нижегородцы пошли бы на это, не чувствуя общего настроения русских княжеств.

Как раз в эти дни в Переяславле проходил новый съезд князей¹⁶⁰. Так же, как и по поводу предыдущего съезда, летописи хранят полное молчание. Очевидно, на нём обсуждалась программа совместных действий против Твери и определялась общая политика по отношению к Орде. Все события, происходившие в этот год, говорят в пользу такого предположения.

Получив известие о событиях в Нижнем Новгороде, Мамай был взбешен. Он сразу же отправил отряды в Запьянье, которые взяли и сожгли город Киш, убив боярина, вероятно, посадника нижегородского Пар-фения Фёдоровича, разорили всю местность, многих людей убили или увели в плен. Но этот поход был лишь выходом эмоций, всплеском злобы на свершившееся. Наказание нижегородского княжества за содеянное было ещё впереди. Московский князь не смог обеспечить отпор ордынцам, так как все в это время велось к крупномасштабной войне Москвы и Твери. Причём не столько этих княжеств, сколько коалиции: промосковской и протверской. Нужна была искра, взорвавшая события, повод к началу войны. И таковой не заставил себя долго ждать.

В начале марта «о Великом заговенье побежал с Москвы во Тверь Иван Васильев сын тысяцкого, внук Васильев, правнук Вельяминов, да с ним Некомат сурожанин со многою лжею и льстивыми словесы ко князю Михаилу тверскому»¹⁶¹. Это собы-

тие теснейшим образом связано с прошедшими в Москве событиями. Со смертью Василия Васильевича Вельяминова Дмитрий Иванович упраздняет должность тысяцкого. Одно дело - смирение перед старшими, другое - нежелание делить власть со своими сверстниками. И Дмитрий Иванович этим шагом концентрирует в своих руках всю полноту власти. Этим самым он порождает конфликт с претендентом на должность тысяцкого Иваном Васильевичем Вельяминовым. Конфликт носил жёсткий характер, иначе бы не бежал Иван к заклятому врагу Дмитрия Ивановича Михаилу Александровичу Тверскому. На что рассчитывал беглец? Посвященный во все планы Иван Васильевич, конечно, знал, что войны между Москвой и Тверью не избежать. Он надеялся на поражение Дмитрия Ивановича, в случае чего он при помощи Михаила Александровича получал бы пост тысяцкого в Москве. Вместе с Иваном Васильевичем Вельяминовым в Тверь бежал некий Некомат Сурожанин, видный московский купец. Прозвище Сурожанин выдаёт, что он был либо из Сурожа, города в Крыму, либо держал в своих руках торговлю с генуэзскими колониями в Крыму, а оттуда с Европой и странами Востока. Не это так важно. Главное другое: предстоящий разрыв с Ордой задевал интересы крупных купцов, торговавших с югом через ордынские владения, что вызвало их раздражение и недовольство политикой московского князя. Война с Ордой - для них крах, громадные убытки, с чем, естественно, примириться они никак не могли.

Тверской князь Михаил Александрович с удовольствием принял беглецов, более того, направил их в составе посольства в Орду к Мамаю. Объяснить это просто. Во-первых, из уст москвичей Мамай может убедиться в отколе от него Дмитрия Ивановича, во-вторых, воспользовавшись этим, добиться ярлыка на великое княжение для тверского князя и поднять Орду в поход на Москву в союзе с Тверью. Отправив посольство, сам Михаил Александрович отправился в Литву заручиться поддержкой Ольгерда и «тамо побывъ въ Литве мало время приеха въ Тферь»¹⁶². Ждать осталось немного. 13 июля из Орды возвратился Некомат вместе с ханским послом Ачи-хоже, привезя в Тверь князю Михаилу ярлык на великое княжение Владимирское¹⁶³. Михаил Александрович, «ни мала не пождавъ»¹⁶⁴, разрывает союз с Москвой и сразу же посылает свои войска на Торжок и Углич, захватывает их и сажает в них своих наместников. Война началась.

Обобщим силы воюющих сторон, союзных блоков. На стороне

Твери, её союзником выступают литовский князь Ольгерд, ордынский хан Мамай. А что Москва? Москва сумела выставить против тверского князя громадную коалицию - почти всех князей Северо-Восточной Руси. В результате двух съездов (в Переяславле в ноябре 1374 и марте 1375 гг.) была принята программа действий против тверского князя под главенством Москвы и первая программа общерусских действий против Литвы и Орды. И московско-тверская война стала первой репетицией общерусских объединённых сил.

Местом сбора войск был назначен г. Волок. «И ту приидоша к нему вси князи рустии»¹⁶⁵. В походе, помимо Дмитрия Ивановича, участвовали: его тесть Дмитрий Константинович Суздальский с братьями своими Борисом Константиновичем Городецким и Дмитрием Константиновичем Иоггем и с сыном своим Семёном; двоюродный брат Владимир Андреевич; ростовский великий князь Андрей Фёдорович и его племянники удельные ростовские князья Василий и Александр Константиновичи; великий князь ярославский Василий Васильевич и младший его брат, владделец ярославского удела Роман; белозерский князь Фёдор Романович; кашинский князь Василий Михайлович, владделец удела в тверском княжестве и переметнувшийся на сторону Москвы накануне событий; молюжский князь Фёдор Михайлович; стародубский князь Андрей Фёдорович; брянский князь Роман Михайлович; новосильский князь Роман Семёнович; оболенский князь Семён Константинович; тарусский князь Иван Константинович; смоленский князь Иван Васильевич «и инии князя со всеми силами своими»¹⁶⁶. Кто входил в состав «инии князи», судить очень сложно. Важнее, кто не входил и почему. Мы не видим рязанского, пронского и муромского князей, военных сил Новгорода и Пскова. Относительно Пскова сказать, почему они отсутствовали, затруднительно. Возможно, нежелание ссориться с Ольгердом заставляло их отказаться от общерусского похода. Новгородцы сначала заколебались, а затем послали свои полки непосредственно под Тверь и участвовали в осаде города¹⁶⁷. Роль южнорусских княжеств была, очевидно, иной. Являясь пограничными с Ордой, они вынуждены маневрировать, чтобы избежать погрома 1373 года, учинённого Мамаем рязанскому княжеству, и в то же время проявлять лояльность к московской группировке. Можно предположить, что в решениях княжеских съездов им было предопределено прикрывать с юга оголённые русские земли от возможности

удара Мамай. Таким образом, мы видим, что союзная Москве рать оказалась очень внушительной и на редкость единодушной. Ну, а

что же её противники? События показали, что на помощь Твери в открытую не рискнули вступить ни Ольгерд, ни Мамай.

Первым принял на себя удар союзных войск г. Микулин. 1 августа он был взят штурмом, жители его были пленены. 5 августа объединённые войска пошли к Твери. Город был достаточно хорошо укреплён, из летописи мы знаем, что Михаил Алексеевич дважды в 1369 и в 1373 годах обновлял крепостные стены. Вот почему к осаде города необходимо было подготовиться основательно. 8 августа «приступилъ всею ратию къ городу, туры приказали и приметъ приметали около всего города. Тако и пошли бьяся къ Тмацькимъ воротамъ, мость зажгли»¹⁶⁸. Однако первый штурм был отбит, и окрылённый Михаил сделал удачную вылазку из города, посёк и пожёг туры и отогнал москвичей от крепости. Не взяв город штурмом, Дмитрий Иванович окружил Тверь, обнёс её острогом и приступил к планомерной осаде. В то время, как силы Москвы всё прибывали, надежда на помощь Твери со стороны Литвы и Орды всё угасала. Ольгерд, узнав о силах, собравшихся против Михаила Александровича, просто не рискнул прорваться к Твери и отступил¹⁶⁹. Почти месяц князя осаждали Тверь. За это время взяли города Зубцов, Белгород, «учинивъ всю Тферьскую область пусту и огнемъ пожегль, а люди мужа и жены и младенца въ вся страны развели въ полонь»¹⁷⁰.

Разорение Тверской земли было полным. Не дождавшись помощи, обманутый союзниками Михаил запросил мира. Своеобразными парламентариями выступили владыка Евфимий, старейшие и нарочитые бояре. 1 сентября 1375 года Дмитрий Иванович и Михаил Александрович заключили мирный договор. До нас дошёл текст данного соглашения¹⁷¹. Основные положения данного документа сводятся к следующему. Признаётся безоговорочная победа промосковских сил. В результате чего Михаил Тверской называет себя младшим братом Дмитрия Ивановича. Он обязан находиться в союзе и мире со своими союзными Москве князьями. В случае военных действий Дмитрия Ивановича или Владимира Андреевича тверской князь должен лично принимать участие в их походах; если посылаются воеводы, то и он должен послать воевод для совместных действий. Михаил Александрович обязуется признавать законное право Москвы на великое княже-

ние Владимирское, на Новгород и не пытаться ни ему, ни его детям, ни племянникам добиваться ярлыка. Особый блок касается взаимоотношений с Ордой. В случае победы татар, когда они могут предлагать и ярлык, и земли московские, тверской князь должен от этого отказаться, так же как и московский князь отказывается претендовать на тверские вотчины. В случае похода татар на одну из сторон другая обязывалась оказывать полную помощь и поддержку. Договором разрушался союз тверского князя с Ольгердом и его семейством. Более того, в случае похода литовцев на Москву, либо на союзное ей Смоленское княжество, либо на какого другого союзника Москвы Михаил Александрович должен был биться против своего бывшего союзника. В случае нападения на него Литвы промосковская коалиция обязывалась оказывать Твери полную поддержку. Специальная статья определяла статус Кашинского княжества. Оно объявлялось вотчиной Василия Михайловича, независимой от Твери. В случае военного похода Твери на Кашин на сторону последнего вступала Москва. Особо оговаривалось положение Новгорода и Торжка, из-за влияния на которые возникло так много кризисных явлений. Право владения ими закреплялось за Москвой, как и было по «старине» при прежних правителях московских. Михаил Александрович обязался вернуть всё награбленное в результате захвата Торжка у людей великого князя и Новгорода. Особо оговаривалось имущество перебежчиков В. Вельяминова и Некомата. «А что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, и в ты села тебе ся не въетупати, а имь не надобе, те села мне»¹⁷² - такова расплата за предательство. Существовал ещё ряд пунктов, регламентирующих многие стороны взаимоотношений двух княжеств. «А целования не сложите и до живота»¹⁷³, т. е. «докончание» действовало до самой смерти договаривающихся.

Как видим, итогом московско-тверской войны была безоговорочная победа сил объединённого союза Северо-Восточных княжеств под эгидой Москвы. А что же союзники Твери - Ольгерд и Мамай? Неужели они просто так восприняли поражение Михаила и не прореагировали на него? Реакция, естественно, была, по не такая, как хотелось бы тверскому князю. Татары повторили сокрушительный поход в Запьянье, мотивируя его: «Почто естя ходили ратию на князя Михаила Тверского»¹⁷⁴. Разоренная перед этим многострадальная земля не смогла оказать должного сопротивления, а помощь от великого князя поспеть очевидно, не смог-

ла. «И всю землю Новагорода Нижич он и со многим полоном возвратишась во Орду»¹⁷⁵.

В начале декабря 1375 года войска Мамаия разорили земли другого союзника Москвы, новосильского князя Романа Семёновича¹⁷⁶. Набольшее Орда, вероятно, в то время была не способна. Интересно, что Рязанское княжество оказалось нетронутым. Результат ли это хитрой дипломатии князя Олега Ивановича, или концентрация больших военных сил в княжестве, способных дать отпор - сказать трудно, не исключено, что и то, и другое.

Осенью ответные действия предпринял Ольгерд. Объектом его нападения стало Смоленское княжество. Мы помним, что против Твери принимал участие один из удельных смоленских князей Иван Васильевич. Очевидно, военные действия в первую очередь велись против него. Так или иначе, но в результате этого похода Смоленское княжество опять оказалось в сфере влияния Литвы. Ольгерд свою верность союзническому долгу с Тверью продемонстрировал и косвенным путём. В Твери состоялось венчание сына Михаила Александровича, Ивана, на дочери брата Ольгерда Кестутия, Марье. Перед этим епископ Евфимий крестил её в православии. Этот брак ещё больше подчёркивал партнёрство, пусть и покорённой, но всё же союзной Литве Твери.

И ещё одно событие сильно омрачило 1375 год. В то время, когда почти весь князь русские осаждали Тверь, когда на помощь им прибыли и отряды новгородцев, «въто время пришедше Новгородци Великаго Новагорода ушкуиници разбоиници 70 ушкучевъ, а старейшина у нихъ бяше именем Прокопъ, а другыи Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Костромю»¹⁷⁷. Воевода, он же наместник Костромы Плещеев, показал себя не только неопытным военным, но и просто трусливым человеком, из-за действий которого и потерпели поражение костромичи. Новгородцев было где-то с полторы тысячи человек, а горожан, готовых защищать свой город, было более 5 тысяч. Ушкучники применили военную хитрость, разделив надвое своё воинство: одна часть ударила в лоб костромичам, а другая незаметно, «втаю», обошла сражающихся и ударила горожанам с тыла. И здесь вместо того, чтобы организовать правильно бой, воевода Плещеев «убоявся» и, бросив рать, убежал с поля боя. Этим самым была вызвана паника и неразбериха. «Костромичи же, видевше то, и не бившеся и побегоша и мнози ту на побоищи побиени быша и падоша, а друзии по

лесомъ разбегошася, а иных живыхъ примаша и повязаша»¹⁷⁸. Кострома лежала беззащитная перед разбойниками. Дикому погрому, продолжавшемуся целую неделю, был предан город. Даже сегодня, через столетия, трудно спокойно читать о тех злодеяниях, что творили ушкуйники. А мог ли бесстрастно описывать эти события современник-летописец? И главная боль - ведь это же свои, православные. Смерчем прошли ушкуйники по Волге. Та же участь ждала и Нижний Новгород. «Много полона взяша мужь и женъ и девиць и град зажгоша»¹⁷⁹. В городе Булгары весь христианский «полон» был продан. Безнаказанность лишает людей рассудка и, в конечном итоге, губит. Ушкуйники «поидоша въ насадехъ по Волзе на низъ къ Сараю, гости христиапьскыя грабьчи, а Бесермсны биючи, и доидоша на усть Вльгы близъ моря града некоего именованъ Хазитороканя и тамо изби я лестию Хизотороканьскыи князь именованъ Салчей. И тако вси безъ милости побииени быша и не единъ отъ нихъ не остася, а имение ихъ се взяша Бесерменове. И тако бысть кончина Прокопу и его дружине»¹⁸⁰, - подводит итог летописец.

Московско-тверская война была высшим пиком развития ситуации 70-х годов XIV века. И дело ведь не только в покорении сепаратистских тенденций тверского князя, в его тщетных потугах объединения Руси под своей властью. Коалиция Северо-Восточных княжеств под главенством самого преуспевающего московского сделала первую пробу, репетицию общерусского выступления, и противник был определён ещё задолго - Орда. Русь копила силы. Русь проводила репетиции совместных действий. Было бы неправильным утверждать, что заключённый княжествами союз представлял нечто монолитное и единое целое. Многие князья преследовали лишь свои, узкокорыстные интересы и в любой момент, как только изменяется ситуация, могли «отпочковаться». Непрочность таких союзов видна хотя бы на примере Рязанского княжества, которому волею судеб приходилось ходить по лезвию ножа, лавируя между враждующими сторонами. Непрочность договоров, союзов мы видим на примере тверского князя, когда чуть только изменяются события, и рушатся договоры. Но первый шаг сделан. И жизненность образовавшегося союза Северо-Восточных княжеств проявляется не столько в победе над Тверским князем, сколько в создавшейся совместной силе, против которой не рискнули в открытую выступить ни Литва, ни Орда, предпочтя грабительские наскоки отчаяния и злобы. А что

же Русь? В обстановке, когда держать постоянно объединённую армию разных княжеств было невозможно, когда 3 сентября были распущены войска, оставалось тоже отвечать лишь отдельными ударами «за обиду».

В ЛЕТО 6834 (1376 г.). В этом году Дмитрий Иванович ожидал, возможно, более крупного нашествия Литвы и Орды. Не исключено, что между княжествами постоянно курсировали гонцы «да буде готовы». Люди жили в напряжении, в ожидании решительных схваток. Московский князь выслал за Оку сторожевое войско, «остерегался рати татарския от Мамаю»¹⁸¹, с целью следить за всеми передвижениями соперника и в случае дать знать на Русь. А Владимира Андреевича Дмитрий послал на западные границы к городу Ржеву. «Он же, стояв у града три дни (в Рогожском летописце - три недели. — В. Е.), посад позже, а града не взя»¹⁸². Стратегическая цель данного похода состояла не только во взятии города, но, прежде всего, в установлении сторожевой службы по отношению к Ольгерду.

Достаточно сложным оставалось положение на восточных рубежах, в Нижегородском княжестве. Подвергаемое постоянным набегам, разорённое и униженное, оно требовало более решительной защиты и снятия угрозы нападения. Своеобразным форпостом Орды в данном регионе был город Булгары. Именно на него и направил свой удар московский князь. Для этого была послана дружина под командованием опытного воеводы Дмитрия Михайловича Волынского. По дороге к ним присоединились отряды Нижнего Новгорода под началом сыновей Дмитрия Константиновича — Василия и Ивана, «а съ ними боярь и во-еводъ и воя многы»¹⁸³. Очевидно, были собраны все силы Нижегородского княжества, так велики были злоба и желание отомстить за причинённые беды и страдания. 16 марта русское войско подошло к городу.

В XIV веке г. Булгар, являясь центром Булгарского улуса в составе Золотой Орды, был одним из крупнейших экономических и политических центров Поволжья. Бой, произошедший под стенами города, описан в русских летописях не столь подробно, как хотелось бы, больше с неким акцентом удивления необычностью увиденного. Прежде всего, воинов поразили пушки, установленные на крепостной стене «громъ пущаху, страшше нашу рать»¹⁸⁴, верблюды, которые «кони наши полошающе»¹⁸⁵. Не-

смотря на эти диковины, болгарское войско было разбито. Оставшиеся в живых укрылись в городе, и болгарские князья Осан и Махмат-Солтан вынуждены были, очевидно, не надеясь на подмогу, запросить мира. Была выплачена солидная дань - 2000 рублей Великому князю и 3000 рублей остальным участникам похода, признана зависимость от московского князя с обязанностью поставки дани, для чего были оставлены дарига и таможенник, отвечающие за поступление дани в московскую казну.

И ещё одно очень важное событие произошло в этот год на Руси. Событие, о котором русские летописи говорят как бы вскользь, нехотя, по существу замалчивая суть дела. «Того же лета Киприанъ митрополить поставлень изо Царягорода прииде въ Кисвь»¹⁸⁶. За этими словами скрываются полные напряженности и драматизма события. Мы расстались с Киприаном, когда он выполнил свою миссию на Руси и отправился в Литву. Трудно прогнозировать, как развивались бы дальше события, если бы не московско-тверская война, которая не только поставила на колени Тверь, но и разъединила Киприана и Алексия. Алексей опять выступил как промосковский митрополит, не предприняв ничего к мирному решению конфликта, благословил на кровопролитие. Победа в войне усилила Москву и вновь ослабила русскую митрополию. В этой ситуации Ольгерд вновь вернулся к идее восстановления литовской митрополии, найдя себе союзника в лице Киприана. Он вновь обращается в Константинополь с посланием, часть которого мы уже цитировали, в котором излагает своё видение причин московско-тверской войны, несостоятельность Алексия как митрополита всех русских земель. Решением Синода от 2 декабря 1375 года Киприан был поставлен главой Киевской и Литовской митрополий. Ольгерд добился своего, более того, в его руках оказался ещё один важный козырь: Киприан назначался пожизненным преемником Алексия и в случае его смерти становился митрополитом всея Руси. И центр русского православия переходил из Москвы в Киев. Это был серьёзный удар, удар, равнозначный поражению. Два политических лидера-Ольгерд и Дмитрий, стремившиеся подчинить своей власти все русские земли, опиравшиеся в данной борьбе на церковь, как некое связующее звено всех православных княжеств, получили разные шансы в этой борьбе. В определённом проигрыше оказался Дмитрий Иванович, и в этом вина ложилась непосредственно на Алексия. Открыто выступить против своего духовного отца, обвинить, осу-

дить его в неправильных действиях Дмитрий не мог, поэтому, как и в деле со старыми боярами (в лице В. В. Вельяминова), отношения всё больше осложнялись. Престарелый митрополит, привыкший к безропотному подчинению, уже не мог принимать решений, да и Дмитрий уже сам явно тяготился опекой дряхлеющего митрополита. В ответ на действия Ольгерда и решения Константинополя Дмитрий Иванович сам взялся за поиск преемника Алексия. Нужен был такой человек, который бы, охраняя интересы русской церкви, полностью подчинялся бы московскому князю. Таковым оказался, по мысли Дмитрия Ивановича, коломенский священник Михаил или, как его называют летописи, Митяй. Но пока оставим на время проблемы митрополии, так как новое событие происходит в Литве, во многом изменившее дальнейший ход истории.

В ЛЕТО 6885 (1377 г.). Умер Ольгерд. Умер действительно великий человек своего времени. Умер основной политический противник Дмитрия Ивановича. И как всегда в таких случаях бывает, началась вражда между различными претендентами на Литовское княжество. У Ольгерда было несколько братьев, сыновей Гедемина: Наримонт, Евнутей, Кестутей, Корияд, Люборт, Монтивит. Как ни предвзято говорит об Ольгерде русская летопись («зловерный, безбожный, нечестивый»), всё же в подтексте она отмечает преимущества Ольгерда перед остальными. «Во всей же братии своей Ольгердъ превзыде властию и саномъ, понеже пиву и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и воздержание себе приобрете, крепку думу отъ сего и многъ промысль притяжавъ и таковымъ коварствомъ многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поималъ за себе и удержал себе власть велику, тем и умножися княжение его»¹⁸⁷. Ольгерд имел 12 сыновей от двух браков: 5 - от первой жены и 7 - от тверской княжны Уляны. Умирая, он разделил всем сыновьям княжения и города и «приказа старейшинство сыну своему Ягаилу, того бо возлюби паче всехъ сыновъ своихъ и того избра во всей братии его, емуже и княжение великое поручи»¹⁸⁸. Это и явилось причиной конфликта, вспыхнувшего в великом княжестве Литовском. Старшие братья, считая, что у них больше прав на престол, отказались подчиниться Ягайле¹⁸⁹. В этом кроется отгадка последующих взаимоотношений Литвы и Руси, политических шагов различных группировок.

А пока всё внимание на восток. Дмитрий Константинович Нижегородский шлёт вестника к Дмитрию Ивановичу о новой военной опасности. Пришедший из заволжских степей Арабшах собрался в поход на Нижний Новгород. Получив известие, Дмитрий сейчас же отправляется в поход, собрав для этого рать Владимирскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую, а затем к ним присоединились и воины Нижегородского княжества. Вероятно, состав войска получился достаточно внушительным. Нападения Орды давно ждали и были к нему готовы заранее. И вот здесь русским был преподнесён великолепный урок военной мудрости. Ибо забыли они заповедь, данную им самим Владимиром Мономахом: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружие не снимайте с себя в торопях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает»¹⁹⁰. Л произошло вот что. Не найдя врагов, прождав две недели, великий князь Дмитрий Иванович возвратился в Москву. Трудно сказать, какие срочные дела заставили его покинуть войско. Всё руководство было возложено на московских воевод, Ивана Дмитриевича, сына нижегородского князя, и князя Семёна Михайловича. И произошло то, о чём предостерегал Мономах. Впрочем, предоставим слово летописям, потому что сколько ни пытаешься описать это событие, не получается ярче, выразительнее... «И бысть рать велика зело, и поидоша за реку за Пиану, и прииде к нимъ вестъ, поведаша имъ царевича Арипшу на Вльчии воде, они же оплошишася и небрежениемъ хожаху, доспехи своя въекладоша на телеги, а ииы въ сумы, а у иныхъ сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены, а ездять порты своя съ плечь спущавъ, а петли ростегавъ, аки распредели, бяше бо имъ варно, бе бо въ то время знойно. А где наехаху въ зажитии медь или пиво и испиваху до пиана безъ меры и ездять пиани, по истине за Пианою пиани. А старейшины или князи ихъ, или бояре старейший и велможи, или воеводы, те все посхаша ловы деюще, утеху си творяше, мнящеся акы дома»¹⁹¹. После такого описания летописца комментарии излишни. Мордовские князья, подвластные Орде, тайно докладывали о положении дел в русском войске. Используя знание местности, они тайком провели отряды ордынских войск, разделённых на пять полков, и 2 августа внезапно напали на русскую рать. Не ожидавшее нападения войско не сумело

должным образом организовать оборону и, как следствие этого, началась паника. Ордынцы и мордовские воины порубили обезумевших от неожиданности и страха воинов, потопили в реке Пиани. В числе утонувших был и Иван Дмитриевич - молодой князь, искавший в походе честь и славу, а нашедший смерть и бесчестие. Поражение русских было полным. На гребне успеха ордынцы быстро двинулись к Нижнему Новгороду и уже 5 августа стояли около этого города. Сил на оборону не было, все воины нижегородские ушли на Пиану, город лежал беззащитный. Сам Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, горожане в страхе разбежались по окрестностям, большинство на судах уплыло к городу Городцу. Страшному разорению и пожару был подвергнут город, одних только церковей сгорело 32, «и отъидоша от града в пяток, власти и села пленяще и жгуще, и со множеством безчисленным полоном отъидоша восвояси»¹⁹². Но на этом бедствия нижегородцев не закончились. Арабшах огнём и мечом прошёл всё Засурье, пожёг и пограбил его. Практически весь нижегородское княжество оказалось разорённым.

Урон 1377 года был громадным и страшным. Но жизнь на этом не останавливается. Первая заповедь - похоронить похристиански погибших. Князя Ивана Дмитриевича нашли в реке Пиане. Множество убитых было привезено в Нижний Новгород, по ним отслужили панихиду и предали земле. Горе и слёзы, боль и досада, разорение и унижение - всё это спутники поражения. Можно только представить, что творилось в душе Дмитрия Ивановича. Поражение на реке Пиане было грозным уроком, но на то и урок, чтобы чему-то научиться. А на месте Дмитрия Константиновича, наверное, никто не хотел оказаться. Всю жизнь собирать по крупицам княжество, почти ежегодно испытывать вторжения, отражать их, самим нападать, закаляясь и укрепляясь в сражениях, и вдруг - тяжелейшее поражение, разорение всей вотчины, уничтожение части дружины, увод в плен жителей и, наконец, бесславная гибель сына-такое может надломить любого человека... А тут ещё мордва, чувствуя слабость Нижнего Новгорода, стремясь поживиться оставшимся, напала на княжество, «пограбиша и множество людей избиша, а иных плениша; власти же и села, остаточныя от татар и от иных, пожжени быша...»¹⁹³. И погнался за ними князь Борис Константинович и настиг у реки Пьяны, разбил их, отплатил за разорение. И опять река Пьяна. Вспомним вновь слова, которые стали крылатыми на Руси: «по

истине за Пианою пиано».

Как я уже сказал, поражение на реке Пьяне должно было стать хорошим уроком для русских и, прежде всего, для московского князя. Создаваемый им блок для борьбы с Ордой из-за беспечности дал серьёзную трещину. Нижегородское княжество теперь реальной помощи оказать не могло. Выжить бы самим...

Дмитрий Иванович прекрасно понимал, что для решительной борьбы с Ордой безопасность восточных рубежей - дело перво-степенное. А для этого, прежде всего необходимо покарать вассалов Орды - мордовские княжества за набеги и постоянные вторжения; обезопасить свой тыл и реабилитировать себя после поражения. Зимой 1377 - 1378 гг. он посылает московскую рать под командованием воеводы Фёдора Андреевича по прозвищу Свибл. К ним присоединились оставшиеся нижегородские отряды, которые возглавлял Борис Константинович и его племянник Семён Дмитриевич. Цель похода - мордовская земля. Объединённые силы русских устроили жестокую расправу: «мало техъ кто избыль отъ руку ихъ, и всю землю ихъ пусту сотвориша и множество живыхъ полонивше и приведоша ихъ въ Новгородъ и казниша ихъ казнию смертною, травиша ихъ пси на леду на Волзе»¹⁹⁴. Уважаемый читатель, можешь ли ты представить эту сцену? Да, жестокие времена, жестокие правы.

В ЛЕТО 6886 (1378 г.) События 1377 года отходят на задний план перед главным - в начале 1378 года умирает митрополит Алексей. «Тое же зимы промежи говения месяца февраля въ 12, на память святого отца Мелентия, епископа Мелетиискаго, въ день пятокъ въ заутреннюю гадину прсставися прсвященный Алексей митрополит всея Руси въ старости честней и глубоце, бывъ въ митрополитехъ летъ 23, и положен бысть па Москве въ церкви святого архангела Михаила, честнаго его чюда, иже самъ созда общий монастырь»¹⁹⁵. Событие исключительное по своей значимости. Умер не только глава русской православной церкви, но умер человек, практически создавший величие московского княжества, тонкий политик, умевший ладить с Ордой, добывая, выторговывая более выгодные условия для Москвы, лавируя и заставляя силой подчиняться Москве другие русские княжества. Умер один из зодчих Российского государства, который слепил не только Дмитрия Ивановича как главу, но и способствовал созданию самого государства. Алексей прожил длинную и богатую со-

бытиями жизнь. Но, наверное, ему не было никогда так тяжело, как в последние годы. Раскол русской митрополии надломил его, события, связанные с выбором преемника еще живого митрополита, лишь только ускорили трагический исход. Сам Алексей хотел видеть после себя во главе митрополии Сергия Радонежского¹⁹⁶, но когда тот категорически отказался, согласился с Дмитрием Ивановичем на назначение княжеского любимца Михаила (Митяя). Алексей пишет завещательную грамоту и отправляет её за благословением к патриарху. «По преставлении же его (Алексия. - В. Е.) взыде на его место и на его степень некоторый архимандритъ именемъ Михайль, нарицаемый Митяи, да незнаемо съдеа, странно некако и не знаемо облечеса въ санъ митрополичъ, и возложе на ся белый клобукъ и монатию со источники и съкрижальми и перемонат-ку митрополичю и печать и посохъ митрополичъ, и просто рещи въ весь санъ митрополичъ самъ ся постави»¹⁹⁷. Летописец здесь, конечно, преувеличил. Сам себя любой желающий в сан митрополита поставить не может. После смерти Алексея великий князь Дмитрий Иванович без решения Константинополя, по существу, по своей лишь воле, назначает митрополитом Митяя (эдакий вариант многовековой давности, когда князь Ярослав Мудрый назначил митрополитом Иллариона). Шаг очень смелый, решительный и вместе с тем очень тернистый. Но Дмитрий пошёл на это, сочтя, что в управлении русской церкви должен быть человек, всецело зависящий от князя.

Митяй не был человеком знатным. Его отец Иван был священником в селе Тешилове под Коломной. По стопам отца пошёл и сын. В Коломне и состоялась его встреча с великим князем. Митяй умел привлекать к себе людей с первого раза. Враждебно настроенный к нему летописец и тот не может удержаться в описании достоинств священника: «...Телом высокъ, илечиегь, рожайсть, браду имеа плоску и велику и свершену, словесы речистъ, гласъ имеа доброгласенъ износящъ, грамоте гораздъ, пети гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ, всеми деда поповскими изящень и по всему нарочить бе»¹⁹⁸. Чем чаще встречался Дмитрий Иванович с Митяем, тем больше тот нравился великому князю, всё больше нечто общее сближало их. Дмитрий Иванович приближает Михаила к себе, назначая своим духовником, а затем делает его печатником - хранителем княжеской печати, должности очень важной для того времени. Этим самым Михаил становится одним из влиятельнейших людей двора. Когда

это произошло, мы не знаем. «И пребысть въ такомъ чину и въ такомъ устроении многа лета»¹⁹⁹. Придворная карьера вполне устраивала Михаила, но у Дмитрия Ивановича возникли заботы, новые планы, связанные с проблемами Русской митрополии. Алексей уже не мог держать в крепких руках руководство православной митрополии, раздел её ещё более усугубил эту проблему, назначение Киприана, сторонника Ольгерда, преемником Алексея ещё более обострило её. Нужен был свой человек. Из ближайшего окружения Алексея Дмитрий таких не видел, и тогда у него возникла идея вознесения Митяя по духовной линии. Но он всего лишь находится в сане священника. И Дмитрий решается на шаг, казалось бы, невозможный. За короткий промежуток времени он «делает» Михаилу головокружительную духовную карьеру. «И ту бьяше видети дива плно: иже до обеда белець сыи, а по обеде архимандрит, иже до обеда белець сыи и мирянинъ, а по обеде мнихомъ началникъ и старцем старейшина и наставникъ и учитель и вожь и пастухъ»²⁰⁰. Дмитрий, по существу, заставил Митяя постричься в монахи «акы ноужяю» и поставил его архимандритом Спасского монастыря. Два года пробыл Михаил в этой должности, и, вероятно, всё это время Дмитрий уговаривал Алексея назначить Михаила своим преемником. Долго Алексей не давал согласия, отказывался подчиниться воле князя, но в конце концов, очевидно, опять же по настоянию Дмитрия, Алексей незадолго до смерти написал завещательную грамоту на передачу митрополии Михаилу и послал за благословением к патриарху. Посольство к константинопольскому патриарху Макарию щедро подкрепило просьбу об утверждении Митяя преемником Алексея финансовыми вливаниями столь нуждающейся в это время патриархии. Патриарх Макарий после этого известил Русь, что он «не принимает Кир Киприана, а передаёт ту церковь своею грамотою архимандриту оному Михаилу»²⁰¹. Как только скончался Алексей, Михаил «по великаго князя слову и на пребол-шии санъ оустремися и на превысокии степень старейшинства, на дворъ митрополичь взыде»²⁰².

Несмотря на санкцию патриарха, всё же это больше напоминало захват высшей церковной должности по прямому указанию Великого князя. Михаил, и так считавшийся выскочкой, моментально попал в оппозицию иерархам русской церкви, среди которых выделялся преподобный Сергий Радонежский, т.е. действия Великого князя не только не получили поддержки в лице предста-

вителей русской церкви, но и вызвали скрытое противодействие. Этой ситуацией попробовал воспользоваться Киприан. Кто он был сейчас? Митрополит из Литвы и Киева, но ведь нет больше Ольгерда, его покровителя, сама Литва полна политических противоречий; нет, наконец, и Алексия. Но есть на Руси группа деятелей церкви, которые в сложившейся ситуации предпочли бы видеть митрополитом всея Руси Киприана, а не Михаила. И Киприан решается на отчаянный шаг.

Летом 1378 года он пытается проникнуть в Москву, чтобы там отбить митрополичий титул у ещё не посвященного претендента. Перед этим он посылает послание игумену Сергию и игумену Фёдору «и аще то инь единомудрень съ вами»²⁰³, ища поддержки у своих единомышленников. Несмотря на то, что Дмитрий выставил кордоны, чтобы не допустить митрополита в Москву, возможно, при помощи же своих единомышленников, он всё же добрался до Москвы, но здесь его ждал далеко не любезный приём. Князь приказал его арестовать и подвергнуть всяческому унижению: почти нагого двое суток продержал голодным в холодном погребе, а затем с позором выгнал вон из Москвы. Униженного и оскорблённого возвратили Киприана в Киев, и уже оттуда шлёт он через Сергия церковное проклятие князю Дмитрию и его боярам²⁰⁴.

Только на это на Руси мало кто обратил внимание. Великий князь и Михаил, чувствуя зыбкость своего положения, всё же решаются на придание законности этому факту. Но здесь опять вспоминаются времена Ярослава Мудрого, как он поставил митрополитом Иллариона без участия Константинополя, «сбравъ епископы»²⁰⁵. И князь Дмитрий решает, что в этих условиях русские епископы сами могут назначить Михаила не только епископом, но и митрополитом, тем самым замахнулся на автокефалию русской церкви. Шаг, в условиях пошатнувшегося политического авторитета Константинополя, может быть, и разумный. Но как сильна традиция догмы в мозгах высших церковных иерархов. «По повелению же князю собращася епископи, ни единъ же отъ нихъ дерзну рещи супротив Митяю, но тъкмо Дионисии, епископъ Суждальскыйи, и по многу възбрани князю великому рекъ: не подобает томоу тако быти»²⁰⁶.

Вот здесь Великий князь просчитался. Казалось бы, оппозиции быть не могло, послушаться Дмитрия мало кто мог рискнуть, если бы не Дионисий. Личность во многом выдающаяся: аскет, строгий

подвижник, проживший долгую монашескую жизнь, основатель нижегородского Печерского монастыря, Дионисий резко отрицательно высказался за подобную новизну: «...этому делу так не быть, а должно Митяю принять благословение от патриарха по древнему чину»²⁰⁷. Дионисий считал, что право постановления принадлежит только константинопольскому патриарху и что нарушать его не может даже и собор. В своих мыслях, бесспорно, Дионисий был не одинок. Среди его союзников значится и Сергей Радонежский. Между Дионисием и Михаилом разгорелись жестокие споры «и мнозе распре бывше между има»²⁰⁸. В результате Дионисий решает сам ехать в Константинополь, чтобы самому получить митрополичий сан, считая, что у него больше прав на это, чем у Михаила. В ответ, по навету Митяя, московский князь арестовывает непокорного епископа. И только поручительство Сергия освободило Дионисия, но при этом Дмитрий Иванович потребовал от епископа «не ити къ Царюграду безъ моего слова, но ждати до году Митяевы митрополии»²⁰⁹. Оказавшись на свободе, забыв сразу же все свои клятвы и поручительства, Дионисий бежал в Нижний Новгород, затем через Сарай в Константинополь. В этих условиях и Митяй поспешил в Царьград. Великий князь снарядил большое посольство во главе с боярином Юрием Васильевичем Кочевиным-Олешеньским, в которое вошли как светские чиновники, так и три архимандрита: «Иван Петровъскыи, се бысть пръвыи, общему житию начальник на Москве, Пуминъ архимандрит Переяславъскыи, Мартин, архимандрит Коломенъскыи»²¹⁰. «И бысть ихъ полкъ великъ зело»²¹¹.

Полномочия посольства были поистине неограниченными. Великий князь снабдил их несколькими подписанными бланками с печатями «на запась». для достижения цели рекомендовал не жалеть никаких средств, «аще будетъ оскудение, или какова нужда, и надобе занята или тысуща сребра или колико, то се вы буди кабла моя и с печатаю»²¹². Путь посольства пролегал через Рязанскую землю, через Орду. Здесь оно было задержано татарами и доставлено к Мамаю. Остаётся только догадываться, что способствовало тому, что Мамай, находящийся в состоянии войны с Москвой, пропускает её посольство. Скорее всего, щедрые дары и заверения в покорности сделали своё дело. Далее путешествие продолжалось по Чёрному морю, и уже почти у конечной цели, «яко видети Царьградъ», Митяй внезапно разболелся и умер. Случайность, стечение обстоятельств или роковая неожиданность

прервали жизнь достаточно молодого, крепкого здоровьем ставленника Дмитрия. Стоит только догадываться.

Ситуация вновь оказалась критической. Московское посольство должно было не только опередить других претендентов - Киприана и Дионисия, — но и любой ценой добиться постановления Митяя в митрополиты. Смерть - случайная ли, или преднамеренная - внесла сумятицу в действия посольства. Возвратиться домой, не выполнив волю князя, значило уступить другим претендентам, а это сулило большие неприятности со стороны князя. Отправиться вновь за советом в Москву - значит, потерять драгоценное время. Нужно было принимать решение на месте. В составе посольства возможных претендентов было три - три архимандрита: Иоанн, Пимен и Мартениан. Последний из числа претендентов, почему-то сразу же выбыл. Остались двое. «И бысть промежи ими распря и разногласие, ови хотеша Ивана въ митрополиты, а друзии Пимииа. И много думавшс промежи собою и яшася бояре за Пимииа, а Ивана оставиша поругана и отъринуша и»²¹³. Как видим, решающее слово в выборе Пимена оказалось за боярами и в первую очередь, очевидно, за главой посольства Юрием Кочевиним. Архимандрит Иван пытался противодействовать этому решению, причём так активно, что ему «сковаша позе его въ железа, смириша въ оковахъ нозе его, понеже не единомудрствует съ Пиминомъ»²¹⁴.

В руках Пимена оказались все бумаги, выданные Митяю Дмитрием Ивановичем, в том числе и чистые бланки с княжеской печатью. Послы пошли на обыкновенный подлог: они заполнили чистую грамоту, в которой якобы московский князь просил патриарха поставить в митрополиты Пимена. На что рассчитывало посольство, идя на открытый обман? Ведь в Константинополе всем было известно, что русские прибыли именно для утверждения Митяя; скрыть его смерть и тем более похороны тоже невозможно, рассчитывать на доверчивость собора - наивно. Аргументы были одни - деньги, долговые обязательства и т.д.

Положение самой патриархии было достаточно сложным. В июне 1380 года в синоде состоялись выборы нового патриарха. Им стал Нил, а затем синод приступил к решению проблем русской митрополии. Деньги сыграли свою роль, и патриарх Нил утвердил митрополитом Руси Пимена. Другие претенденты в результате сложных дипломатических интриг, подкупов быстро вышли из игры. Дионисий получил титул архиепископа²¹⁵ и на

время счёл благоразумным выйти из игры. Киприан, видя проигрышность своего дела, решил довольствоваться малым - митрополитом «малой Руси и Литвы» - и бежал из Константинополя. «И тако поставилъ есть Ниль патриархъ Пимина митрополитом на Русь»²¹⁶. Константинопольскою патриарха русские послы убедили, теперь оставалось самое сложное - чтобы самозванца-митрополита принял Великий князь. Поэтому Пимен не спешит с возвращением на родину, выясняя реакцию московского правителя. А Дмитрий Иванович, получив известие о смерти своего любимца (о той закулисной игре, подлоге совершённом, прикрываясь его именем), был в страшном гневе. О принятии Пимена не могло быть и речи. Но и митрополия не могла остаться без своего поводыря. Вновь сложная проблема встала перед Дмитрием Ивановичем. Рушились его планы, связанные с Митяем, положение церкви оставалось сложным. И князь решается, казалось бы, на нелогичный шаг. Он приглашает в Москву опального митрополита Киприана. В Киев посылается посольство во главе с Фёдором, племянником Сергия Радонежского, «зовучи его к себе на Москву..»²¹⁷. 23 мая 1381 года в праздник Вознесения митрополит Киприан торжественно въехал в Москву, «князь же великий Дмитрией Иванович прия его съ великою честью и со мною верою и любовию»²¹⁸. Конечно, летописец явно приукрасил это событие («со мною верою и любовию»), но события требовали мирного сосуществования великого князя и митрополита. А через семь месяцев возвратился на Русь и Пимен. Дмитрий Иванович приказал схватить его, отнять у него все знаки митрополичьего отличия и сослал в ссылку в далёкую Чухлому, а сопровождавшее его посольство строго наказал за непослушание: «у одних конфисковал имении, других сослал в ссылку, иных посадил в тюрьму и поверг телесному наказанию, а некоторых предал и смертной казни»²¹⁹. Конфликт церкви и светской власти, казалось бы, закончился.

Мы уделили так много места и внимания «смуте в митрополии», сознательно отойдя на время от предложенной нами же схемы - погодному описанию событий, чтобы в едином отрывке аккумулировать весь сгусток событий, всю драматичность происходящего. Это несколько не увело нас от основной темы. Наоборот, нам представляется, что бытия, предшествующие смерти Алексия, и последующие за этим проблемы руководства русской церкви вытекали из страстного желания князя влиять на церковную жизнь, подчинить её княжеской, светской власти. В тех усло-

виях задача архисложная. Постепенно освобождаясь от опеки старой боярской знати, Дмитриий стремился вырваться из подчинения своего духовного учителя Алексия. И если во взаимоотношениях с учителем-митрополитом Алексием дело решил Бог, взяв поводья к себе, то последующие события трактовать однозначно сложно. Победа или поражение князя во взаимоотношениях с церковью? Оценку давать не будем. Главное, что события показали силу Великого князя, его способность решать проблемы православной церкви всея Руси. А это сказалось на решении вопросов внутривосточной жизни, тем более что проблем было множество. Поэтому возвратимся вновь к решению государственных задач, стоящих перед московским князем.

Мы уже упоминали, что после смерти Ольгерда в Литве вспыхивает конфликт между его многочисленными сыновьями. Причиной явилось назначение своим преемником Ягайло, сына от второго брака. Старшие братья, считая себя ущемлёнными и имевшими больше прав, не желали подчиняться Ягайло. Русские летописи очень скупо говоря о развернувшихся событиях, хотя для внешней политики Московского княжества дела, происходившие в Литве, имели наиважнейшее значение. Раздоры в клане Ольгердовичей привели к тому, что Литовское княжество, занятое внутренними проблемами, на время перестаёт быть одним из главных врагов Руси. Более того, некоторые из Ольгердовичей ищут защиту у московского князя, становятся его союзниками. Так, «князь полоцкий Андрей, Олгердов сын, зимою прибеже во Псков и ела к великому князю Дмитрию Ивановичу, прося, да сохранит его от братии его, иже хотяху убити. Князь же великий не помня досады отца его, но призва к себе в Володимер и воздаде ему честь многу»²²⁰. Андрей Ольгердович, старший из сыновей Ольгерда, свыше 30 лет был полоцким князем, подручником отца, в результате конфликта вынужден был покинуть свою вотчину и бежать в Псков, где готов был стать псковским князем. Псковичи вроде и не возражали, но необходимо было утверждение Андрея Ольгердовича московским князем. Переход Андрея под начало Дмитрия Ивановича значительно укреплял позиции Москвы в отношении с Литвой.

А отношения с Ордой всё больше накалялись. Летом этого года подвергся новому нападению Нижний Новгород одним из отрядов татар. Защитить город оказалось некому, жители разбежались, сам князь Дмитрий находился в Городце, а когда он приехал к го-

роду и предложил выкуп, то татары отказались и пожгли весь город и «оттуда поидоша татарове воюющий, и собраша полон мног и повоеваша Березовое поле и уезд весь»²²¹.

Но главный удар Мамай готовил не на этом направлении. Собрал большие силы, «воя много», под командованием мурзы Бегича, основной удар предполагалось сделать по Москве, а вместе с этим «и на всю землю русскую», так как в сознании Орды уже укрепился тот факт, что Москва становится основным оплотом, защитницей русских земель. Дмитрий Иванович этот поход предвидел, ожидал и был готов дать решительный отпор. Мы не знаем ни сил противоборствующих сторон, ни то, кто вошёл в состав московского войска, «собрать воя многы и поиде противу в силе тяжце»²²². Помня о событиях предшествующих лет, когда объединённая московская коалиция представляла мощную силу, можно предполагать, что в состав объединённого войска вошли многие из союзников Великого князя. Хотя летопись упоминает Данилея Пронского да окольников Тимофея, можно предполагать, что в её состав входили и другие князья.

Примечателен тот факт, что Дмитрий Иванович не стал ждать Бегича на границах московского княжества, а предпринял наступательный план, встретив врага на реке Воже в пределах Рязанского княжества, спасая тем самым и его от разорения. Река Вожа стала своеобразным Рубиконом, который долго не решались преодолеть соперники. Дмитрия понять можно. Он оборонял русскую землю. А Бегич медлил, очевидно, потому, что не ожидал увидеть перед собой такую рать. 18 августа 1378 года Бегич рискнул переправиться через реку и встретил решительный отпор. Русские расположились тремя большими полками: в центре - под руководством самого Дмитрия, на одном фланге - окольниковый Тимофей, на другом - Данилей Пронский. Вероятно, «завязнув» в сражении с отрядом Дмитрия, войско Бегича подверглось сокрушительному удару с флангов. Разгром был полным, «и побегоша за реку за Вожу, а наши после за ними бьючи ихъ, секучи и колючи и убиваша ихъ множество, а инии въ реце истопоша»²²³.

Лишь только наступившая ночь помешала преследованию поверженных татар. А когда на следующий день была возобновлена погоня, то русские увидели покинутый лагерь с брошенным имуществом, а остатки войска Бегича уже убежали далеко прочь.

Русь ликовала, ибо это была по существу крупнейшая победа, одержанная доселе над татарами. О её масштабах говорит хотя бы

тот факт, что в битве погибло пять Мамаевых князей. «Видев же Мамай изнеможение дружины своея, прибегшие къ нему, а инья избиты и вельможи и алпауты и многыя воя своя изгибша, разгнсвася зело и възъярися злобою»²²⁴. Мамай понимал, что победа над Ордой была одержана только силой объединённого русского оружия, Русь стала сильна в единстве русских князей. Чтобы победить Русь, нужно сначала разрушить это единство. Осенью этого же года, «собравъ останочную силу свою и совокупивъ воя многы»²²⁵, он наносит неожиданный и сокрушительный удар по Рязанскому княжеству. Не ожидавший удара рязанский князь Олег вместо обороны города убежал за Оку, обрекая тем самым город на разорение. Мамай сжёг Переяславль Рязанский, пограбил волости и сёла, увёл в полон много рязанцев. Это была своеобразная попытка вывести из союза с московским князем рязанского, как перед этим нижегородского. Решающая битва была впереди, и к ней необходимо было тщательно подготовиться.

В ЛЕТО 6887 (1379 г.). Битва на реке Воже имела во многом определяющее значение. Для русских это реабилитация за 1377 год, за Пьяну; она дала возможность поверить в свои силы, в способность и возможность победы над ордынцами. Мамай вынес главный урок: теперь вот так, «изгоном», победить объединённые русские войска невозможно, нужна тщательная и всесторонняя подготовка нового похода, который бы раз - и навсегда покончил с московским князем. Он направил несколько отрядов, которые «Рязаньскую землю пусту сотвориша»²²⁶, всё прекрасно понимали, что решающее сражение впереди. И обе стороны к этому обстоятельству готовились. 1379 год, хотя об этом и молчат источники, был годом усиленной дипломатической деятельности.

Среди своих потенциальных союзников Мамай видел Литву. После смерти Ольгерда положение там обострилось. Страна оказалась расколотовой на две враждующие группировки: трокайскую во главе с Кейстутом Гедеминовичем и виленскую, возглавляемую его племянником, преемником Ольгерда, Ягайло. Противоречия вылились в открытую и длительную войну. Важно было определить выбор средств, которые могли бы содействовать укреплению международного положения великого княжества Литовского. Здесь было два пути: победоносная война с Орденом или усиление Ольгердовой политики на Востоке. Москва была опасна для обеих группировок, так как ликвидация контроля над

русскими землями, входящими в состав княжества либо находящимися в его зависимости, значительно снижала военный потенциал воюющих сторон. Видя желание Мамаю установить союзнические отношения для борьбы с Москвой, лидеры группировок при наличии разногласий между ними предприняли шаги к прекращению войны с Орденом, чтобы сконцентрировать всё своё внимание на восточном походе. В 1379 году между Мамаем и Ягайло заключается соглашение о совместных действиях на следующий год. Договор оказался тройственным, так как третьим в нём был рязанский князь Олег Иванович. «И учини себе старый злодей Мамай съветъ нечестивый с поганою Литвою и съ душегубивымъ Олгомъ: стати имъ у Оки у реки на Семень день на благовернаго князя»²²⁷.

Если участие в союзе Ягайло и Мамаю представляется объяснимым, то по поводу Олега и в источниках того времени, и в историографии существуют разные точки зрения: от предателя общерусских интересов («душегубец, враг и изменник» и т.п.) до признания в нём тайного агента Дмитрия Ивановича. Проясним сразу свою позицию в отношении действий Олега Ивановича Рязанского. Издалека столетий, наверное, легко давать оценку человеку, взяв за объяснение одно или комплекс его действий. А оказаться в его положении, смоделировать поступки, исходя из реальности, и поставить себя на место данного человека («А как бы я поступил в данной ситуации?») значительно сложнее. Разорённое ордынскими набегами Рязанское княжество в случае союза с Москвой принимало первым на себя удар мамаевых полчищ, и защиты от них, надежды на скорую помощь практически не было. Уже одно это заставляло вести Олега сложную дипломатическую игру. Нужен был если не союз, то хоть видимость союза с Мамаем, необходимо было заставить хана поверить в искренность своих действий. Открыто заявить о союзе с Ордой - это означало предстать не только предателем общерусских интересов, но и в открытую пойти против православного мира, что было значительно опаснее. Вот почему такая «туманность» в источниках об Олеге. С другой стороны Олег - человек своего времени, со своим пониманием чувства долга, союзнической верности. Всё же занозой в его сердце было превосходство Москвы над Рязанью, не мог просто так он смириться со своей подчинённостью Дмитрию Ивановичу. Поэтому он не мог отбросить мысль, что в случае победы Орды он, как союзник, мог получить свою выгоду и устра-

нить своего основного политического противника Дмитрия Ивановича.

Как нельзя лучше подобные мысли Олега изложены в «Сказании о Мамаевом побоище», и не столь важно - выдумка это автора или нет, важно что и современники так же оценивали позицию рязанского князя: «А другаго же посла скоро своего вестника князь Олегъ Резанскый с своимъ написаемъ, написание же таково в грамотах: «К Великому князю Олгорду Литовьскому - радоватися великою радостию! Ведомо бо, яко издавна еси мыслиль на великого князя Дмитрия Ивановича Московскаго, чтобы его згонити с Москвы, а самому владети Москвою. Ныне же, княже, приспе время наше, яко великий царь Мамай грядеть на него и на землю его. Ныне же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, вем бо, яко царь даст тебе град Москву, да и иные грады, которые от твоего княжения, а мне даст град Коломну, да Владимирь, да Муромь, иже от моего княжения близъ стоять. Азь же послах своего посла къ царю Мамаю с великою честью и съ многими дары. Еще же и ты пошли своего посла и каковы имаши дары и то пошли к нему и грамоты свои списавъ, елико самъ веси, паче мене разумевши»²²⁸. Мог вынашивать подобные планы Олег, мог рассчитывать на такой раздел московского «пирога»? Вполне. Всё это и объясняет дальнейшие действия Олега по принципу «и вашим и нашим». С точки зрения Дмитрия Ивановича, нужен был ему Олег Рязанский как союзник? Что за вопрос? Но какой? Открытый, официальный? Это невозможно в силу причин, изложенных выше. Стало быть, более полезным мог быть такой союзник, который па словах является участником коалиции хана, а на деле - тайным агентом Дмитрия Ивановича. И такая линия развития просматривается при анализе дальнейших событий. Впрочем, вернёмся к Литве.

В сентябре 1379 года между Кейстутом и Орденом было заключено перемирие на 10 лет между частью земель Ордена и частью владений трокайского правителя²²⁹. А в мае 1380 года Ягайло заключил тайный договор с Орденом, по которому в случае военного столкновения Кейстута и Ордена Ягайло обязывался не оказывать ему помощь в борьбе с крестоносцами²³⁰. Это имело далеко идущие последствия. С одной стороны, он развязывал руки Ягайло для похода на Москву, так как Кейстут вынужден был держать свои войска для отражения возможного вторжения войск Ордена; а с другой, ослаблял военную мощь Литвы, лишаясь уча-

ствия сил трокайской группировки²³¹. Важен ещё тот факт, что на сторону Москвы перешёл Андрей Ольгердович, ставший псковским князем и пользующийся большой популярностью и поддержкой поломан, чьим князем он был свыше 30 лет. Этим объясняется участие в Куликовской битве псковичей и полочан. Литва стремилась укрепить свои позиции в Новгороде. Зимой 1379-80 гг. в Новгород прибывает литовский князь Юрий Нариманович²³², в результате чего произошло «розмирье» между Новгородом и Москвой.

Лишаться такого союзника, как Новгород, Москве было совершенно ни к чему. И Дмитрий Иванович решается на очень дерзкий военный поход русских войск зимой 1379 года на территорию Литвы. Возглавляли его Владимир Андреевич, Андрей Ольгердович и Дмитрий Михайлович Волынский-три военачальника, внесшие потом важнейший вклад в победу на Куликовом поле. «Собрав воя многи», куда вошли не только московские дружины, но и литовские воины, псковско-полоцкие дружины, они совершили глубокий рейд по юго-восточной окраине Великого княжества Литовского, захватив города Трубчевск, Стародуб «и иныя многи страны и власти повоеваша»²³³. Примечательно, что князь трубчевский Дмитрий Ольгердович, брат Андрея, добровольно сдал город, перейдя на сторону Московского князя, и «прииде на Москву въ рядъ къ великому князю Дмитрею Ивановичю, иурядися у него въ рядъ и крепость взя. Князь великий же давъ ему крепость и рядъ, и приа его съ честию великою и со многою любовию, и даде ему градъ Переславль и со всеми пошлинами»²³⁴. Брянские земли отходили, очевидно, под протекторат Москвы, а перевод Дмитрия Ольгердовича «по ряду» в Переяславль был важен тем, что такого опытного князя выгоднее было держать под боком, под присмотром, нежели на зыбких границах княжества. Остается рассмотреть цели этого зимнего похода. Вторжение в Юго-Восточные земли Литовского княжества преследовало попытку создания, пусть зыбкого, но плацдарма Москвы в данном регионе, создание своеобразной буферной зоны между Литвой и Ордой, возможное препятствие или по крайней мере осложнение продвижения войск Ягайло на встречу с Мамаем. Данный поход явился предупреждением Новгороду, следствием чего уже в марте 1380 года в Москву прибывает большое посольство во главе с архиепископом Алексеем о восстановлении мира. Дмитрий Иванович принял посольство и «крестъ целоваль на всей старине ново-

годцом и на старых грамотах»²³⁵. Неизвестно только, остался ли в Новгороде Юрий Нариманович, но в результате данных переговоров Новгород занял скорее нейтральную позицию и по отношению к Руси, и по отношению к Литве.

Итак, союзниками Мамаю были Литва (виленская группировка Ягайло) и Рязань. Действия каждого из них разберём подробнее ниже. Также, не надеясь только на собственные силы, Мамай широко привлёк и наёмников. «И глаголаше ему, утешающе его, советници его: «видиши ли, великий княже, паче же великий царю, Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но имаши богатства и имени безъ числа, много, да наимствовавъ Фрязы, Черкасы, Ясы и другиа къ симъ да воинства собереша много...»²³⁶, т.е. в состав его войска вошли наёмники из Поволжья, Крыма, Кавказа.

Ну а что же коалиция Москвы? С ней мы подробнее разберёмся, анализируя поэтапно ход событий 1380 года. Важно только заметить, коль летопись не упоминает об очередном съезде Северо-Восточных князей, значит, практически все, входившие в конфедерацию московского князя, готовились к решающему сражению, ожидая только приказа к выступлению. Иначе трудно объяснить ту скорость, с которой собрались отряды даже из отдалённых районов Руси по первому зову великого князя.

В ЛЕТО 6888 (1380 г.). «Повесть полезна бывшаго чюдеси, егда помощию Божию и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодник Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита всея Руси, и преподобпа-го игумена Сергия чюдотворца и всехъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрий Ивановичъ, з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, съ княземъ Володимеромъ Андрсевичемъ й со всеми князи Русскими на Дону посрами и прогна Воложския орды гордаго князя Мамаю и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби»²³⁷ - так начинается автор Никоновской летописи своё повествование о величайшем сражении XIV века. Цели Мамаю были предельно ясны. Он мечтал видеть себя вторым Батыем и «всю землю Русскую пленити»²³⁸. Грандиозные планы даже притупили чувство бдительности, осторожности и скрытости. Поход подготавливался основательно, но в то же время не спеша и без необходимости в таких случаях тайны.

В Золотой Орде было много «глаз» Дмитрия Ивановича, которые задолго до начала кампании посвящали его в действия Мамаю. Так что о начале похода московский князь знал далеко зара-

нее. Возможно, Мамай успокоило послание Олега Ивановича о том, что «князь Дмитрей человекъ христианъ: егда услышитъ имя ярости твоя, отбежитъ въ далныя места, или въ великий Новъгородъ, или на Двину, и тогда богатство Московское все во твоей руне будетъ»²³⁹, но всё же главное заключалось в том, что лето должно быть посвящено сбору войск, как с самой Золотой Орды, так и наёмников. Именно поэтому сбор всех сил союзников был определён на «Семёнов день» - 1 сентября. Переправясь через Волгу, Мамай расположил свои войска в устье реки Воронеж, собирая подходившие отряды и ожидая союзников. Уверенность в победе была столь велика, что он приказал всем татарам: «Да не пашете ни единъ васъ хлеба, будите готовы на русскыя хлебы!»²⁴⁰, надеясь осенью собрать богатую добычу. Между тем в Москву поступали донесения о действиях Мамай. Послал вестъ и Олег: «Мамай идет съ всею своимъ царствомъ в мою землю Рязанскую на мене и на тебе, а и то ти сведомо буди - и литовский идет на тебя Ягайло съ всею силою своею»²⁴¹. Незавидная, двуличная позиция Олега Рязанского сказывается хотя бы и здесь.

Известие о выступлении Мамай пришло в Москву где-то в конце июля - начале августа²⁴², и во все уголки русских княжеств, «яже подъ нимъ беху князи местнымъ»²⁴³, были посланы гонцы с грамотами с призывом явиться с войсками для отпора ордынцам. Персонально было направлено приглашение Михаилу Александровичу Тверскому, но тот нашёл отговорку и направил вместо себя своего племянника Ивана Всеволодовича Холмского со своим войском. Вскоре в Москву прибыл князь Владимир Андреевич, находившийся в это время в своей вотчине в Боровце, и деятельно взялся за организацию сбора русского войска. Он отправился в Городец и вскоре привёл в Москву городецкие войска. Одновременно были посланы гонцы к Андрею и Дмитрию Ольгердовичам, и те обещали скоро подойти.

Неожиданно стали поступать сообщения о продвижении Мамай к Москве. Войска ещё не были собраны, сил для сопротивления было ещё явно недостаточно, и Дмитрий Иванович отдаёт приказ срочно укрепляться и готовиться к осаде городам Москве, Коломне, Серпухову. Одновременно с этим Великий князь отправил гонцов в Новгород и Псков, чтобы явились военные отряды в общерусское войско. Псковичи сразу откликнулись на этот призыв, а новгородцы заняли выжидательную позицию, и в конце концов лишь незначительные силы новгородцев прибыли в Москву.

А тем временем в Москву нагрянуло посольство Мамаю. Гордо и чванливо вели себя ордынские послы. Чувствуя за собой силу, они потребовали от Дмитрия выплаты дани в таком размере, что платили русские князья при Джанибеке, а не по размерам, установленным договором между Дмитрием и Мамаем. Дмитрий Иванович готов был расплатиться, исходя из условий договора, на что послы не соглашались. Ясно было, что не размеры дани волновали послов, сколько «прощупывание» ситуации, выяснение состояния Московского князя, его боеготовности. Дмитрий Иванович щедро одарил послов и с ними послал своё посольство во главе с Захаром Тютчевым²⁴⁴ с богатыми подарками к хану Мамаю с просьбой не разорять русскую землю и готовностью платить дань «по ряду». Захар, дойдя до земли Рязанской, узнал о тайном сговоре Олега и Ягаило и скрытно послал вестника к Великому князю. Дмитрий Иванович вместе с Владимиром Андреевичем и князьями и боярами был на пиру у Николая Васильевича Тысяцкого. Когда явился гонец от Тютчева, стало ясно, что откупиться невозможно и решительного сражения не избежать. Здесь же было решено готовиться к сражению, и был послан сторожевой отряд под командованием Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика²⁴⁵, «Сказание о Мамаевом побоище» называет ещё Якова Ослябятёва²⁴⁶. Перед ними была поставлена задача «подь Орду ехати языка добывати, и истинну уведети Мамаева хотения»²⁴⁷. Вновь по всей русской земле разнеслись гонцы с грамотами, созывающими русские войска. Сбор был назначен в Коломне на Успение Святой Богородицы, т.е. 15 августа. Выбор этого города не случаен. Он являлся долгое время важным стратегическим пунктом московского княжества на южном направлении и, как любая подобная крепость, содержал необходимое количество провианта и фуража.

В Москву всё прибывали и прибывали вооружённые отряды. Одними из первых пришли белозёрские войска. Из самого отдалённого княжества привели своих ратников князья Фёдор Семёнович и Семён Михайлович, а с ними их удельные князья Андрей Кемский, Глеб Каргаиольский, Андомскис князья. Подоспели ярославские князья: Андрей Ярославский, Роман Прозоровский и Лев Курбский со своими силами. Прибыли Иван Всеволодович Холмский и Дмитрий Ростовский. Устюжские князья «и инии мнози князи и воеводы со многими силами»²⁴⁸. Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич были до предела заняты организацией

общерусского войска. Волновало лишь отсутствие известий от посланного сторожевого отряда. Пришлось снаряжать «вторую сторожу» во главе с Климентом Поляниным, Иваном Святослави-чем Свесланиным и Григорием Судаком с наказом скорейшего возвращения с вестями. По дороге они встретили возвращающийся отряд Василия Тупика со сведениями и «языком», «царева двора, сановитый муж»²⁴⁹. От него узнали, что Мамай неотвратно надвигается на Русь, но не спешит, ждёт осени, когда созреет урожай, и ожидает присоединения Олега и Ягайло.

Необходимо было поспешать, чтобы перехватить инициативу из рук противника. Летописи приводят нам любопытные данные, что перед началом похода Дмитрий Иванович отправился в Радонеж за благословением к преподобному Сергию Радонежскому*. Имело ли это большое значение для князя? Ведь в последнее время отношения между ними из-за того, что Сергей категорически выступил против Митяя, были далеко не самыми лучшими. Но здесь дело касалось не личного. Сергей уже тогда стал символом святости, Верховным носителем православного русского духа, и его благословение нужно было через князя всему русскому войску для укрепления веры в правоте дела, для жертвенности во имя Подвига. Вот почему, поручив заботу о войске Владимиру Андреевичу, Дмитрий с небольшим окружением 18 августа прискакал в Троицкий монастырь.

Был воскресный день. Князь вместе с прихожанами участвовал в литургии в честь памяти святых мучеников Флора и Лавра. После его окончания Сергей просил Великого князя откусать хлеба в доме Живоначальной Троицы. И как не спешил князь, доводы Сергия были сильнее: «Се ти замедление сугубо ти поспешение будеть. Не уже бо ти, господине, еще венець сиа победы носити, нь по минувших летех, а иным убо многим ныне венци плетуться»²⁵⁰. Акцентируем внимание ещё раз на этом: «...это твоё про-

---

* В исторической литературе неоднократно высказывалась мысль о выдуманности участия Сергия в Куликовских событиях и о поездке к нему князя. Наиболее веско эту точку зрения отстаивает В.Л.Кучкин. В данной работе мы не беремся подвергать сомнению сообщения летописей. В сознании людей, особенно сегодня, имена Сергия Радонежского и Дмитрия Донского так слились воедино, что как бы не переписывалась история, какие бы идеологические ветры не дули, какие бы появлялись бы новые источники, доказывающие невозможность поездки Дмитрия в Радонеж накануне битвы, все же в людской памяти это событие останется духовным памятником великого свершения двух великих людей России.

медление двойным для тебя поспешением обернётся. Ибо не сейчас ещё, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уже венцы плетутся»²⁵¹. Заканчивалась трапеза. Сергей окропил Дмитрия Ивановича и его окружение священной водой с мощей святых мучеников Флора и Лавра и, осенив Великого князя крестом, благословил на ратный подвиг. «Пойди, господине, на поганья половци, призывая Бога, и Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ»²⁵². Затем тихо, чтобы только слышал князь, предрёк: «Победишь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш»²⁵³. Можно себе представить, как воодушевился князь, как расправились его плечи. Одно дело идти в неизвестное, другое - на трудное, смертельное дело, но с уверенностью в победе. Дмитрий Иванович обратился с просьбой к святому Отцу отпустить вместе с ним в поход двух иноков, Пересвета и Ослябю, известных по их мирской жизни как храбрых воинов, но главное «полки умеюща рядити»²⁵⁴, то есть опытных военачальников, столь необходимых ему сейчас для организации войска. Старец велел им быстро собираться, но они уже были готовы, так как видели в предстоящем сражении не только столкновение военных ратей, но и защиту православной веры от иноверцев. Вот почему в бою они выступили и как воины, и как схимники одновременно, такими и остались в нашей памяти.

Получив благословение блаженного старца, окрылённый Дмитрий Иванович возвратился в Москву. Здесь предстоял последний акт духовного причащения и благословения. В Соборной церкви состоялось торжественное богослужение. Долго молился Дмитрий перед главной реликвией русской церкви, иконой пречистой Богородицы, «юже Лука Евангелист написа»²⁵⁵, а проще - известной как Владимирская Богоматерь. Много раз защищала она Русь, настало и сегодня её время. Затем Дмитрий преклонил колени перед гробом митрополита Петра, моля его о помощи. Князь Великий напоследок зашёл в Архангельский собор и у гробов своих родителей простился и благословился. Выйдя из церкви, вскочил на коня и отдал приказ о выступлении из Москвы на Коломну. При выходе из города, по обычаю, отвесили троекратный поклон оставшимся в городе. А на крепостных стенах их провожали жёны, матери, сестры, дети, немногие оставшиеся воины. «Княгини

же великая Евдокея, и княгини Владимирова Мариа и иных право-славных князей княгини и многыя жены воеводския и боярыни московския, и служима жены ту стояще, проводы деючи, въ слезахъ и въсклицании сердечнем не могуще ни слова изрещи»²⁵⁶, понимая, что многих воинов видят в последний раз.

Из Москвы войско выступило тремя колоннами по трём дорогам, ведущим в Коломну. И дело, наверное, не только в том, что «яко же вместится единою дорогою»²⁵⁷, ведь в дальнейшем, двигаясь к Коломне, войска соединились вместе, сколько уже в этом походе отработывались некие стратегические планы, предусматривающие возможное нападение с флангов ратей Олега и Ягаило. Сам князь великий пошёл по Серпуховской дороге, по дороге на Брашево двигались войска Владимира Андреевича, а белозёрские князья - Болваковскою дорогою. Встретились все на переправе через Москву-реку у Боровского перевоза²⁵⁸. Расстояние до Коломны, равное около ста километрам, войска, обременённые обозами, преодолели примерно за 4-5 дней.

Великого князя уже ожидали. Архиепископ Коломенский Геронтий (по «Сказанию о Мамаевом побоище») или епископ Герасим (по Никоновской летописи) вместе с клиром, со святыми иконами, со всем собравшимся в Коломне войском встретил Дмитрия Ивановича у городских ворот. Назавтра, в воскресенье 28 августа, был назначен общевойсковой смотр. Материалы, дошедшие до нашего времени, дают ценнейшую информацию и о составе войска, принципах формирования полков, организационного членения войска и многое другое.

Прежде всего, это было конфедеративное войско. Принцип его формирования был следующим. Каждый князь, входящий в московскую коалицию, собирал воинов из сёл, волостей, удельных княжеств, вассальных ему, причём помимо профессионального воинства - дружинников, включалось «мнози людие и купци со всехъ земель и градовъ»²⁵⁹, т.е. ополчение. Главная задача смотра в Коломне состояла в том, чтобы из этих разрозненных, по-разному подготовленных и экипированных отрядов создать единые полки, в которых бы не различались ярослав-цы или ростовчане, белозерцы или москвичи. Другая задача: во главе этих полков поставить самых опытных полководцев, не беря во внимание их родословную, может быть где-то смирить амбиции князей, подчинить всё одной цели, превратить каждый полк в мобильную дисциплинированную единицу. Очень интересно видится и орга-

низационное членение войска. В Коломне оно было поделено на 4 полка²⁶⁰. В большой полк под командование Дмитрия Ивановича вошли белозёрские полки «бе бо удалы зело и мужествени». «Полк правой руки» возглавил Владимир Андреевич - в него вошли ярославские князья и воеводы Данило Белоус, Константин Кананович, князья Фёдор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский. «Полком левой руки» командовал Глеб Брянский. Передовой полк «уряди» смоленским князьям Дмитрию и Владимиру Всеволодовичам, в него же вошли коломенский воевода Микула Васильевич, владимирский и юрьевский воевода Тимофей Волуевич, костромской воевода Иван Родионович Квашня, переяславский воевода Андрей Серкизович²⁶¹. А.Н.Кирпичников убедительно доказал присутствие на коломенском смотре и новгородских войск, которые не отмечены в источниках. Их он поместил в полк левой руки²⁶². Необходимо отметить, что такая разбивка на полки носила пока временный характер, походный; по мере вливания новых сил происходила перегруппировка, но важно, что сформировался костяк будущего войска, готового теперь отразить удар врага и во время марша, и в открытом бою.

Судить о численности собравшихся в Коломне русских войск очень сложно. Оставим лишь пока сообщение «Летописной повести о Куликовской битве»: «И прииде на Коломну, събра вой своих 100 тысяч и 100, опроче князей и воевод местных. И от начала миру не бывала такова сила рускаа князей русских, яко же при семь князи беаше. А всее силы и всехъ рати числомъ с полтора тысящ или двесте»²⁶³ - без какого-либо комментария. Действительно только, что такой военной силы Русь ещё не собирала.

После смотра в Коломне русское войско направилось вдоль Оки и остановилось для переправы в устье реки Лопасты. Ока была границей Московского княжества с Рязанским. Можно поджидать врага на рубежах своей земли и попытаться не пропустить его на русскую землю. Разведчики доносили, что Мамай в это время кочует где-то в районе реки Красивой Мечи, вне границ Рязанского княжества; Лгаило двигался на встречу с Мамаем и был где-то около города Одоева; Олег Иванович без движения находится у Переяславля Рязанского. А можно было перехватить инициативу у соперника и быстрым маршем пройти к Дону, опередить союзников, предотвратить их соединение и нанести сокрушительное поражение не ожидающему войску Мамаю.

Кстати, о союзниках Мамаю. По всему видно, что Олег не спе-

шит на соединение. За то время, что ордынские войска кочуют в верховьях Дона, можно было бы соединиться несколько раз. Численность войска Олега была невелика, и при желании Дмитрий Иванович мог из Коломны направить несколько отрядов на Рязань (на этот переход потребовалось бы 2-3 дня) и разгромить своего противника. Он этого не сделал. Более того, избрав местом переправы через Оку не району Коломны, а продвинувшись вверх до устья реки Лопасни, он дал понять, что рейд по Рязанскому княжеству, который неминуемо привёл бы к разорению местности, не входил в его план. Дмитрий Иванович избрал маршрут не через центральные районы Рязанского княжества, а по его юго-западной окраине, при этом предупредив всё своё войско «аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничему же коснется, и ничтоже возьмет у кого, и ни единому власу коснется»²⁶⁴. Это ли не доказательство соблюдения тайного союзного договора? По всему видно, что и Ягайло не особенно торопился. Сказывалась ли та ситуация, что в его войске большинство было православных из подчинённых русских земель? И одно дело воевать с Москвой один на один, или же на стороне ордынцев, против своих же православных. А с другой стороны, интересную позицию занимают союзники Дмитрия Ивановича — Андрей и Дмитрий Олыердовичи. Мы их пока не видим в общерусском войске, хотя знаем об их союзническом долге и желании воевать против Ягайло. Мы помним о том Брянском плацдарме, отвоёванном в 1379 году. До поры до времени Андрей и Дмитрий Олыердовичи играют роль буфера. Они не идут на соединение к Лопасне, а какое-то время поднимаются по Оке вверх, затем, переправившись, идут параллельно с Ягайло всё время держа его передвижение в поле зрения, мешая соединиться с Олегом, направляя к Мамаю более дальней дорогой. Видится, что в том, что Ягайло не успел на Куликово поле, есть заслуга и Олыердовичей.

Во время переправы через Лопасню к войску Дмитрия Ивановича присоединился московский тысяцкий Тимофей Васильевич, который привёл из Москвы воинов, опоздавших на сбор. Рати всё подходили. Дмитрий печалился, что за ускоренным маршем не поспевает пехота, и оставил на переправе Тимофея Васильевича с наказом нагонять его. Ситуация заставляла спешить.

1 сентября²⁶⁵ войска Дмитрия Ивановича подошли к местечку Березуй, примерно в 30 км от устья Дона. Здесь состоялась встреча общерусских войск с псковскими и полоцкими ратями Андрея

Ольгердовича и брянскими Дмитрия Ольгердовича. Сейчас же Дмитрием Ивановичем была послана новая разведка под командованием воеводы Семёна Мелика, «да видятся с стражи татарскими и подадут скоро весть»²⁶⁶. Разведка достигла Дона, и здесь два воина - Пётр Горский и Карп Александрович - захватили в плен знатного ордынца «отъ сановитыхъ ца-ревыхъ»²⁶⁷. От него узнали, что Мамай уже находится в районе Кузьминой Гати, передвигается не торопясь, поджидая Ягайло и Олега, а о Дмитрие не имеет никаких вестей, руководствуясь сведениями, получаемыми им от Олега. Мамай дня через три должен быть на Дону, и на вопрос великого князя о численности его войска сказал: «Неисчетно многое множество вьинства его силы, никому же мощно исчести»²⁶⁸.

Вновь Дмитрий Иванович созывает военный совет. В памяти летописцев запечатлелась лишь только часть обсуждаемых проблем: где принять бой? Стоит или нет переправляться через Дон? Всем было понятно, что надо поспешать. И приводимые в летописях аргументы в пользу того, что лучше встретить врага на этой стороне Дона, не переправляясь, скорее, более поздняя выдумка. Иначе зачем тогда было углубляться в степь, переходить Оку. Важно было опередить противника, занять место, более выгодное для себя, и втянуть соперника в бой, пока не подоспели литовские рати. Поэтому вопрос стоял однозначно: битва па той стороне Дона, и, аргументируя это, Дмитрий Иванович произнёс пламенную речь: «...братиа, лучши есть честна смерть злаго живота; лутчи было не ити противу безбожныхъ сихъ, неже, пришедъ и ничтоже сотворивъ, возвратитися вспять; преидемъ убо ныне въ сий день за Дон вси и тамо положимъ главы своя вси за свята церкви и за православную веру и за братью нашу, за христианство»²⁶⁹. Как это созвучно со словами его далёкого пращура Святослава Игоревича!

Речь Дмитрия Ивановича подвела итог спорам: строить мосты и переправляться через Дон. Очевидно, на совете решался и главный вопрос, о месте боя. Разведка достаточно хорошо изучила прилегающую местность и лучше Куликова поля, лежащего в водоразделах рек Непрядвы, Смолки, Нижнего Дубяка, трудно было что-то придумать. Для русского войска важно было, чтобы местность была защищена с флангов естественными преградами, мешающими охват ордынской конницы противника с флангов. А это поле подходило как нельзя лучше: реки и дубравы с флангов при-

крывают войска, тыл защищает река Непрядва. По сообщению тех же разведчиков, стало известно, что Мамай покинул район Красивой Мечи и движется в сторону Куликова поля. Осталось только заманить его туда, не дать разгадать свой стратегический план.

7 сентября русские войска стали переправляться черед Дон²⁷⁰, разрушая за собой мосты с единственной мыслью: либо победить, либо всем погибнуть. Перед переправой была проведена генеральная репетиция построения русских войск перед предстоящей битвой. Был определён боевой порядок, заметно отличающийся от походного. А уже в самый канун битвы была осуществлена ещё некая коррекция сил и выработаны детали предстоящего сражения. Руководил этой операцией один из самых опытных военачальников Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, «еще же устрой той воевода Дмитрей и полки»²⁷¹. Это подтверждает и «Сказание о Мамаевом побоище»: «Дмитрей Боброк-Волынский, родом Волынский, иже нарочитый бысть полководец, велми уставиша плъци по достоинию, елико где кому подобаетъ стояти»²⁷².

основу построения легло традиционное в то время членение войска на центр и фланги. Боброк ввёл новшества, исходя из топографии местности, из разведанных данных о силах противников. Всё русское войско было разделено на разновеликие полки, включавшие в себя несколько отрядов, состоящих либо из конницы или пехоты, под руководством своих командиров. Каждый полк и отряд имел знаки отличия в виде стягов. Они показывали местоположение отряда и его передвижения. Всё должно было подчинено единым тактическим правилам, исходя из особенностей складывающегося боя. К сожалению, источники очень слабо освещают вопрос о том, какие князья в каких полках сражались. Да и так ли это сейчас существенно. Ведь добрым словом надо помянуть и тех, кто пал в первом столкновении, кто не выдержал мощного штурма и кто переломил исход битвы. Перед историей все равновелики, потому что делали общее дело. Не было ни одного, кто струсил, проявил робость и бежал с поля боя, бросив соратников. Поэтому так ли уж важны имена? Ну а тех, кого всё же история выделила, о них разговор особый.

Основу русского войска составил Большой полк, куда вошли прежде всего владимирские и суздальские отряды²⁷³. Здесь была фгавка Дмитрия Ивановича, в центре которой развивалось великокняжеское красное (чермное) знамя с изображением Неруко-

творного Спаса. Великий князь взял на себя управление всем войском во время битвы. А для командования Большим полком и себе в помощь назначил боярина и воеводу Михаила Андреевича Бренка, боярина и воеводу Ивана Родионовича Квашню и князя Ивана Васильевича Смоленского²⁷⁴. На флангах располагались полки Правой илевой руки.

Полклевой руки состоял в основном из белозерских и ярославских отрядов²⁷⁵, возглавляемых князьями Фёдором и Иваном Романовичами Белозерскими, Василием Васильевичем Ярославским, Фёдором Михайловичем Моложским²⁷⁶.

Полк Правой руки возглавлялся Андреем Ольгердовичем «с северским и новгородским полками и псковичи»²⁷⁷. Ему в помощь были отряжены князья Андрей Фёдорович Ростовский, Андрей Фёдорович Стародубский и воевода Фёдор Грунка.

Передовой полк по замыслам должен был находиться перед большим полком. Он включал в себя ополчение, городские полки, состоящие в основном из пехоты, как правило, малообученной и плохо вооруженной. Она должна была принять на себя первый удар противника, заставить увязнуть его в этом массиве человеческих тел, сбить собой первый наступательный порыв, облегчив этим самым положение Большого полка. И обеспечить всё это должны были Дмитрий и Владимир Всеволодовичи, князья Друцкие²⁷⁸ и воевода Микула Васильевич²⁷⁹. Многим из них пришлось испытать до конца горькую чашу.

Особая роль отводилась резерву. Он делился на две части: засадный полк и частный резерв. Задачи им отводились разные. Частный резерв должен был, находясь позади Большого полка и полкалевой руки, «в пожарном порядке» закрывать прорыв ордынской конницы. Дело в том, что по сведениям разведки, на правом фланге Мамасового войска находились самые отборные конные отряды. И именно здесь, на левом фланге защиты, могло возникнуть самое уязвленное место в русской обороне. Эта миссия возлагалась на Дмитрия Ольгердовича «с северяны и псковичи»²⁸⁰. И, наконец, большое значение придавалось Засадному полку. «Князь велики же отпусти брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андреевича вверхъ по Дону въ дубраву западной полкъ, давъ ему достойныхъ изъ своего двора избранныхъ; еще же отпусти съ нимъ известнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волынца, еще же устрой той воевода Дмитрей и полки»²⁸¹. На помощь им были даны князья Роман Михайлович Брянский и Ва-

сильей Михайлович Кашинский²⁸². Засадный полк был расположен в дубраве за рекой Смолкой и опять же в месте возможного прорыва русского левого фланга обороны.

Случайно или нет подобное расположение русских войск, осуществлённое 7 сентября за сутки до битвы? Зная слабости левого фланга, не лучше бы было перегруппировать силы, подстраховать себя? Но тогда в изнурительной открытой борьбе ещё неизвестно, чья возьмёт. Нужен был хитрый рискованный план, позволяющий в нужный момент ввести свежие силы и наголову разгромить противника. Но это могло осуществиться только при чётком выполнении всех манёвров и действий.

И, наконец, сторожевой полк, в который вошли сторожевые отряды, разведчики, лихие наездники. Его возглавлял московский воевода Семён Мелик, в помощь были определены князья Василий Оболенский, Фёдор Тарусский и воевода Михаил Акинфович²⁸³. О его целях и задачах мы расскажем ниже.

Теперь настало время оценить общую численность русских войск. Бесспорно, во время построения был определён и их количественный состав. Но источники об этом либо молчат, либо говорят иносказательно, туманно. «И бе видети Русьская сила неизреченна многа, яко вящ-ше четырёхсогь тысящ и конныя и пешиа рати, такоже и Татарьскаа сила много зело»²⁸⁴. Нечто подобное мы находим у В. Н.Татищева: «И начата считати, колико их всех есть и изочтоша вящше четырёхдесяти тысящ воинства коннаго и пешаго»²⁸⁵. Разные источники по-разному оценивают численность русских войск - от 200²⁸⁶ тысяч до названных 400 тысяч. Все только сходятся во мнении, что «от начала бо такова сила не бывала князей Русских, яко же в се время»²⁸⁷, и при этом отмечают значительное превосходство сил Мамаёв. Если взять в расчёт среднюю численность русского и ордынского войск в 300-400 тысяч, то получается, что на Куликовом поле, на территории, удобной для битвы, а это около 2,5-3х4 км²⁸⁸, было сконцентрировано около миллиона человек. И хотя источники говорят об ужасной тесноте, данная раскладка, бесспорно, фантастична. Последние исторические исследования, учитывающие и топографию местности, и проводящие скрупулёзные анализы подобных битв, показывают, что на стороне Дмитрия Ивановича участвовало предположительно 50-60 тысяч человек²⁸⁹, а войско Мамаёв, включая численность наёмников,- где-то поря и 100 тысяч²⁹⁰.

Ещё сложнее дать расстановку войск Мамаёв перед и во время

битвы, Известно, что основу ордынского войска составляла легкая

мобильная конница. Она, по всей видимости, входила в состав передового отряда, наносящего первый разящий удар. Кроме этого,

в состав войска Мамай включалась наёмная генуэзская пехота из колоний в Крыму, составляющая центр войска. И наконец, фланговые отряды из конницы, образующие левое крыло и правое крыло. Также известно, что в ходе боя Мамай ввёл конный резерв для завершающего разгрома. Можно сделать вывод, что во многом тактический порядок соперников, их численность совпадали. Решающими могли оказаться мужество, военная хитрость воинов и полководцев.

В ночь с 7 на 8 сентября в русском войске почти никто не спал. Все мысли - о предстоящем сражении. Кто-то исступлённо молился, призывая Богородицу в помощь, кто-то по традиции облачался во всё чистое, подгонял доспехи; многие просто тихо сидели у костров, глядя в языки пламени, думая о чём-то своём...

Едва угасла заря, и наступила ночная мгла, Дмитрий Иванович вместе с Дмитрием Боброком и другими воеводами выехали лично в разведку, «выехаша на поле Куликово и сташа среди обоих полков»²⁹¹. Источники несколько поэтизируют эту поездку князя. Конечно, она носила прагматичный характер: желание узнать больше о противнике, и всё лее... Можно понять состояние и волнение воевод, знающих, что произойдёт на этом месте буквально через некоторое время. В эти моменты невольно обращаешь взор как в сторону своего войска, так и в сторону противника, невольно ищешь некие приметы, пытаешься предугадать грядущие события. «И обратишась к полком татарским и слышавше тамо клич и стук велий, аки торжища снимаются и аки грады зиждуши, и ззиди их волцы выюще страшно всльми; по деспей же стране бысть во птицах трепет велий, кличаще и крылами биюще и враны грающе и орлы клетчюще по реце Непрядве. И глагола волынец великому князю: «Что слышал еси?» Он же рече: «Страх и грозу велик) слышах»²⁹². Затем Дмитрий Иванович обратил свой взор в сторону русского войска, где стояла глубокая тишина. «Глагола ему Дмитрей Боброков волынец: «Что, господине княже, слышали есте?» Глагола князь великий: «Иичтоже, точию видехом от множества огнев снимахуся зари». Глагола Дмитрей Боброков волы-

нец: «Господине княже, благодари Бога, имаши победили враги своя»²⁹³. Окрылённый возвращался к своему войску Великий князь.

«Тоя же ноци, утру свитающу месяца Сентября въ 8 день, на праздник Рожества пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велия по всей земле, аки тма, и до третьяго часа дни, а потомъ нача убывати»²⁹⁴. Три часа дня, по нашему времяисчислению - где-то около девяти часов утра²⁹⁵. Большой туман, окутавший всю местность, затруднял боевому построению войска, но лишь только мгла начала проясняться, заиграли трубы, сзывая свои отряды и полки под развивающиеся стяги. Дмитрий Иванович лично объехал каждый полк, обращаясь к воинам, призывал постоять за православие, выполнить свой последний долг. «Господа ради и пречистыа Богородицы и своего ради спасения подвизайтесь за православную веру и за братию нашу! вей бо есмы оть мала и до велика братиа едины, внуци Адамли, родь и племя едино, едино крещение, едина вера христианскаа, единаго Бога име-немь Господа нашего Иисуса Христа, въ Троице славимаго, умремь в сий чась за имя Его святое, и за православную веру и за святыа церкви, и за братию нашу за все православное христианство»²⁹⁶. Обращаясь так к воинам, Дмитрий Иванович не различал ни москвичей, ни бело-зерцев, ни ярославцев... Перед ним были единые православные, русские, плечом к плечу стоящие сейчас в рядах, готовые умереть за общее дело, «и укрепишася и мужествени быша, яки орлы летающе и яко лвы рыкающе на Татарския полкы»²⁹⁷.

Если русские полки стояли уже на Куликовом поле, то ордынцы ещё только подступили к нему; вот почему всю ночь их войска были в движении, вот почему «клич и стук велий» слышали Дмитрий Иванович и Дмитрий Боброк. В районе Красного Холма, в водоразделе рек Курца, Смолка, Нижний Дубяк Мамай располагал своё войско. Зная от дозорных, что в нескольких километрах перед ним стоит готовое к сражению войско, он лихорадочно решал для себя вопрос: либо принять бой сейчас, не разобравшись в диспозиции, либо всячески его оттянуть, выждать время, когда соединятся союзники, когда будет более благоприятная для ордынского войска обстановка. И вот здесь резкое и решающее слово сказал сторожевой полк. Для Дмитрия Ивановича очень важно было, чтобы сражение состоялось сегодня, в один из самых святых русских православных праздников, пока не подошли ещё

войска Ягайло, находящиеся в двух днях пути, именно на местности более благоприятной русским полкам, нежели ордынским. Нужно было раздражить соперника, обозлить его, заставить, бросив всё, ринуться в схватку, и тогда уже битву не остановить. Эту задачу выполнил сторожевой полк. Состоящий из храбрецов, опытных и умных воинов, ловких наездников, он наскоками нападал на строящиеся войска, сшибался с татарскими дозорами, всячески вовлекая их в бой. В «Летописной повести о Куликовской битве» есть даже сообщение, что сам Дмитрий Иванович принял участие в этих стычках: «В урочный час сперва начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же князь великий напал первым в сторожевых полках на поганого царя Теляка, называемого воплощённым дьяволом Мамаю. Однако вскоре после того отъехал князь в великий полк...»²⁹⁸. Представляете, как важен был для Дмитрия Ивановича этот момент, если себя он делает приманкой. Увидев Великого князя, многие татары рванули, нарушив строй, попытать счастья, а за ними тронулось и всё войско.

«И бывшу уже часу шестому (примерно 12 часов), о самый полдень, снидошася, и се внезапу сила велика татарская нападе на передовой его полк»²⁹⁹. Сторожевые отряды, сделав своё дело, влились в другие полки; теперь наступило время сражения основных сил. «На том поле силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремели громаи велицыйи. То ти ступишася русские сыиове с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли доспехы злаченые, а гремели князи русские мечьми булатными о шеломы хиновские.»³⁰⁰ - как сказочен и поэтичен мир «Задонщипы», с какой глубокой проникновенностью передаёт поэт те события! Как переживает он за русское воинство!

Дмитрий Иванович из Сторожевого полка возвратился в Большой полк. И вот здесь происходит во многом необъяснимая метаморфоза, действие, являющееся загадкой для многих поколений историков. Мы помним, что в Большом полку размещалась ставка Великого князя. Отсюда из-под великокняжеского знамени должен был руководить битвой Дмитрий. Об этом, очевидно, было решено на военном совете перед битвой. Но Дмитрий Иванович изменяет этому решению. Он пожелал лично принимать участие в самых горячих точках, воодушевлять воинов своим примером. С этой целью он отдаёт бразды правления Большим полком Михаилу Андреевичу Бренку, своему любимцу, «и тому веле всести на

конь его, и приволоку свою царскую возложи на него, и всею утварию царскую украси его, и то свое великое знамя чермное повеле рынде своему надъ Михаиломъ Андреевичемъ Бренкомъ возити»³⁰¹. У Великого князя появился двойник, которого могли видеть как свои воины, так и противники. А сам князь «хотя полки унравляти и, где потреба явится, помосчь подавати»³⁰². Как оценить эти действия Великого князя? И что значит этот камуфляж с переодеванием? Попытка спасти себя, подставив под удар другого? Ведь всем понятно, что в первую очередь противник будет стремиться обезглавить армию. Если это так, то Дмитрий сознательно обрекал своего любимца на гибель. Но гибель вождя практически всегда приводила к панике в войске, и в результате - к поражению. Такая ситуация сложится через некоторое время и в Большом полку после гибели Бренка. Но общей паники не последовало. Вероятно, не об этом думал Дмитрий, передавая знаки княжеского отличия воеводе, и не трусость, желание спастись в этой мясорубке двигали им. Все источники сходятся в том, что Дмитрий Иванович личным примером хотел воодушевлять воинов, оказываясь в самых жарких точках боя. Героизм, личный пример - это хорошо, но зададим другой вопрос: а дело ли это полководца? Для нашего поколения есть классическое объяснение поведения командира, данное Василием Ивановичем Чапаевым, когда командир должен быть в арьергарде, а когда и «впереди на боевом коне». Ведь объясняли же Дмитрию Ивановичу его мудрые бояре и воеводы: «Не подобаеътебе, великому князю, наперед самому в пълку битися, тебе подобаеъ особъ стоят и и пас смотри, а нам подобаеъ битися и мужество свое и храбрость перед тобою явити»³⁰³. Мне кажется, что эту ситуацию можно объяснить следующим образом. В отличие от Мамаю, который командовал боем, находясь на Красном холме, господствующей высоте на Куликовом поле, с русской стороны такой точки, где можно было бы «Особъ стояти и на нас смотрети», не было. И волей-неволей великий князь, чтобы иметь свою информацию, вынужден был посылать своих приближённых в полки и отряды, «яко князи и воеводы, ездасче по полком»³⁰⁴, либо ездить туда самому. А переодевание нужно было, с одной стороны, чтобы видели войска, что князь всегда с ними под великокняжеским стягом, и, с другой стороны, чтобы не привлекать внимание ордынцев, отправляясь в подобные разъезды. Так что не трусость князя, а желание самому держать нити правления боем заставили пойти

его на подобный шаг. А попадая в гущу боя, уже трудно удерживать себя и отличного участия в сражении...

Описывать ход битвы очень сложно. Источники не дают нам возможности (да это понятно и объяснимо) взглянуть на Куликово поле с высоты птичьего полёта, разом объять всё происходящее. Да и сами участники, со слов которых потом писалось об этом событии, каждый видел и знал только то, что происходило с ним. Разве могли воины, находящиеся в засадном полку, описать начало сражения, или те, кто принял первую атаку, рассказать о финале боя и т.д. Поэтому приходится по крупицам собирать все данные, чтобы реконструировать как можно в больших деталях ход битвы, есть некая «зависть» и благодарность великому кинорежиссёру С.Бондарчуку, показавшему сверху ход Бородинского сражения...

«Татарьскаа борзо съ шоломяни грядуще, и ту накы; не поступающе, сташа, ибо несть места, где имъ разступитъся; и тако сташа, копиа покладше, стена у стены, каждо ихъ на плещу преднихъ своихъ имуще, передние краче, а задние должае»³⁰⁵. Первыми в бой рванулись авангардные полки Мамая, в центре - ошетилившаяся копьями генуэзская пехота, на флангах - лёгкая ордынская конница. И вот здесь произошла непредвиденная заминка. Ордынцы нападали «борзо» и при этом не успели оценить, что местность для них слишком мала, чтобы задействовать все силы. Нужна была срочная остановка, чтобы перегруппировать их. Только этим можно объяснить последующий поединок двух богатырей. Иначе выглядит нелогично. Рвущиеся в бой ордынцы на всём скаку останавливают лошадей, чтобы посмотреть и оценить рыцарский поединок. Пока войска располагались на некотором расстоянии друг от друга, велась перестрелка, выезжали отдельные храбрецы похвалиться удалью. История зафиксировала только один такой поединок. «Выеде изъ полку Татарьскаго богатырь великъ зело, и широту велику имея, и мужествомъ великимъ являясь; и бе всемъ страшень зело, и никтоже смеаще противу его изыти»³⁰⁶. С русской стороны на бой вызвался Пересвет - тот иннок, которого отпустил с Дмитрием Сергей Радонежский. «Бе же сей Пересвсть егда въ мире бе, славный богатырь бяше, велию силу и крепость имея, величсгвомъ же и широтою всехъ превзыде, и смыслень зело къ воиньственному делу и наряду»³⁰⁷. Итак, Пересвет и Тимур-мурза - татарский великан, кто победит за тем войском и преимущество моральное в начале битвы, «и ударишася

крепко толико громко и сильно, яко земле потрястися, и спадоша оба на землю мертви и ту конецъ приаша оба; сице же и кони ихъ въ томъ часе мертви быша»³⁰⁸. Начало боя было ничейным.

Перегруппировавшись, ордынцы ударили по русским войскам и «бысть брань крепка и сеча зла зело»³⁰⁹. Первоначальный удар был нанесён по Передовому полку русских. Новобранцы-ополченцы, составлявшие основу этого полка, не смогли сдержать жестокий и стремительный напор превосходящих сил соперника и большей частью полегли, а частью просто влились в состав Большого полка. Приняв на себя первый удар, Передовой полк перед историей выполнил свою миссию. И тогда в бой вступили основные силы противников. Мамай атаковал на всех направлениях: и по центру, и на флангах. И всё же основные силы были брошены на центр русского войска. «Ломашася копии, яко солома, стрел множество, аки дождя, и пыль закрыта лучи солнечнии, а мечи токмо, яко молния, блистахуся. И падаху людие, яко трава, пред косою, лияся кровь, яко вода, и прогекоша ручей. От ржания же и топота конска и стенания язвенных не слышати было никоего речения»³¹⁰. И не разобрать уже, где тело христианское, а где татарское, люди жестоко уничтожали друг друга, ничего не разбирая; теснота была такая ужасная, что люди умирали не только от оружия, но и под конскими копытами, задавленные навалившимися телами. «И ту пешаа Руская великаа рать, аки дресеса сломишася и, аки сена посечено, лежаху, и бе видети страшно зело»³¹¹. Владимирские и суздальские отряды, составляющие основу Большого полка, стеною встали на пути противника, и хотя уже прорвались ордынцы к великокняжескому знамени и подрубили его, убили Михаила Бренка, князь Глеб Брянский и тысяцкий великого князя Тимофей Васильевич сумели контратаковать и «зело кренце бишеся и не даюсче татаром одолевати»³¹². Дмитрий Иванович оказывался в самых критических участках битвы. Под ним убили одного коня, другого, «и самого великаго князя тяжко раниша, он же едва с побоисча избеже»³¹³. Дальше битва продолжалась уже без него.

Мамай попытался массивными ударами опрокинуть фланги русского войска. Первоначально акцент был сделан на полк Правой руки. Но здесь ордынскую конницу встретила бронированная - Андрея Ольгердовича. Легко отбив атаку, они могли бы перейти контрнаступление, но тогда невольно оголили бы Большой полк, «но не смеяше вдаль гнатися, видя большой полк не-

движущийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати»³¹⁴ Боевая выучка и дисциплинированность победоносных русских войск и смутное желание броситься за врагом. Видя бесплодность попыток прорвать правый фланг русских, Мамай бросил силы на полк Лево́й руки. Здесь атака ордынской конницы была более успешной. Смяв белозёрские отряды, ордынцы начали теснить их к берегам Непрядвы, освобождая себе правый фланг и заходя в тыл Большому полку. В этот момент Мамай, посчитав его самым решительным, ввёл в бой все свои резервы. Казалось, вот ещё одно усилие, и русские будут смяты. Это был самый критический момент сражения. На помощь полку Лево́й руки бросился Дмитрий Ольгердович со своим резервным полком. Перегруппировались и отряды Большого полка, «и ту бысть бой тяжкий. Бывшу же яко девяти часом, и бысть такая смятия, яко не можаху разбирати своих, татаре бо въез-жаху в руские полки, а руские в полки татарские»³¹⁵. Каково состояние томившихся в засаде воинов Владимира Андреевича! Сначала только догадываясь, как идёт сражение, затем, когда битва подкатила к дубраве, где прятался запасный полк, видя и желая помочь, как было велико их напряжение и нетерпение! Несколько раз порывался Владимир Андреевич вступить в битву, но каждый раз его осаждал опытный Владимир Волинец. «Беда, княже, велика, не уже пришла година наша: начи-наай без времени, вред себе приемлеть: класы бо пшеничныа подавля-еми, атрънии (сорняки) растуще и буяюще над благородными»³¹⁶. Ждал, ждал опытный полководец, когда полностью увязнут татары в-русских полках, оголят свой тыл. И вот когда этот момент настал, воскликнул «гласом великим: «Княже Владимирь, наше время приспе и чась подобный прииде»³¹⁷. Удар Запасного полка был неожиданным для уже почти ликующего противника, и столь стремителен и всеокрушающ, что ордынцы дрогнули и заколебались.

Вступление в бой новых сил Владимира Андреевича резко воодушевило всех сражающихся русских. Большой полк, взяв в клещи с Запасным полком прорвавшиеся ордынские отряды, с утроенной энергией принялись бить врага. Андрей Ольгердович резким ударом с правого фланга опрокинул противостоящего ему противника. Среди ордынцев началась паника, и они, смятая свою же пехоту, бросились вспять. Вот так оценивает Никоновская летопись состояние оцепенения, овладевшее татарами после нападения на них новых сил: «Увы намъ, увy намъ! Христиане

упремудрили надъ нами лутчия и удалыа князи и воеводы втаю оставиша и на насъ неутомлены уготовиша: наши же руки ослабеша, и плещи усташа, и колени оцепенеша, и кони наши утомлени суть зело, и оружия наша изринушася; и кто можетъ противу ихъ стати? горе тебе, великий Мамаю!»³¹⁸ Мамай попытался остановить бегущие полки, пытался создать защиту Красного холма, но всё уже было тщетно, «абие побеже сам и сусчие с ним, рустии же полцы погнаша во след ихъ; и догнавше станов, ту паки татарове опершися, обаче и ту вскоре сломише и вся таборы ихъ вземше, богатства ихъ разнесо-ша и гнаша до реки Мечи; ту множество татар истопиша»³¹⁹. Отряды Владимира Андреевича и Ольгердовичей преследовали убегающего противника и только перед закатом солнца возвратились на место битвы.

Страшная картина открылась перед ними. Всё поле было завалено тысячами людей, коней и «всюду реки кровавые протекоша»³²⁰. Запели грубы, сзывая живых, поднимая раненых; бой кончился, но никто не забывал о войске Ягайло, который мог напасть в любую минуту. Нужно было отдать честь убитым, позаботиться о раненых, быть готовым к нападению нового противника. В эту минуту вспомнили о Великом князе. Владимир Андреевич стал расспрашивать всех: видел ли кто его. Некоторые говорили: «Аз видех его крепко бьющася и бежаша. И паки ведех его с четырьмя татарины бьющася и бежаша от них, и не вем, что сотворися ему»³²¹. Князь Степан Новосильский также сказал, что видел его в бою: «Аз видех его пеша с побоища, едва идуща, язвен бо бысть вельми, и не мог помощи ему дати, понеже сам гоним бехтреми татарины»³²². Тогда Владимир Андреевич приказал всем разойтись по полю боя и устроить коллективный розыск. Нашли Михаила Андреевича Бренка, одетого в одежды князя и лежащего убитым, нашли князя Фёдора Семёновича белозерского, похожего на Дмитрия, а самого всё не могли разыскать. Наконец двое простых воинов, Фёдор Порозович и Фёдор Холопов, отклонившись во время поисков к дубраве, нашли князя «бита вельми, едвато-чию дышуща, под новосеченым деревом под ветми лежаща, аки мертв»³²³. Дали знать Владимиру Андреевичу, и когда тот прискакал с людьми, выяснилось, что князь жив, все доспехи у него помяты и пробиты, но видимых ран на теле нет, а сам был, по всей видимости, контужен. Очнувшись, Дмитрий Иванович долго не мог никого узнать. Тогда Владимир Андреевич возвестил ему о великой победе, и только после этого рассудок князя стал прояс-

няться. «Он же возрадовася духом, хотяше востати, но не можа-ше, и едва возставиша его»³²⁴. К князю подвели коня, посадили на седло, и вместе со всеми он стал объезжать поле боя, везде видя страшную картину прошедшего боя. Подъехав к своему шатру, приказал трубить общий сбор и, забыв про свою боль, послал всюду искать раненых, чтобы те не умерли без помощи.

Наутро, когда собрались все люди, великий князь Дмитрий Иванович встал среди них, скорбя о погибших, радуясь живым: «Братиа моа, князи русскыа и боаре местныа, и служилыа люди всеа земля! Вам подобаеь тако служыти, а мне - по достоанию похвалите вас. Егда же упасеть мя господь и буду на своем столе, на великом княжении, въ граде Москве, тогда имам по достоанию даровати вас. Ныне же сиа уп-равим, коиждо ближняго своего похороним, да не будутъ зверем на сне-дение телеса христиань-скаа»³²⁵.

Восемь дней стояло русское войско на поле Куликовом, выполняя свой последний долг перед убитыми. Раненых с обозами отправили на Русь, а сами копали братские могилы, отпевали и хоронили соратников. Одновременно вёлся и учёт погибших. И хотя в источниках эти цифры очень фантастические и разрозненные, можно в целом определить потери русского войска. В. Н. Татищев называет 20 тысяч русских воинов³²⁶. Если мы взяли за точку отсчёта общее количество русского воинства в 50-60 тысяч человек, то выходит, что потери составили около одной трети - половины войска. Понятна во многом условность этих подсчётов, главное, что победа была добыта ценой громадных человеческих потерь: «оскуде бо отнюдь вся земля Рускаа воеводами и слугами и всеми воиньствы»³²⁷.

Ну, а что же союзники Мамай? Трудно прогнозировать, чем бы закончилось сражение, приди Ягайло вовремя на соединение с ордынцами. Во всяком случае Дмитрий Иванович сделал всё, чтобы этого не произошло. А Ягайло в одиночку не решился принять бой с уставшими, побитыми войсками московского князя. Узнав о результатах битвы, «князь же Ягайло побеже и со всею своею силою Литовьскою назад со многою корыстью никымъ же гоним, не видево великово князя, ни рати его, ни оружья его, но токмо имени его боящеся и трепещуще»³²⁸. Что заставило великого князя Литовского, проделав такой большой путь, отказаться от битвы? Ведь думается, что шансов на успех у него было много. Наверное, правы те исследователи, считающие, что главной причиной того,

что Ягайло тянул с походом и неучастием в битве, является наличие в его войске большого процента православных воинов из русских княжеств, для которых воевать в союзе с Ордой против православного мира было позором³²⁹. В результате этого в войске Ягайло возникли разногласия, из-за чего он и не решился на битву с Дмитрием, уйдя в Литву, по дороге пограбив возвращающиеся одиночные русские отряды³³⁰.

Сложнее пришлось Олегу Ивановичу Рязанскому. Чувствуя двойственность своего положения, он теперь ждал ответной реакции Дмитрия и готов был ко всему. Собрав своих домашних и казну, он готовился бежать в Литву. К Великому князю Олег послал бояр своих с мольбой о снисхождении за всё учинившее. «Князь великий же иде через Рязанскую землю, не толе не восхоте никоего зла сотворити, но послы Ольговы с миром и любовию отпусти и всем воям своим, яко же прежде, заповеда, да никоего зла в земли Рязанстей сотворят; и прешед с миром»³³¹. Правда, в «Летописной повести о Куликовской битве» есть упоминание, что Олег приказал грабить и обирать возвращающиеся отряды. Дмитрий хотел направить свои полки на Рязань, и только вмешательство рязанских бояр, сказавших, что их князь бежал, и упросивших не посылать на них ратей, помешало осуществить данное наказание. На Рязанском княжении были посажены московские наместники³³². Как бы то ни было, чувствуется, что большого желания наказать «предателя» у Дмитрия Ивановича не было, что ещё раз подтверждает мысль о наличии некоего договора между князьями.

Сам Мамай с остатками своей армии бежал в Орду. Спешно стал собирать новые военные силы для похода на Русь. Но этот поход не состоялся, так как пришлось срочно заниматься внутренними делами. Появился новый претендент на власть в Сарае, хан Синей Орды Тохтамыш. Завоевав всё левобережье Волги, пользуясь покровительством и помощью непобедимого Тимура, он переправился через Волгу и напал на Мамай на реке Калке (знаменитой Калке, где в 1223 году русские впервые встретились с монголо-татарами). Битва, скорее всего, не была долгой, так как все приближённые Мамай отrekliсь от него и перешли на сторону более сильного повелителя, принеся ему клятву верности³³³. Мамай с небольшой кучкой единомышленников, спасаясь от преследования, бежал в Кафу, к своим бывшим союзникам, но кому нужен разбитый и брошенный всеми союзник. На первое же по-

слание гонцов Тохтамыша о выдаче Мамаю генуэзцы вероломно схватили и бывшего хана. Новая власть - новые союзники. В степях Золотой Орды вся полнота власти сосредоточилась в руках нового хана Тохтаамыша.

Вновь вернёмся к Дмитрию Ивановичу. Похоронив убитых, он возвращается домой. После переправы через Дон пришла пора прощаться с Ольгердовичами, направлявшимися в свои княжества: «отпусти князь великий князя Димитрия Олгердовича и вся князи литовския с любовию мною и дары, елико от имеемых с собою, вся раздаде»³³⁴. 21 сентября Дмитрий Иванович пришёл к Коломне. Немногим более месяца прошло с того времени, когда русские войска уходили на битву, в неизвестное. А сейчас «уже бо по Руской земле простресе веселие и буйство»³³⁵, с большой торжественностью встречают победителей. Епископ Герасим со всем своим собором с крестами и святыми иконами с радостью великой благословлял Великого князя у ворот города, затем отслужил праздничный молебен во здравие Великого князя и его воинства. Отдохнув 4 дня в Коломне, войско направилось к Москве, и 28 сентября была устроена торжественная встреча в столице. Отряды с великой честью отправлялись в свои земли, где их с нетерпением поджидали родные и близкие. А князь Дмитрий Иванович отправился в Радонеж, чтобы отблагодарить преподобного игумена Сергия. «И пребыв ту в монастыри носчь, игумена Сергия корми и всю братию его, и паки возвратися во град Москву, почив от многих трудов и великих болезней, их же подъя за православную веру и за все христианство»³³⁶.

Как оценивали современники победу на Куликовом поле, какое значение они ей придавали? Всё историческое значение этой битвы по достоинству оценят потомки. А как современники? Как оценивали это событие возвращавшиеся усталые, израненные бойцы, родственники, оплакивающие смерть родных и близких, князья и бояре, думающие как жить дальше? Добилась ли Русь желаемого освобождения? Вот на эти вопросы ответить труднее. Боль, утрата заслоняют собой любое, каким бы оно ни было великим, событие. Великое видится только издалека.

Победив Мамаю, Дмитрий не победил Орду. Силы, затраченные для достижения этой цели, во много раз превосходили возможности Руси для окончательного решения ордынского вопроса. Это был своеобразный надрыв сил, возможностей. Тохтамыш, завоевав власть в Золотой Орде, сумел решить проблему 60-70-х годов:

объединить воедино все улусы Орды и набрать военные силы, во многом превышающие возможности Руси. Причём Тохтамыш очень хитро пояснил русским князьям свой захват власти тем, что он покарал и своего врага, и их врага.

Он если и не оправдывал разгром Мамаю Русью, но в то же время не осуждал, желая видеть в нём общего врага. А вот теперь, когда этот враг убит, в Золотой Орде воцарился единый хан, то он и требует восстановления нарушенных Мамаем отношений между Ордой и русскими княжествами, существовавших до «великой замятии», предполагавших вассальную зависимость русских князей от него - хана Тохтамыша - и внесение дани в размере той, что было при Джанибеке. Он посылает на Русь своих послов с требованием выражения покорности от всех русских княжеств. Как повести себя князьям в этой ситуации? «Князи же вей Русьтии посла его чествоваше добре и отпустиша его во Орду ко царю Тохтамышу съ честию и з дары многыми»³³⁷, и при этом направляют в Орду свои посольства «со многими дары» с целью овладеть ситуацией, узнать намерения нового хана, задобрить и успокоить его. А сами собирают 1 ноября съезд, на котором решают вопрос: как быть дальше? К сожалению, источники очень немы по отношению к этому событию, и мы можем только догадываться, как решались поставленные жизнью вопросы. Видятся два альтернативных пути, которые рассматривались на съезде: 1. Дмитрий Иванович, вероятно, предполагал следовать избранным курсом, тем, что привёл русские княжества на Куликово поле. Но как ни беспредельны человеческие ресурсы Руси, по и они в результате этой битвы иссякли. И открытая конфронтация вела к гибели. Это понимали многие. 2. Можно было пойти по проторенному пути, пути Ивана Калиты: политика заигрывания, задабривания хана, беспрекословное подчинение ему и тем самым получения для себя, своего княжества больших привилегий. Но не таков был его внук. Как согласиться с тем, что столько лет идти к победе, чтобы завтра её плоды превратить в прах! А Дмитрий настаивает перед русскими князьями на дальнейшей борьбе с Ордой. Смог ли он здесь получить полную поддержку, как раньше, всех князей? Думается, что нет. И дальнейшие события подтверждают, что в создавшихся условиях многие князья предпочитали мир с Ордой, чем дальнейшую эскалацию событий. Ах, как не хватало теперь мудрого митрополита Алексия, умевшего выводить Русь из более тяжёлых ситуаций. Но его нет, митрополичий престол пуст, и ду-

мается, что ещё одно из решений этого съезда заключалось в том, чтобы помириться с митрополитом Киприаном Московскому князю, послать в Киев за ним, чтобы, соединив усилия духовной и светской власти, найти выход из создавшейся ситуации. Я думаю, что события ноября 1380 года имели не меньшее значение, чем сама Куликовская битва. Предстояло сделать правильный выбор, во многом определяющий дальнейшую судьбу Руси, России. И Дмитрий делает свой выбор. Он настаивает на дальнейшей борьбе с Ордой, тем самым волей-неволей лишаясь поддержки многих князей и предопределяя дальнейший ход событий.

В ЛЕТО 6889 (1381 г.). В Москву прибывает митрополит Киприан. Долго пустовал митрополичий престол в столице русской православной митрополии, долго противился Дмитрий назначению Киприана. Не лежала душа к нему и причин на то было очень много: и то, что был в своё время ставленником Ольгерда, а значит, и его противником; и то, что поставлен в митрополиты вопреки его, Дмитрия, воле, и то, что в борьбе за митрополичий престол потерял своего любимца Митяя, и многое другое. Но церковь не могла долго оставаться без лидера. И нужно было выбирать. О признании самозванца Пимена не могло быть и речи, и мы видим, что как только тот появился из Константинополя на Русской земле, по приказу Великого князя был арестован и сослан в заточение в Чухлому. В Константинополе находился и епископ Суздальский Дионисий, тоже вопреки воле князя ищущий поста митрополита. В этих условиях единственным оставался Киприан. Опытный политик, тщеславный в своих притязаниях, он больше всех соответствовал роли вожака православной веры, тем более, что в среде иерархов русской церкви было много сторонников Киприана и прежде всего - преподобный Сергей Радонежский. И первое событие, зафиксированное летописями, - крестины сына Владимира Андреевича Ивана митрополитом Киприаном и Сергием Радонежским³³⁸. По-видимому, между Дмитрием Ивановичем и Киприаном сохранялась политика «мирного сосуществования». Московский князь терпел митрополита как необходимость, относясь к нему без такой же благосклонности, как к Алексию. Примечательно, что когда у Дмитрия на следующий год родился сын Андрей, то крестил его не глава церкви, а духовный наставник Фёдор, игумен Симоновского монастыря.

А тем временем «Царь Тахтамышь приела посла своего къ ве-

ликому князю Дмитрию Ивановичю и ко всем княземъ Русскимъ, царевича некоего Акъхозю, а съ нимъ семьсотъ Татаринѡвъ»³³⁹ с

требованием явки русских князей в Орду, изъявления своей покорности с восстановлением власти Золотой Орды. Летописи не описывают действия Дмитрия Ивановича в ответ на это. Но можно догадаться, что послов ждал далеко не дружелюбный приём. Татары не дерзнули идти в Москву, а, дойдя до Нижнего Новгорода, повернули обратно. Вызов Тохтамышу был брошен.

В ЛЕТО 6890 (1382 г.). Тохтамыш на третий год своего правления стал спешно готовиться к походу на Русь. «Съ яростию собра воя многы»³⁴⁰. Он предпринимает одновременно все усилия для того, чтобы замаскировать свои действия, сделать их тайною для Руси. Первоначально посылает отряды на Волгу в города Булгары и Казань с тем, чтобы истребить всех русских купцов, так как, помимо своего непосредственного занятия, они являлись и разведчиками Руси и могли сообщить о готовящемся походе. А затем «поиде на великого князя Дмитрия Ивановича къ Москве изгономъ»³⁴¹, причём всё делалось скрытно, с большими предосторожностями, «да не услышанъ будетъ на Русской земли походъ его»³⁴².

Услышав о начале наступления, нижегородский князь Дмитрий Константинович (тесть Дмитрия Ивановича) поспешил выразить свою признательность Тохтамышу с целью уберечь своё, и так потрёпанное, княжество от полного разорения. Он посылает своих сыновей Василия и Семёна как заложников союза нижегородского княжества и Золотой Орды. Братья еле смогли настигнуть войско Тохтамыша, так стремителен был его поход. На границе Рязанского княжества войско Золотой Орды встретил князь Рязанский Олег Иванович «и доби ему челомъ, дабы не воевалъ земли его и обведе его около своей земли»³⁴³. Понять Олега Ивановича можно. Стремительное наступление войск Тохтамыша грозило стереть с лица земли Рязанское княжество. Сил обороняться самостоятельно у него не было, ждать помощи от Дмитрия Ивановича нереально, да и вряд ли она, даже при большом желании, могла подоспеть. поэтому оставалось только одно - идти на поклон к хану и попытаться, указав на обходной путь, избежать разорения Рязанского княжества. Конечно, московским летописцем движет чувство горечи за разорённый город, досада и обида, ко-

гда он, описывая эти действия Олега, обвиняет его во всех смертных грехах. Олег, по его мнению «помощникъ на победу Руси, и

поспешникъ на пакость кристианомъ»³⁴⁴. Спросим каждый себя, как бы он поступил в данной ситуации?

Поздно пришла весть о нашествии Тохтамыша в Москву. Несмотря на то, что хан позаботился истребить всех способных довести князю, нашлись «Нецъи доброхотъ», которые всё же предупредили князя. Тотчас «начя думати таковую думу и размысли з братомъ своимъ и съ прочими князи и з бояры своими»³⁴⁵. Кто были «прочий князи», мы не знаем, важно, что и на этом совещании возникли и обострились противоречия между великим князем и его оппонентами. Не исключено, что к таковым относится и Владимир Андреевич, его верный соратник, так как впервые мы видим, что затем князья действуют врозь. Дмитрий Иванович предлагал собирать воинов и выступить против врагов. «Бывшу же промежу ими неединачеству и неимоверьству и то позпавъ и уразуме князь великий Дмитрей Ивановичь, во князехъ и въ боярехъ своихъ и во всехъ воиньствахъ своихъ разньство и распрю»³⁴⁶. Для великого князя это был поистине удар в спину.

Дальнейшие действия Дмитрия мало объяснимы. Он мог со своей дружиной отсидеться за московскими каменными стенами, благо что пример такой уже был, а затем заключить, возможно, выгодный для Москвы мир. Но он оставляет город и едет сначала в Переяславль, затем в Ростов, а оттуда в Кострому. Бросает город, по существу, на произвол судьбы, оставляя в нём свою княгиню Евдокию, детей. Трусость, минутная слабость - вроде на него это не похоже. Желание собрать в Заволжье войско и изгнать Тохтамыша - маловероятно осуществимо, потому что пока он добрался бы до Костромы, пока начал собирать войско, ушло много времени, Москва была взята, враг отступил. Так как же охарактеризовать этот поступок князя? Пусть это лучше останется нераскрытой тайной.

Без князя в городе вспыхивает мятеж. Взбунтовавшиеся горожане не желали выпускать митрополита Киприана и княжескую семью и только после больших уговоров им удалось выбраться из города. Среди москвичей царило смятение. Иные хотели защищать город, другие помышляли бежать по примеру князя. Собравшееся вече постановило не выпускать никого из города, а «мятежниковъ же и крамольниковъ, иже хотяху изыти из града, не

токмо не пушаху ихъ, но и грабяху!»³⁴⁷. Ситуацию несколько исправил литовский князь Остей, внук Ольгерда. Оказавшись в Москве, он сумел навести порядок и подготовил город к обороне. За московскими стенами оказалось очень много людей: как москвичей, жителей близлежащих сёл, так и купцов, бояр «и всякъ возрастъ мужьска полу и женьскаго со младенцы»³⁴⁸.

23 августа Тохтамыш подступил к Москве. Встав лагерем на значительном расстоянии от города, он послал к городу выяснить, здесь ли князь Дмитрий. Вот уже здесь проявляется первое Желание хана наказать зарвавшегося вассала. С крепостных стен отвечали, что князя нет в городе. Татары объехали вокруг города, примеряясь и высматривая слабые стороны обороны. Москвичи предварительно (как и во времена литовщины) уничтожили весь посад, чтобы врагу не досталось ни бревна, ни доски для устройства осадных машин. В то время как Остей с обороняющимися укреплял город, желая защититься от татар, в самом юрде люди вели себя по-разному. Некоторые молитвою, постом стремились защитить себя и город, а другие «недобрии человецы начата обходитьи по дворомъ, и износящи ис погребовъ меды господския и сосуды сребренныя и сткляницы драгиа, и упивахуся до великаго пьяна»³⁴⁹. А где пьянство-там кончается порядок, появляется беспечность и пренебрежение к противнику. К чему это приводит — мы хорошо помним по битве на реке Пьяне. А москвичи этот урок забыли. «И паки възлазяще на градъ, пьяни суще, и шатахуся и ругающесе Татаромъ, образомъ безстыдным досажаяще и некая словеса износяще, исполнь. укоризны и хулы, плююще и укоряюще ихъ и срамныя своя уды обнажаяще, показоваху имъ на обе страны; и царя ихъ лающе и укаряюще, и възгри и слины емлюще, метяху на нихъ, глаголюще: «взимайте сиа и относите къ царю вашему и ко княземъ вашимъ»³⁵⁰. Это было страшное оскорбление, и простить его ордынцы не могли. Разозлённые, они скакали вокруг города, размахивая саблями, показывая, как будут рубить головы москвичам. К вечеру полки татар отошли от города к радости защищающихся, которые решили, что противники испугались и отступились. А наутро к городу подошло всё войско Тохтамыша, перегруппированное для штурма. Протрезвевшие москвичи «наипаче стрелы пушаху на нихъ, и камские метяху и самострелы и тюфяки»³⁵¹ Применение тюфяков - небольших пушек - впервые зафиксировано обороне русских городов, в истории русского воинства. Отсутствие упоминания об огнестрельном

оружии на Куликовом поле свидетельствует о его малой распространённости на Руси и примененіи пока только при обороне. Татары в ответ стали осыпать защитников города тысячами стрел, Среди ордынцев было много искусных стрелков: «го-разди велми, и овии отъ нихъ стояще стреляху, а друзии скоро рищуше семо и овамо, тако бо изучени быша, и стреляше безъ прогрома; а инии на конехъ борзо велми гоняюще и на обе руке и паки напредъ и назадъ скорополучно стреляху безъ прогрома»³⁵². После мощного обстрела татары приступили к штурму крепостных стен. При помощи лестниц они карабкались на Кремль, стараясь проникнуть в город. «Граждане же воду, въ котлахъ варяще, ляху на нихъ варъ и тако въбраняху имъ»³⁵³, сумели отбить первый штурм. Три дня продолжалась осада города. Москвичи, видя безысходность своего положения, храбро защищались. Как только ордынцы начинали штурм, на них летели стрелы, сбрасывались камни, лился кипяток. Суконник Адам Москвитин, находясь на воротах, из самострела убил сына ордынского князя «яко и самому царю тужити о томъ»³⁵⁴.

Видя, что в открытую город не взять, Тохтамыш пошёл на военную хитрость. Вызвав Остея из города для мирных переговоров, он вероломно схватил его и убил перед городскими воротами. И снова трое суток шла осада города, и снова безрезультатно. Тогда по приказу хана привели к крепостным стенам двух князей Суздальских, сыновей Дмитрия Константиновича, Василия и Семёна. Они должны были стать гарантами «добрых» намерений Тохтамыша, Татарские послы заверяли горожан, что хан пришёл наказать своего непокорного вассала Дмитрия, а на самих москвичей у него обиды нет, если горожане встретят Тохтамыша с дарами и честью, он дарует им мир и любовь. Суздальские князья также уговаривали москвичей: «...имите намъ веру, мы бо ваши есмь князи крестианьстии, вам тоже глаголемъ и правду даём на томъ, яко не блюстися ничего отъ царя и отъ Татаръ его»³⁵⁵. Последний аргумент подействовал более всего. Перед Василием и Семёном стоял выбор. Находясь в заложниках у хана, они могли либо принять мученическую смерть, либо, во всём слушаясь татар, пойти на предательство и помочь ордынцам завоевать город. Они выбрали второе и вошли в историю как пособники жесточайшего разорения Москвы. «И отвориша врата градная и выидоша со кресты и со князем своимъ, и з дары многими ко царю!»³⁵⁶. Этого только и надо было ордынцам. Ворвавшись в го-

род, татары устроили страшную резню. Способные обороняться приняли смерть в последнем кровавом бою. «Людие же христианьстии, сущие во граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рыщуще толпами, вопиюще велми, глаголюще и бьюще въ перси своя; несть, где избавления обрести и несть где смерть убежати»³⁵⁷. Последнюю защиту москвичи пытались найти в церквях, уповая не столько на небесную силу, сколько на крепость церковных дверей. Но и это не помогло. Татары разбили двери, ворвались внутрь и уничтожили всех скрывающихся в церкви. Затем начался грабёж и разорение церковных сокровищниц. Обрывались оклады со святых икон, выламывались драгоценные камни; всё оставшееся предавалось огню и разрушению. Сгорела главная сокровищница - книгохранилище, «и книгъ множество снесено со всего града и съ сель въ соборныхъ церквахъ многое множество наметано, сохранения ради спроважено, то все безвестно сотвориша»³⁵⁸. Казна великого князя, бояр, товары купцов - всё было разграблено и уничтожено. Совершилось это 26 августа 1382 года. «Бяше бо дотолє видети градъ Москва великъ и чюдень, и много людей в немъ, кипяше богатствомъ и славою, превзыде же вся грады въ Русстей земли честию многою, въ немъ бо князи и святителие живяста; въ се же время изменися доброта его, и отъиде слава его, и всея чести во еди-номъ часе изменися»³⁵⁹. К сказанному трудно что добавить. Вот так меняется политический барометр. Ещё вчера Москва крепла и поднималась, объединяла русские княжества на великий бой, то ныне - падение, разруха и разорение, и неизвестно, что ожидает дальше.

Вспомнилось Батыево нашествие. После захвата главного города Северо-Восточной Руси татарские отряды растеклись по всем городам. Были захвачены Владимир, Можайск, Звенигород, Переяславль, жители которого на лодках спаслись в центре озера, Юрьев «и инии мнози гради и власти и села»³⁶⁰. Избежало погрома Тверское княжество. Михаил Александрович, узнав о взятии Москвы, послал к Тохтамышу своё посольство «с честию и з дары многимы», раболепствуя перед ханом, заявляя о полной своей покорности. Тохтамыш наделил Тверского князя ярльжом на княжение и отпустил его послов с миром. Совершенно по-другому повёл себя Владимир Андреевич. Собирая войско около города Волоколамска, он нанёс сокрушительное поражение одному из ордынских отрядов. Тохтамыш решил не ждать, когда соберёт войска Дмитрий Иванович в Костроме и соединится с силами Влади-

мира Андреевича. Он покидает разорённую Москву и возвращается в Орду. По дороге разоряет Коломну, а затем «повоева и взя землю Рязанскую»³⁶¹. Объяснение действий против Олега Рязанского может быть только одно.

Тохтамыш, зная способность князя служить и вашим и нашим, решил проучить его, окончательно покорить Орде. Этой же цели следовало и посольство, которое Тохтамыш отправил в Нижний Новгород, идя из Рязани. Возглавлял посольство шурин хана Шихмат, с ним же был отправлен один из сыновей Дмитрия Константиновича Семён. Другого князя, Василия, Тохтамыш оставил у себя заложником, гарантом верности Нижегородского княжества.

Урон, нанесённый Тохтамышевым нашествием для Северо-Восточной Руси, не поддаётся исчислению. И дело не столько в сожженных городах и селах, истреблённых людях, ушедших в полон, сколько в разрушении той политической системы, складывавшейся в русских княжествах десятилетиями, в уничтожении антиордынского блока, создаваемого Москвой. В конце концов это можно расценить и как крушение жизненных планов Дмитрия Ивановича, всего того, к чему он так долго стремился. Две полярные точки: Куликово поле и Тохтамышево нашествие. Между ними всего два года, но какая пропасть образована 1382 годом между тем, какого величия достигла Русь, и тем падением, что она пережила! Но жизнь продолжается. Вновь встала задача перед русскими княжествами, русскими людьми: выжить, подняться на ноги, возродиться из пепла. Сколько же таких взлётов и падений пережила Русь за всю свою историю, сколько же испытаний выпало на долю моего народа!!!

Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич возвратились в Москву, каждый в свою вотчину. Страшная картина открылась перед ними. Город был разрушен и сожжен, кучи трупов покрывали вчерашние улицы и переулки. Первым делом предстояло предать земле всех убитых. Утопией отмечают, что Дмитрий приказал хоронить погибших, выдавая по рублю за 80 человек погребённых. И израсходовал всего 300 рублей. «Полону же толико выведено бысть во Орду многое множество, яко и счесть невозможно есть»³⁶².

Через несколько дней после возвращения в Москву Дмитрий Иванович посылает свою дружину на землю Рязанскую, на Олега Ивановича. Оплата за предательство, месть за то, что не поддер-

жал Великого князя, не предупредил. И хотя само Рязанское княжество всё лежало в развалинах и пепелище от Тохтамышевой «благодарности», московское войско жестоко разорило всю рязанщину «злее ему стало и Татарьской рати»³⁶³. Чего добился Дмитрий? По существу, это был выплеск эмоций, злобы, отчаяния. Разорение уже разорённой Рязанской земли мало что изменило в сложившейся ситуации. Олег, и раньше-то не отличавшийся союзническим долгом, сейчас находился в полной зависимости от Орды, а не Москвы.

В Твери завязывался новый сложный событийный клубок. Мы помним, что митрополит Киприан бежал из осаждённой Москвы именно в Тверь, к Михаилу Александровичу, а не в Кострому, к Дмитрию, как бежавшая вместе с ним княгиня Евдокия. Получив ярлык на княжение Тверское, очевидно, по сговору с Киприаном, Михаил Тверской решил, что пробил его час. Тайком от Москвы, окольными путями вместе с сыном Александром Михаил Александрович пошёл в Орду к Тохтамышу, добиваясь ярлыка на великое княжение Владимирское и Новгородское. Это стало известно Дмитрию Ивановичу. Вне себя от гнева на митрополита, благословившего Тверского князя на поездку в Орду, московский князь снаряжает посольство к нему в Тверь, которое возглавляют два его боярина - Семён Тимофеевич и Михаил Морозов, «зоя его къ себе на Москву»³⁶⁴. 7 октября митрополит прибыл в Москву. Можно только догадываться о споре, разгоревшемся между ними. Конечно, главным упреком Дмитрия было не то, что «не седелъ въ осаде на Москве»³⁶⁵, этот упрек с таким же успехом мог быть применён и к нему самому, а то, что бежал к заклятому врагу московского князя Михаилу Александровичу. Главное, что, очевидно, припомнив все обиды, причинённые ему Дмитрием, Киприан поддержал в самую критическую минуту не его, Дмитрия, а тверского князя. Ведь без благословения главы церкви Михаил Александрович вряд ли решился искать великое княжение Владимирское, и не исключено, что Киприан был инициатором этого мероприятия. «Тое же осени съеха Киприянь митрополить с Москвы на Къевъ, разгнева бо ся на него великый князь Дмитрией»³⁶⁶. Никоновская летопись добавляет, что «съ нимъ вкупе поиде игумснь Афонасей изъ Серпухова княже Володимеровъ Андреевича»³⁶⁷. Вот за этими строчками видится ещё одна деталь в цепи доказательств, что братья оказались в конфликте друг с другом. Разгореться этому конфликту помешало прибытие посла от

хана Тохтамыша «о миру и с жалованием от царя»³⁶⁸. Очевидно, Тохтамыш вручил ярлык на княжение, признавая за Дмитрием Ивановичем титул великого князя Владимирского со всеми вытекающими отсюда последствиями. Воспрянув духом, Дмитрий Иванович на митрополичий престол вместо Киприана назначил Пимена, предварительно вызволив его из далёкой ссылки. Пимен с благодарностью принимает приглашение великого князя и уже зимой первым своим мероприятием производит назначение новых епископов: Саву в Сарай, Михаила в Смоленск, Степана Храпа в Пермь³⁶⁹, скорее всего, взамен верных Киприану людей. Всё начинается снова: борьба за единую русскую православную митрополию при главенстве Москвы, борьба за лидерство среди русских княжеств.

В ЛЕТО 6891 (1383 г.). 23 апреля 1383 года посылает Дмитрий Иванович своего старшего сына Василия в Орду к Тохтамышу «тягаться о великом княжении Володимерьскомъ и Новгородцкомъ съ великим князем Михаиломъ Александровичемъ Тферскимъ»³⁷⁰. Сам тверской князь находится в это время в Орде. Стремился ли московский князь «подстраховать» вручение ему ярлыка, чтобы хан не передумал в пользу тверского князя, либо это было условием Тохтамыша: направить к нему сына, как заложника покорности. Скорее всего, и то, и другое. Мы видим, что этим же летом находившийся в Орде Борис Константинович вызывает своего сына Ивана, а Дмитрий Константинович посылает в ставку сына Семёна³⁷¹ (Василий в это время находится при хане). Всё это не случайно. Через заложников хан добивался поддержания установившейся системы господства Золотой Орды над русскими князьями и их княжествами.

5 июля умирает Дмитрий Константинович Суздальский, тесть великого князя Владимирского Дмитрия Ивановича, и Тохтамыш вручает великое княжение Суздальское и Нижегородское его брату Борису Константиновичу, а не сыну умершего Семёну, как хотел этого князь. Наконец-то Борис дождался своего. Пройдя через горнило княжеских ссор и разногласий, захватывая у старшего брата Новгород и терпя поражение, довольствуясь ролью удельного городецкого князя, он всё же стал великим князем Суздальским, Нижегородским и Городецким. И таким правом наделил его Тохтамыш, получив верного слугу и союзника. А вот тверской князь не добился желаемого. Он ещё раз был пожалован тверским

княжением, а ярлык на Владимирское княжество Тохтамыш оставил за Дмитрием Ивановичем, комментируя своё действие: «...азъ улусы своя самъ знаю и кийждо князь Русский на моемъ улусе, а на своемъ отечестве живеть по старине, а мне служить правдою, и язъ его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московскаго, и азъ его поустрашилъ, и онъ мне служить правдою и язъ его жалую по старине во отчине его; а ты поиде въ свою отчину во Тферъ и служи мне правдою, и язъ тебе жалую»³⁷². Хан признавал Московское и Владимирское княжество вотчиной Дмитрия, а того - своим улусником, поставленным старшим над всеми русскими князьями. В Орде оставались сын Дмитрия Ивановича Василий, проведший там три года³⁷³, и сын Тверского князя Александр, которые чуть не оказались втянутыми в заговор против Тохтамыша, «смущаше убо ихъ некий царь Ординский, обещаваая комуждо дати великое княжение, яко «и царя глаголаше, на сие приведу»³⁷⁴. Что из этого получилось, источники молчат.

А тем временем Дмитрий Иванович берётся вновь за решение проблем русской митрополии. Вновь два утверждённых, правда, в разное время в Константинополе митрополита, в результате этого иерархии русской церкви также разбиты на два лагеря: союзники Киприана и Пимена. Чтобы покончить с подобной неопределённостью, в Константинополь к патриарху Нилу посылается посольство во главе с архиепископом Дионисием, самой влиятельной фигурой русской церкви в это время. Вместе с ним Дмитрий Иванович посылает своего духовника игумена Фёдора, племянника Сергия Радонежского, в котором он видел, возможно, преемника Митяя. Целью данного посольства было определиться об «управлении митрополии Русския»³⁷⁵. Снова проблемы русской митрополии выносятся на патриарший суд.

В ЛЕТО 6892 (1384 г.). По-своему трактовал Дионисий решение вопросов, стоящих перед русской митрополией. В Константинополе перед патриархом Нилом он выхлопотал себе звание митрополита Руси. И таким образом их стало три: один в Москве - Пимен, другой в Киеве - Киприан, третий в Константинополе - Дионисий. На что рассчитывал последний? На поддержку патриарха, по ведь он прекрасно понимал и зыбкость положения самого Нила. Продолжающееся наступление турок сокращало размеры константинопольской патриархии, и существенной помощью бы-

ли только денежные вливания Руси. А здесь без воли Великого князя не обойтись. Будет ли благосклонен Дмитрий к Дионисию? Навряд ли. Ещё свежи примеры заточения самозванца Пимена, расправы с Киприаном. Не получив санкции на посвящение в митрополиты от Московского князя, едва ли можно было ожидать радушного приёма в Москве. И Дионисий, получив сан митрополита, сначала едет в Киев, вероятно, с тем, чтобы низложить Киприана, утвердиться в матери городов русских. Но здесь встречает враждебное отношение со стороны Владимира Ольгердовича Киевского и Киприана. «Почто пошелъ еси въ Царьградъ къ патриарху ставитися въ митрополиты безъ нашего совета? Се бо на Киева есть митрополитъ Кипри-анъ и той есть всей Руси митрополитъ; пребуди убо зде седа въ Киеве»³⁷⁶. Дионисий, как в своё время и Алексей, оказался в заточении «до смерти своей». А игумен Симоновского монастыря Фёдор в это же лето прибыл в Москву архимандритом и «лишыиую честь поручи ему на Руси паче инех архимандрить»³⁷⁷. Щедро раздавал звания патриарх Нил, очевидно, были вескими аргументы в виде серебра и золота. Как бы то ни было, но после этого племянник Сергия Радонежского становится одним из главных сановников русской церкви. А осенью этого года уже из Константинополя прибывают на Москву два греческих митрополита - Матфей и Никандр, наверное, для изучения на месте положения дел русской митрополии, и привозят вызов Пимену явиться к патриарху Нилу.

Заработал в полную силу механизм зависимости русских княжеств от Золотой Орды. Осенью этого года во Владимир прибыл «посоль лють именемъ Адашь Тахтамышъ»³⁷⁸. В чём состояла лютость посла, догадаться несложно. Речь шла о выплате дани в больших размерах, в противном случае Адаш (Адам в некоторых источниках) грозил всякими карами. А Дмитрий Иванович, как великий князь Владимирский, отвечал за сбор этой дани, обязан был представить её в Орду в полном объёме, «бысть дань велиа по всему княжению Московскому, з деревни по полтине; тогда же и златом даваше въ Орду»³⁷⁹. Для разорённой Руси выплата подобной дани представляла большую сложность. С этой целью Дмитрий Иванович «посла боярь своихъ къ великому Новугороду, Феодора Свибла, Ивана Уду, Александра Белеута, черпаго бору брати; и даша Новгородцы черной боръ»³⁸⁰. Это вызвало большие волнения и возмущения в Новгороде, вылившиеся затем в открытое неподчинение московскому князю.

В ЛЕТО 6893 (1385 г.). Зимой в Новгороде созывается вече «по старому обычаю Новгородцкому». Жители Великого Новгорода, обеспокоенные выплатой дани Москве в пользу Орды, отказались подчиняться воле московского князя. Крестным целованием посадник Феодор Тимофеевич и тысяцкий Богдан Аввакумович клялись перед вечем не подчиняться митрополичьему суду, «но судити ихъ владыце Новгородцкому Алексею, или хто по немъ иный владыка будетъ въ Новгороде: судити же ихъ по закону Гречьскому и въ правде и въ вине быти у нихъ по вере, по евангелию закона Гречьского»³⁸¹. Сами посадник и тысяцкий обещали проводить свои суды согласно русскому обычаю при крестном целовании, при наличии двух свидетелей с каждой из спорящих сторон. Решение данного вече фактически ставило Новгород вне зависимости от Москвы, от великого князя Владимирского и делало шаг к дальнейшей конфронтации с Дмитрием Ивановичем. Ответные санкции не замедлили сказаться уже на следующий год.

А сейчас всё внимание Москвы вновь обращено к Рязани. Олег Иванович «изгоном» захватывает Коломну, важнейший стратегический пункт на южных рубежах московского княжества, разграбил город и увёл с собой большой «полон». В ответ на это Дмитрий Иванович посылает Владимира Андреевича с большой ратью на Рязанскую землю. Трудно сказать, чем закончилась битва между ними, известно только, что с московской стороны было убито много бояр московских, переяславских, новгородских и воевода великого князя Михаил Андреевич Полоцкий. Военное противостояние зашло в тупик. Взаимные набеги и разорения не приводили к одному какому-то результату. Нужен был иной выход из конфликта. И Дмитрий Иванович находит его.

В сентябре Великий князь идёт в Радонеж к преподобному игумену Сергию просить его о пособничестве в восстановлении мира с князем Олегом. Почему Дмитрий обращается именно к Сергию? Митрополита Пимена в это время не было на Руси. Он 9 мая отбыл в Константинополь по вызову патриарха Нила. Да и авторитетом таким, как игумен Сергий, он не располагал. Странное дело. Находясь практически всю свою жизнь в глуши Радонежа, Сергий своим неустанным трудом во имя Бога, подвижничеством, страстным желанием изменить монастырскую жизнь, введением общинножительствва получил такую известность на Руси, что слава о нём распространилась во все уголки, достигла Константино-

поля и затмила митрополичью. Если Дмитрий Иванович собирал Русь силой оружия, то Сергей силой православной веры, цементирующей все княжества Руси Великой.

Нелегко далась миссия Сергия в Рязань к Олегу Ивановичу, впрочем, предоставим слово летописцу. «Преже бо того мнози ездиха къ нему (Олегу. - В. Е.), и ничтоже успеха и не возмогоша утолити его; преподобный же игумен Сергей, старецъ чюдный, тихими и кроткими словесы и речми и благоуветливыми глаголы, благодатию данною ему от Святаго Духа, много беседоваль съ ним о ползе души, и о мире, и о любви; князь велики же Олег преложи сверепство свое на кротость, и утишися, и укротися, и умилися велми душею, устыдебося толь свята мужа, и взялъ съ великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ вечный миръ и любовь в родъ и родъ»³⁸². Чего не смог достигнуть Дмитрий военной силой, достиг Сергей силой слова, христианской кротостью. Конечно, союз нужен был обоим князьям, неуступчивость друг другу, вражда могли привести к более тяжким последствиям. А через некоторое время политический союз был подкреплён и брачным. Дмитрий Иванович отдал свою дочь Софию за сына Олега Ивановича Фёдора. Мир с Рязанью был восстановлен.

В ЛЕТО 6894 (1386 г.). «Того же лета князь великий Дмитрей Ивановичъ держа нелюбие на Новъгородъ про Кострому и про Волжань и поиде къ Новугороду ратью з братомъ своимъ изъ двоюродныхъ, со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ»³⁸³. Причиной похода московских ратей на Новгород, конечно, было не старое воспоминание о разорении новгородскими ушкуйниками Костромы и Заволжья, а их отмежевание от общерусских проблем, разрыв договора с Москвой, нарушение союзнических обязательств. На правах великого князя Владимирского Дмитрий Иванович решил наказать непокорных. К этому походу его войска были подготовлены значительно лучше, чем к походу на Рязань. Не дойдя тридцати километров до Новгорода, великий князь остановился в местечке Ямны. Новгородцы, собрав все свои военные силы, готовились к отражению соперника. Но увидев значительное превосходство в военной силе, послали послов во главе с Иваном Аввакумовичем и Иваном Александровичем с челобитной о мире. Это предложение Дмитрий Иванович категорически отверг. Следом отправилась вторая делегация новгородцев во главе с самим владыкой Алексеем. «Господине князь великий, азъ

тебе благославляю, а Великий Новгород челомъ бьетъ, чтобы еси, господине, учинилъ миръ, а кро-вопролитья бы не было; а за винныя люди Великий Новгородъ челомъ бьетъ тебе 8000 рублевъ»³⁸⁴. Но и это предложение Дмитрий не принял, тем более, что оно исходило от Алексея, замешанного в сепаратистских тенденциях. Возвращаясь ни с чем, Алексей послал гонцов в Новгород, чтобы жители готовились к осаде.

Новгородцы стали спешно возводить острог вокруг города. Князь Патрикий Нариманович выехал с дружиной навстречу врагу, но через некоторое время вернулся назад. А Дмитрий Иванович уже находился почти рядом с городом. В Новгороде начался переполох; по благословению владыки был зажжен посад, выгорели улицы, сгорели 6 деревянных церквей, 24 монастыря «и многъ бысть убытокъ Великому Новугороду»³⁸⁵. Между тем московские отряды грабили окрестности города, сжигали села, захватывали купеческие товары, уводили людей в полон. Посадник Григорий Якунович вновь предложил владыке Алексею заступиться за город. Собрав большую депутацию из двух архимандритов, семи попов, пяти человек в депутатов от каждого конца города, Алексей, придя к великому князю, просил его о мире. Новгородцы обязуются отыскать тех, кто устроил злодеяния в Костроме и на Волге и дают за них 8000 рублей и «черной боръ великому князю взяти с нихъ». Из казны Святой Софии новгородцы заплатили 3000 рублей и 5000 рублей обещали собрать с Заволочской земли, так как их люди повинны в участии в грабительских походах на Волгу. На таких условиях Дмитрий Иванович согласился принять мир с Новгородом и, очевидно, здесь же обговорил условия участия Новгорода в общерусской выплате дани и на будущее, кроме этого, «наместники своя и черноборцы посла въ Новгородъ Великий»³⁸⁶. Союз с Новгородом был восстановлен, но надолго ли?

В соседней Литве в этот год происходят события, круто повернувшие ход развития истории. Великий князь Ягайло Ольгердович женился на дочери польского короля Казимира, Ядвига, приняв предварительно католическую веру, и за это получил Польское королевство. Этим самым было положено начало объединения великого княжества Литовского с Польским королевством в единое целое. По всей литовской земле насильно вводилась католическая вера, отказывающихся подвергали пыткам, предавали смерти. Если учесть, что большая часть жителей Литовского кня-

жества была либо язычниками, либо православными, то станет ясно, что это событие имело далеко идущие последствия.

В этом же году, воспользовавшись тем, что «князи Ординьстии межъ собою заратишася»³⁸⁷, Василий, сын Дмитрия Ивановича, бежал из Тохтамышева плена. Но возвращаться на Русь пришлось окольным путём, «яко не возможно ему убежати прямо на Русь»³⁸⁸. С верными людьми он бежал в Подольскую землю к Волохскому воеводе Петру. Оттуда он попадает к Витовту Кестутевичу. После убийства своего отца Витовт вынужден был бежать «въ немецкую землю». Будущий наследник Московского престола очень заинтересовал князя. Он решил женить его на своей дочери, имея далеко идущие политические планы. Только после того, как Витовт получил согласие от Василия, он «отпусти его къ отцу на Москву».

В ЛЕТО 6895 (1387 г.). 9 января «прииде ко отцу своему великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву сынъ его князь Василей изъ Литвы, а съ нимъ князи Лятцкиа, и панове, и Ляхове, и старейший бояре великого князя, ходившей противу его»³⁸⁹. Велика была радость в княжеской семье, ведь Дмитрий Иванович видел своего сына преемником и помощником в нелёгком княжеском труде.

События этого года мало затронули непосредственно московского князя, развивались в основном на окраинах русского мира. Наиболее ярким из них было так называемое Смоленское побоище. Смоленский князь Святослав Ивановича совместно с племянником Иваном Васильевичем и сыновьями Глебом и Юрием «со многими силами» поставил задачу захватить город Мстиславль, ранее принадлежавший ему, но захваченный Литвой. Напав на литовские владения, смоляне учинили настоящие зверства по отношению к захваченным людям. «Иных Литовьскихъ мужей Смолняне изымавше, мучаху различными муками и убиваху; а иныхъ мужей и женъ и младенцовъ, во избахъ запирающе, зажигаху. А другихъ, стену разведъ храмины отъ высоты и до земли межъ бревень руки въкладываху, отъ угла до угла стисняху челоовски; и пониже техъ другихъ повешевъ межи бревень руки въкладше, стисня-ху такоже отъ угла до угла, и тако висяху челоовцы, такоже темъ обра-зомъ и до верху по всемъ четыремъ стенам сотворяху; и тако по мпо-гымъ храминамъ сотвориша и зажи-

гающе огнемъ во мнозе ярости. А младенцы на копие возстыкаху, а другихъ, лысты процепивше, вешаху на жердехъ, аки полти, стремглавъ, нечеловечьне безъ милости мучаху»³⁹⁰. Трудно оставаться спокойным, читая о таких злодеяниях. Что движет людьми в эту минуту? Животный инстинкт? Но в животном мире нет таких зверств по отношению к своей жертве. Чувство мести за совершённые ранее литовцами злодеяния? Тогда зло рождает только злобу, и конца этому нет... Я привёл этот отрывок летописи полностью, чтобы задуматься вот над чем. В преподавании истории часто сквозит перекося в сторону идеализации Руси, самих русских - наших предков. Мы часто говорим о зверствах нападавших на нашу страну: печенеги, половцы, татары, французы, фашисты и т.д., но часто забываем о негативной стороне и наших предков. А в освещении истории должна быть справедливость. Все люди едины и в любви, и в радости, и в злобе... 11 дней штурмовали смоляне Мстиславль, а на другой день увидели приближающиеся к городу литовские полки. Свои войска привели князя Свидригайло Ольгердович, Корибуд Ольгердович, Семён Лугвень Ольгердович, Витовт Кейстутевич «со множествомъ, бесчисленными силами Литовскими»³⁹¹. Разгорелся ожесточённый бой, в котором смоляне потерпели сокрушительное поражение. Сам Святослав Иванович Смоленский был убит, убит и его племянник Иван Васильевич, сыновья Святослава Глеб и Юрий были взяты в плен. После этого литовцы осадили и сам город Смоленск, получили с него большой откуп «и взяша падь Смоленяны свою волю, елико восхотеша»³⁹². Посадили на княжение своего ставленника Юрия Святославича, а Глеба, его брата, увели в плен в Литву. Так бесславно закончилось для смолян Смоленское побоище. Но беда не приходит одна. На Смоленск и его волость напал мор, причём такой опустошительный, что из всего Смоленска осталось лишь 10 человек³⁹³.

Из хроник, так сказать, местного значения выделим несколько. Михаил Александрович Тверской усиленно укреплял свой город и «ров копаша глубле человека»³⁹⁴. В Новгороде владыка Алексей добровольно покинул архиепископский престол «иездравие ради»³⁹⁵, находясь на нем неполных 30 лет и уйдя в монастырь, на покой. По новгородскому обычаю кандидатура архиепископа назначалась вечем и только после этого утверждалась митрополитом. Из трёх кандидатур «Ивана игумена Хутыньскаго, Афонасия игумена Рожественаго, Парфения игумена Благовещеньскаго»³⁹⁶

предпочтение было отдано Ивану, но окончательное решение вопроса отложили до приезда из Константинополя митрополита Пимена. Не успело отгреметь вече о избрании архиепископа, как вновь ударили в колокола у Святой Софии. «Новгородцкиа посадники и тысяцкиа сотвориша межи собою усобную брань»³⁹⁷, дело дошло до открытого вооружённого конфликта и лишь через две недели, отняв посадничество у Иосифа Захаровича, передали его Василию Ивановичу. На том и установился мир. Но теперь после нового договора с Москвой вопрос о назначении архиепископа и посадника должен был решать и утверждать митрополичий суд. И как только в сентябре Пимен прибыл в Москву, он сразу послал в Новгород послов с требованием явиться к нему новгородцам. 17 января в присутствии великого князя Дмитрия Ивановича, епископов Феогноста Рязанского, Михаила Смоленского, Саввы Сарайского, Данила Звенигородского Иван был торжественно поставлен в архиепископы Новгородские.

Вновь Рязанскую землю постигло нашествие татарских отрядов, «повоеваша ю, да и Любутескъ повоеваша, а Олга князя мала не яша»³⁹⁸. А на Нижегородской земле события принимают драматический характер. Борис Константинович Нижегородский послал в Орду к Тохтамышу своего сына Ивана, очевидно, чтобы закрепить за ним один из уделов. Этим же летом из Орды возвращается его племянник Василий Дмитриевич, которому Тохтамыш дал Городецкий удел. Братья Василий и Семён Дмитриевичи, желая, вероятно, получить полностью отцовское наследие, собрав Суздальские и Городецкие войска и спросив у Дмитрия Ивановича военной помощи, двинули на Нижний Новгород собранные военные силы. 8 дней они стояли у города, не в силах взять его, после этого был заключён мир дяди с племянниками. Летописец устами Бориса Константиновича изрёк: «...милые мои сыновцы, ныне азъ отъ васъ плачу, потом же и вы въснлачете отъ врагов своихъ»³⁹⁹. Уж князю Борису, как никому другому, доподлинно известно, как переменчива судьба, как больно она бьёт на крутых её поворотах.

В ЛЕТО 6896 (1388 г.). 11 противоречия, копившиеся в течение ряда лет между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, прорвались наружу. Трудно сказать определённо, что явилось причиной разногласий братьев, чуть ли не с пелёнок бывших друг с другом вместе. Очевидно, Владимира Андреевича стало тя-

готовить второстепенное положение «при великом князе», хотелось нечто большего. И поводом явилось завещание Дмитрия Ивановича, по которому интересы Владимира Андреевича резко ограничили и великое княжение передавалось Василию, сыну Дмитрия, а не передавалось по старшинству Владимиру Андреевичу. «Розмирие» было столь велико, что «поимани быша бояре старейший княже Володимеровы Андреевичя и розведени вси розно по городомъ и седеша въ нятыи и въ крепости велице и изтомлени и бяху у всякого приставленны приставницы жестоци зело»⁴⁰⁰. Правда, через некоторое время братья помирились, но подобные конфликты добром не проходят, оставляя занозы на сердце. По всей видимости, уже в это время Дмитрий Иванович тяжело болел. Несмотря на молодой ещё возраст, сказывались всё же груз пережитого, государственные заботы с юных лет, ежегодные военные походы и сражения, неудачи и особенно огромное нервное напряжение последнего десятилетия — всё это подточило его здоровье.

В ЛЕТО 6897 (1389 г.). Ещё один кризис обрушился на Дмитрия Ивановича весной этого года. В третий раз митрополит Пимен собрался идти в Константинополь. О целях его визита летописи не сообщают. Известно только, что «князь великий же Дмитрей Ивановичь понегодоваше на митрополита о семь, яко безъ его съвета поиде, бе бо и распря некая промсжь ихъ»⁴⁰¹. Что послужило распрей, что вызвало негодование Великого князя на митрополита, неизвестно. В результате этого Дмитрий Иванович тяжело заболел. «Потомъ разболесея и прискор-бенъ бысть добре, и паки легчае ему бысть, и возрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою, и велможа его, и паки впаде въ болшую болезнь, и стенание приди в сердце его, яко и внутреннимъ его торгатися»⁴⁰². Чувствуя приближение смерти, Дмитрий Иванович призвал к себе всю семью и сделал последние распоряжения - обращаясь поочерёдно к жене, сыновьям, он просил всех жить в мире и согласии. Мать оставалась главой дома, она должна направлять действия сыновей, поддерживать их, укреплять их веру. «Вы же, сынове мои, Бога бойтесе и родителя своя чтите, и миръ и любовь имейте межи собою»⁴⁰³. Одним из наказов сыновьям было чтить своих бояр: «любите и честь имъ достойную воздавайте противу делу коегождо, безъ ихъ думы ничтожс творите; приветливи будите къ всем служащимъ вамъ»⁴⁰⁴. Бояре, по

мнению Дмитрия Ивановича, — основа крепкой княжеской власти. И, обращаясь к ним, он призывает сохранить те обычаи и нравы, которые существовали во времена его правления, «съ вами великое княжение велми укрепихъ, и миръ и тишину княжению своему сътворихъ, и дръжаву отчины своя съблюдохъ... вы же не нарекошеся у мене бояре, но князи земли моея»⁴⁰⁵. Он просит бояр служить верой и правдой и княгине Евдокии, и его сыновьям «во время радости повеселитесь съ ними и во время скръби не оставите ихъ, да скорбь ваша на радость пременится»⁴⁰⁶: Дав наставление, Дмитрий Иванович осуществил раздел своего княжества между наследниками. Старшему, Василию, «въ руце его великое княжение, еже есть столь отца своего и деда и прадеда со всеми пошлинами, даль есми ему отчину свою, землю Русскую»⁴⁰⁷. Вот этот факт очень примечателен. Великое княжение Дмитрий передаёт как свою вотчину, которую собирали и он сам, и Иван Иванович, и Иван Данилович Калита. Даже намёка нет на право Орды распоряжаться этой землёй. Василий получает его на законном основании «по отчине и дедине». За ним закрепляется верховная власть и над своими братьями, и на всеми князьями, входящими в Московскую конференцию. «А дети мои, младшая братья княже Васильевы, чтите и слушайте брата своего старейшаго, князя Василья, въ мое место своего отца; а сыпь мой князь Василей дръжит своего брата Юрья и свою братью младшую въ братсье безъ обиды»⁴⁰⁸. Каждый из братьев получал свой удел. Второй сын, Юрий, - Звенигород со всеми волостями и бывшее Галичское княжество; третьему сыну, Андрею, - Можайск с сёлами и Белоозёро со всеми волостями; четвёртому, Петру, - Дмитров. «А отоиметь Богъ сына моего старейшаго Василья, а хто будетъ подь темъ сынъ мой, ино тому сыну моему столь Васильевъ, великое княжение»⁴⁰⁹. Вот этот пункт позднее станет камнем преткновения после смерти Василия Дмитриевича и приведёт к затяжной 25-летней кровопролитной войне между различными княжествами. Но разве мог думать об этом на смертном одре умирающий князь!

Большие земельные наделы выделялись княгине Евдокии, причём её владения имелись в каждом уделе её сыновей и в случае её смерти оставались затем сыном, во владении которого они находятся.

За братом своим, Владимиром Андреевичем, оставлялись лишь только те владения, «чемъ его благословилъ отецъ его князь Анд-

рей Ивановичь»⁴¹⁰. Именно с этим пунктом завещания не согласен был Серпуховский князь. Руководитель многих военных походов, организатор славных побед, герой Куликова поля, он низводился на уровень рядового удельного князя, подчинённого своему племяннику. Это явилось причиной «розмирия» с Дмитрием Ивановичем, это же послужило причиной конфликта сразу же после смерти Дмитрия с Василием Дмитриевичем.

Особым пунктом завещание касалось взаимоотношений с Ордой. На данном этапе признавалась зависимость от хана, но Дмитрий видел и перспективу: «А переменить Богъ Орду, дети мои не иму давати выхода в Орду, и которы сынъ возьмет дань на своемъ уделе, тому и есть»⁴¹¹. Всю свою жизнь Дмитрий Иванович посвятил делу борьбы с Золотой Ордой. Постепенно, камень за камнем создавая фундамент этой борьбы, подгонял и объединял русские княжества воедино. Светлым мигом победы, торжеством его идей была Куликовская битва. Но воздвигнутое здание было непрочным, и оно разрушалось под ударами Тохтамышевых полчищ. И Дмитрий Иванович снова принимался за этот кропотливый труд, разгребая обломки, создавая новую основу будущего государства. Его жизни па это не хватило. Но, уходя из жизни, он верил, что его потомки довершат начатое им.

19 мая в два часа ночи «тело же его святое и честное на земли остася, а святая его душа въ небесныя кровы вселися»⁴¹². Похоронен он был 20 мая в церкви Великого Архангела Михаила, усыпальнице московских князей, при стечении громадного количества людей, князей, бояр, архиепископов и епископов. «О страшное чудо, братие, и дива исполнено! о трепетное видение и ужась обдержаше! слыши, небо и внуши, земле! Како возпишу, или како возглаголю о преставлении сего великаго князя? Отъ горести душа языкъ связается, уста загражаются, гортань премолкла есть, смысл изменяется, зракъ опусневаетъ, крепость изнемогаетъ; аще ли премолчю, нудить мя языкъ яснее реши»⁴¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Татищев В. Н.** История Российская. М.; Л., 1965, Т.V. С. 110.
- ² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965. Т. XV. Вып. 1 (стб. 62).
- ³ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 110.
- ⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. (ДДГ). М.; Л. 1950. С. 15-19.
- ⁵ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 104.
- ⁶ Там же. С. 107.
- ⁷ Там же. С. 106.
- ⁸ Пит. по: Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. // Куликовская битва. М., 1980. С. 56.
- ⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 69.
- ¹⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 110.
- ¹¹ Там же.
- ¹² **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. С. 272.
- ¹³ ПСРЛ. Т. XV. С. 68.
- ¹⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 110.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. XV. С. 68.
- ¹⁶ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 110.
- ¹⁷ **Кучкин В. А.** Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 219-225.
- ¹⁸ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 110.
- ¹⁹ **Черепнин Л. В.** Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960. С. 539-542.
- ²⁰ **Пресняков А. Е.** Образование Великорусского государства. 11г., 1918. С. 295.
- ²¹ Там же. С. 296.
- ²² **Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви. М., 1993, Т. 1. С. 318.
- ²³ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 111.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 69).
- ²⁷ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 112.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ **Егоров В. Л.** Золотая Орда перед Куликовской битвой, // Куликовская битва. М., 1980. С. 184-191.
- ³⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 112.
- ³¹ **Егоров В. Л.** Указ. соч. С. 185.
- ³² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 71).
- ³³ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 112.
- ³⁴ **Егоров В. Л.** Указ. соч. С. 189.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 71).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же (стб. 73).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 113.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 72).
- ⁴³ Там же (стб. 73).
- ⁴⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 114.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Слово о полку Игореве. // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 383.

-
- ⁴⁷ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 114.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. XL С. 3.
⁵² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 114, 115.
⁵³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 73).
⁵⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 115.
⁵⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 3.
⁵⁶ Там же. С. 4.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ **Тихомиров М. Н.** Средневековая Москва в XIV-XV вв. М., 1957. С. 276.
⁵⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 4.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 115.
⁶² Там же.
⁶³ **Егоров В. Л.** Указ. соч. С. 191.
⁶⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 116.
⁶⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 5.
⁶⁶ Там же. С. 6.
⁶⁷ Там же. С. 4.
⁶⁸ **Тихомиров М. Н.** Указ. соч. С. 188.
⁶⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 6.
⁷⁰ **Гумилёв Л. Н.** Древняя Русь и Великая Степь. М., 1988. С. 566-569.
⁷¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 83).
⁷² ДДГ №4. С. 15.
⁷³ Понять родословную тверских князей поможет генеалогическая таблица у Н. М. Карамзина. См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. IV, родословные таблицы, роспись XIII.
⁷⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I (стб. 81).
⁷⁵ Там же (стб. 73).
⁷⁶ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 117.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Там же.
⁸⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 84).
⁸¹ Там же (стб. 84).
⁸² Там же.
⁸³ **Кучкин В. А.** Указ. соч. С. 73 -75.
⁸⁴ ДДГ. №5. С. 19-21.
⁸⁵ **Кучкин В. А.** Указ. соч. С. 70-71.
⁸⁶ ДДГ № 5. С. 19.
⁸⁷ Там же. С. 20.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ Там же. С. 21.
⁹⁰ **Егоров В. Л.** Указ. соч. С. 191.
⁹¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 85).
⁹² ПСРЛ. Т. XI. С. 9.
⁹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НИЛ). М; Л., 1950. С.370.
⁹⁴ Там же. С. 95.
⁹⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 88).
⁹⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 10.

-
- ⁹⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 87).
⁹⁸ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 119.
⁹⁹ Там же.
¹⁰⁰ **Егоров В. Л.** Указ. соч. С. 191.
¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 87).
¹⁰² Цит. по: Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993, Т. 1. С. 320-321.
¹⁰³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 87).
¹⁰⁴ Там же (стб. 88).
¹⁰⁵ Там же (стб. 89).
¹⁰⁶ Там же.
¹⁰⁷ Там же.
¹⁰⁸ Там же (стб. 90).
¹⁰⁹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 120.
¹¹⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 12.
¹¹¹ Там же.
¹¹² Там же.
¹¹³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 91).
¹¹⁴ **Пашуто В. Т.** «И въекипе земля руская...» // История СССР. 1980. № 4 С. 79.
¹¹⁵ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 121.
¹¹⁶ Там же.
¹¹⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 13.
¹¹⁸ **Татищев В. Н.** Указ. Соч. С. 121.
¹¹⁹ Там же.
¹²⁰ ПСРЛ. Т. XV (стб. 93).
¹²¹ ПСРЛ. Т. XI. С.14.
¹²² Там же.
¹²³ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 122.
¹²⁴ Там же.
¹²⁵ Там же.
¹²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 95).
¹²⁷ Там же, (стб. 96).
¹²⁸ Там же.
¹²⁹ Там же.
¹³⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 123.
¹³¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 98).
¹³² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 123.
¹³³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 98).
¹³⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 123.
¹³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 98, 99).
¹³⁶ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 124.
¹³⁷ Там же.
¹³⁸ Там же.
¹³⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 101).
¹⁴⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 125.
¹⁴¹ Там же.
¹⁴² Там же.
¹⁴³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 105).
¹⁴⁴ Там же.
¹⁴⁵ Цит. по: Карташев А. В. Очерки по истории... С.320.
¹⁴⁶ Там же. С. 321.
¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 105).
¹⁴⁸ Там же (стб. 106).

-
- ¹⁴⁹ **Егоров В. Л.** Золотая Орда перед Куликовской битвой. // Куликовская битва. М., 1980. С. 201.
- ¹⁵⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 126.
- ¹⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 107).
- ¹⁵² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 126.
- ¹⁵³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I (стб. 108).
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ **Тихомиров М. Н.** Средневековая Москва в XIV-XV вв. М., 1957. С.170.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ **Вессловский С. Б.** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 211—212.
- ¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 65).
- ¹⁵⁹ Там же (стб. 108).
- ¹⁶⁰ Там же (стб. 109).
- ¹⁶¹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 127.
- ¹⁶² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 109-110).
- ¹⁶³ Там же (стб. 110).
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 128.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 111-112).
- ¹⁶⁸ Там же, (стб. 111).
- ¹⁶⁹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 128.
- ¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 112).
- ¹⁷¹ ДДГ № 9. С.25-28.
- ¹⁷² Там же. С.27.
- ¹⁷³ Там же. С. 28.
- ¹⁷⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 129.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 113).
- ¹⁷⁸ Там же, (стб. 114).
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 129.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 116).
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 117.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ **Флоря Б. Н.** Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. // Куликовская битва. М., 1980. С. 158.
- ¹⁹⁰ Поучение Владимира Мономаха. // Памятники литературы Древней Руси XI нач. XII вв. М., 1978. 6.401.
- ¹⁹¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 118).
- ¹⁹² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 131.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 120).
- ¹⁹⁵ Там же, (стб. 120 121).
- ¹⁹⁶ Житие Сергия Радонежского. // Памятники литературы Древней Руси XIV - сер. XV века. М., 1981. С.393-395.

-
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 124).
¹⁹⁸ Там же, (стб.;125).
¹⁹⁹ Там же.
²⁰⁰ Там же. С. 126.
²⁰¹ **Скрынников Р. Г.** Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 39.
²⁰² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 126).
²⁰³ Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Фёдору. // Памятники литературы Древней Руси XIV - сер. XVI вв. М., 1981. С. 430.
²⁰⁴ **Прохоров Г. М.** Повесть о Митяе. // Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 201.
²⁰⁵ Начало русской литературы XI - нач. XII вв. // Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 169.
²⁰⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 127).
²⁰⁷ Цит. по: Карташев А. В. Очерки по истории... С. 327.
²⁰⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 127).
²⁰⁹ Там же, (стб. 128).
²¹⁰ Там же, (стб. 129).
²¹¹ Там же.
²¹² Там же.(стб. 128).
²¹³ Там же, (стб. 130).
²¹⁴ Там же.
²¹⁵ **Карташев А. В.** Указ. соч. С. 329.
²¹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 131).
²¹⁷ Там же.
²¹⁸ Там же.
²¹⁹ Цит. по: Карташев А. В. Очерки по истории... С. 233I.
²²⁰ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 136.
²²¹ Там же.
²²² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1 (стб. 134).
²²³ Там же.
²²⁴ Там же, (стб. 135).
²²⁵ Там же.
²²⁶ ПСРЛ. Т. XI.С. 43.
²²⁷ Летописная повесть о Куликовской битве. // Памятники литературы Древней Руси. XIV - сер. XV вв. М., 1981. С. 114.
²²⁸ Сказание о Мамаевом побоище. // Памятники литературы Древней Руси. XIV - сер. XV вв. М., 1981. С. 136.
²²⁹ **Флоря Б. Н.** Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. // Куликовская битва. М., 1980. С. 168.
²³⁰ Там же.
²³¹ Там же. С. 167-170.
²³² НПЛ. С. 375.
²³³ ПСРЛ. Т. XI. С. 45.
²³⁴ Там же.
²³⁵ НПЛ. С. 376.
²³⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 46.
²³⁷ Там же.
²³⁸ Там же.
²³⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 47.
²⁴⁰ Сказание о Мамаевом побоище. С. 134.
²⁴¹ Летописная повесть о Куликовской битве. С. 114.
²⁴² Там же. С. 115.

-
- 243 ПСРЛ. Т. XI. С. 49.
244 ПСРЛ. Т. XI. С. 51.
245 Там же. С. 52.
246 Сказание о Мамаевом побоище. С. 142.
247 ПСРЛ. Т. XI. С. 52.
248 Там же.
249 Сказание о Мамаевом побоище. С. 144.
250 Там же. С. 146.
251 Там же. С. 147.
252 Там же. С. 146.
253 Там же. С. 147.
254 ПСРЛ. Т. XI. С. 53.
255 Там же.
256 Сказание о Мамаевом побоище. С. 150.
257 ПСРЛ. Т. XI. С. 54.
258 Сказание о Мамаевом побоище. С. 152.
259 ПСРЛ. Т. XI. С. 56.
260 Кирпичников А. Н. считает, что был ещё и пятый полк - сторожевой. См.: Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 38-39.
261 ПСРЛ. Т. XI. С. 54.
262 **Кирпичников А. Н.** Куликовская битва. С. 39-40.
263 Летописная повесть... С. 116.
264 ПСРЛ. Т. XI. С. 54.
265 **Татищев В. Н.** Т. V. С.144; 5 сентября по «Сказаниям о Мамаевом побоище». С. 161.
266 **Татищев В. Н.** Т. V. С. 144.
267 ПСРЛ. Т. XI. С. 56.
268 Сказание о Мамаевом побоище. С. 162.
269 ПСРЛ. Т. XI. С. 56.
270 **Татищев В. Н.** TV. С. 145.
271 ПСРЛ. Т. XI. С. 58.
272 Сказание о Мамаевом побоище. С. 164.
273 **Татищев В. Н.** Т. V. С. 146.
274 **Бескровный Л. Г.** Куликовская битва... // Куликовская битва. М., 1980. С. 237.
275 **Татищев В. Н.** Т. V. С. 145.
276 **Бескровный Л. Г.** Указ. соч. С. 237.
277 **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 145.
278 Сказание о Мамаевом побоище. С. 175.
279 **Бескровный Л. Г.** Указ. соч. С. 237.
280 **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 146.
281 ПСРЛ. Т. XI. С. 58.
282 **Бескровный Л. Г.** Указ. соч. С. 237.
283 Там же.
284 ПСРЛ. Т. XI. С. 59.
285 **Татищев В. Н.** Т. V. С. 144.
286 ПСРЛ. Т. XXV. С. 202.
287 Там же.
288 **Кирпичников А. Н.** Указ. соч. С. 64.
289 Там же. С. 65.
290 **Бескровный Л. Г.** Указ. соч. С. 224.
291 **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 145.
292 Там же.
293 Там же.

-
- ²⁹⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 58.
²⁹⁵ **Кирпичников А. Н.** Указ. соч. С. 107.
²⁹⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 58.
²⁹⁷ Там же.
²⁹⁸ Летописная повесть... С. 123.
²⁹⁹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 146.
³⁰⁰ Задонщина // Памятники литературы Древней Руси XIV - сер. XV вв. М, 1981. 104.
³⁰¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 59.
³⁰² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 146.
³⁰³ Сказание о Мамаевом побоище. С. 172.
³⁰⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 146.
³⁰⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 59.
³⁰⁶ Там же.
³⁰⁷ Там же. С. 60.
³⁰⁸ Там же.
³⁰⁹ Там же.
³¹⁰ **Татищев В. Н.** Указ соч. С. 146.
³¹¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 60.
³¹² **Татищев В. Н.** Указ соч. С. 146.
³¹³ Там же.
³¹⁴ Там же.
³¹⁵ Там же.
³¹⁶ Сказание о Мамаевом побоище. С. 178.
³¹⁷ Там же.
³¹⁸ ПСРЛ. Т. XI. с.:61.
³¹⁹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 147.
³²⁰ Там же.
³²¹ Там же.
³²² Там же.
³²³ Там же.
³²⁴ Там же.
³²⁵ Сказание о Мамаевом побоище. С. 184.
³²⁶ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 149.
³²⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 69.
³²⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 205.
³²⁹ **Флоря Б. Н.** Указ. соч. С. 171-172.
³³⁰ Там же. С. 171.
³³¹ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 149.
³³² Летописная повесть. С. 129.
³³³ Там же. С. 131.
³³⁴ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 149.
³³⁵ Задонщина. С. 108.
³³⁶ **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 150.
³³⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 69.
³³⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 206.
³³⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 70.
³⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 206.
³⁴¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 72.
³⁴² ПСРЛ. Т. XXV. С. 206.
³⁴³ ПСРЛ. Т. XI. С. 72.
³⁴⁴ Там же.
³⁴⁵ Там же.
³⁴⁶ Там же.

-
- ³⁴⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 207.
³⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 73
³⁴⁹ Там же. С. 74.
³⁵⁰ Там же.
³⁵¹ Там же. С. 75.
³⁵² Там же.
³⁵³ Там же.
³⁵⁴ Там же.
³⁵⁵ Там же. С. 76.
³⁵⁶ Там же.
³⁵⁷ Там же. С. 77.
³⁵⁸ Там же.
³⁵⁹ Там же. С. 78.
³⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С.210.
³⁶¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 80.
³⁶² Там же. С. 81.
³⁶³ Там же.
³⁶⁴ Там же.
³⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С.210.
³⁶⁶ Там же.
³⁶⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 81.
³⁶⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 210
³⁶⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 81.
³⁷⁰ Там же.
³⁷¹ Там же. С. 84.
³⁷² Там же.
³⁷³ Там же. С. 83.
³⁷⁴ Там же.
³⁷⁵ Там же. С. 83.
³⁷⁶ Там же. С. 85.
³⁷⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 211.
³⁷⁸ Там же.
³⁷⁹ ПСРЛ. Т. XI. С. 85.
³⁸⁰ Там же.
³⁸¹ Там же.
³⁸² Там же. С. 87.
³⁸³ Там же.
³⁸⁴ Там же. С. 88.
³⁸⁵ Там же.
³⁸⁶ Там же. С. 89.
³⁸⁷ Там же.
³⁸⁸ Там же. С. 90.
³⁸⁹ Там же. С. 90-91.
³⁹⁰ Там же. С.91.
³⁹¹ Там же. С. 92.
³⁹² Там же.
³⁹³ Там же. С. 93.
³⁹⁴ Там же.
³⁹⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 214.
³⁹⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 93.
³⁹⁷ Там же.
³⁹⁸ Там же.
³⁹⁹ Там же.

-
- ⁴⁰⁰ Там же. С.94.
⁴⁰¹ Там же. С. 95.
⁴⁰² Там же. С. 113.
⁴⁰³ Там же.
⁴⁰⁴ Там же. С. 114.
⁴⁰⁵ Там же.
⁴⁰⁶ Там же.
⁴⁰⁷ Там же.
⁴⁰⁸ Там же. С. 115.
⁴⁰⁹ Там же. С. 114-115.
⁴¹⁰ Там же. С. 115.
⁴¹¹ ДДГ № 12. С. 36.
⁴¹² ПСРЛ. Т. XI. С. 116.
⁴¹³ Там же. С. 117-118.